

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 3 (63)

Нижний Новгород

2023

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н. А. Добролюбова. Вып. 3 (63). — Н. Новгород: НГЛУ, 2023. — 190 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Ж. В. Никонова

Редакционная коллегия:

А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), Р. М. Шамилов (*отв. секретарь*), М. А. Ариян,
О. В. Байкова (Киров), К. Э. Безукладников (Пермь), М. К. Бронич, М. А. Викулина,
Н. К. Гарбовский (Москва), Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев, В. И. Карасик
(Москва), С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина, Н. В. Макшанцева,
М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск), О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева,
Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова, В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США),
Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен ВАК РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2023

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

LUNN BULLETIN

Issue 3 (63)

Nizhny Novgorod

2023

LUNN Bulletin. Issue 3 (63). — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2023. — 190 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), R. Shamilov (*Executive Secretary*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev, V. Karasik (Moscow), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА	9
Лексические и синтаксические средства эмотивности в первую волну пандемии: дискурс-анализ медиа <i>Андреева Е. Ю.</i>	9
Ономастика как маркер ценностного конфликта <i>Беляева И. В., Кулумбегова Л. В.</i>	24
Синтактика лексемы «толерантность» как отражение ценностного конфликта <i>Брусенская Л. А., Котаева А. Р.</i>	37
Номинации лица в современном английском сленге <i>Голубева К. Г., Беспалова А. О.</i>	51
Вариативность качественных характеристик немецких гласных в различных темпоральных условиях (на материале австрийского варианта немецкого языка) <i>Иванов А. В., Голубева К. Г.</i>	58
Имплицитные средства речевого воздействия в современных англоязычных медиа <i>Иванова Р. А., Голубева К. Г.</i>	72
Эйджизм как новый стандарт политической полемики <i>Куликова Э. Г., Тедеева З. К.</i>	82
Рекламный ролик к фильму как компонент кинодискурса <i>Прасолова О. Д.</i>	93
Вербализация концепта <i>happiness</i> в лексеме <i>family</i> как показателя семейных ценностей в современных американских мультфильмах <i>Сиразетдинова Р. Н.</i>	105
Стереотип как когнитивный механизм концептуализации гендера (на материале НКРЯ) <i>Товкес М. Ю.</i>	116
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР	136
Мессианство «персоны» Зигги Стардаста Д. Боуи в контексте романа Р. Хайнлайна «Чужак в чужой стране» <i>Тюлин Д. А.</i>	136

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	152
Развитие гибких навыков преподавателей иностранных языков с помощью отечественных лингвистических онлайн-платформ и их оценка <i>Гусева Л. В., Лебедева М. В., Садиева А. Н.</i>	152
РЕЦЕНЗИИ	173
Трактовка вариативности как неотъемлемого свойства языка <i>Басова Т. А., Федуленкова Т. Н.</i>	173
«Стихия пения и музыки в языке» артефактов Сергея Кондратьева <i>Яковлева А. Ю.</i>	179
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	187

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE	9
Lexical and Syntactic Means of Expressing Emotivity in the First Wave of the Pandemic: A Media Discourse Analysis <i>Ekaterina Yu. Andreeva</i>	9
Onyms as Markers of Value Conflicts <i>Irina V. Belyaeva, Lyudmila V. Kulumbegova</i>	24
Syntactics of the Lexeme “Tolerance” as a Reflection of Value Conflicts <i>Lyudmila A. Brusenskaya, Alena R. Kotaeva</i>	37
Nominations of Persons in Modern English Slang <i>Kristina G. Golubeva, Anastasia O. Bepalova</i>	51
Variations of Qualitative Characteristics of German Vowels in Different Temporal Conditions (in the Austrian variant of German) <i>Andrey V. Ivanov, Kristina G. Golubeva</i>	58
Implicit Means of Linguistic Manipulation and Persuasion in Modern English-Language Media Texts <i>Rimma A. Ivanova, Kristina G. Golubeva</i>	72
Ageism as a New Standard of Political Polemics <i>Ella G. Kulikova, Zaira K. Tedeeva</i>	82
Film Trailers as a Component of Film Discourse <i>Olga D. Prasolova</i>	93
Verbalization of the Concept of “Happiness” in the Lexeme “Family” as an Indicator of Family Values in Modern American Animated Films <i>Regina N. Sirazetdinova</i>	105
Stereotypes as a Cognitive Mechanism of Gender Conceptualization (based on the Russian National Corpus) <i>Maria Yu. Tovkes</i>	116
CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE	136
The Messianism of D. Bowie’s “Persona” of Ziggy Stardust in the Context of the Novel “Stranger in a Strange Land” by R. Heinlein <i>Dmitry A. Tyulin</i>	136

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION	152
Developing Flexible Skills of Foreign Language Teachers with the Help of Russian Online Linguistic Platforms, and Assessment of These Platforms <i>Lyudmila V. Guseva, Marina V. Lebedeva, Anna N. Sadieva</i>	152
REVIEWS	173
Variability Interpretation as an Indispensable Property of a Language <i>Tatyana A. Basova, Tatyana N. Fedulenkova</i>	173
“Nature of Singing and Music in the Language” of Artefacts of Sergey Kondratiev <i>Anastasia Yu. Yakovleva</i>	179
CONTRIBUTORS’ INFORMATION	187

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 81'37

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-9-23

LEXICAL AND SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSING EMOTIVITY IN THE FIRST WAVE OF THE PANDEMIC: A MEDIA DISCOURSE ANALYSIS

Ekaterina Yu. Andreeva

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

The article looks at the image of the coronavirus reflected in the language of modern mass media texts, covering social, economic and political spheres, from a linguistic point of view. The aim of the research is to identify the role of lexical and syntactic means in expressing emotions in English-language online articles, video, and radio podcasts that contain information about the consequences of the coronavirus pandemic all over the world. Since the article examines a relatively recent globally significant phenomenon and provides analysis of the latest materials with illustrations of how they function in modern media texts, its relevance is obvious. The author presents a classification of the most common types of emotions expressed in contemporary media texts relative to the coronavirus pandemic. This classification singles out the most frequently observed types of emotions (positive and negative) and traces the link between types of emotion and ways of their expression. For the purposes of the analysis, the emotive lexical and syntactic means are split into several groups. Within each of the groups, there is a division into lexical means (namely stylistically marked lexical items and literary devices) and syntactic means (communicative types of sentences and violations of syntactic structures of sentences). The author identifies the most frequently used items, structures, and devices in oral and written media texts, presenting the results of the research in the form of a table. The results and conclusions of the study may serve as foundation for further research into the role of lexical and syntactic means that help to convey various shades of emotions in mass media texts.

Key words: expressive means; syntax; lexis; representation of emotions; COVID-19; mass media.

Citation: Andreeva, Ekaterina Yu. (2023) Lexical and Syntactic Means of Expressing Emotivity in the First Wave of the Pandemic: A Media Discourse Analysis. *LUNN Bulletin*, 3 (63), 9–23.

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-9-23.

**Лексические и синтаксические средства эмотивности в первую волну пандемии:
дискурс-анализ медиа**

Е. Ю. Андреева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Статья посвящена изучению языкового образа коронавируса в современных текстах средств массовой информации, которые охватывают социальную, экономическую и политическую

сферы жизни населения планеты, с лингвистической точки зрения. Цель исследования — выявить роль лексических и синтаксических средств в выражении эмоций в англоязычных статьях, видео- и радиоподкастах, содержащих информацию о последствиях коронавирусной инфекции во всем мире. Актуальность данной статьи определяется ее целью и новейшими материалами с наглядными примерами их функционирования в современных медиатекстах. Что касается методологии, в настоящем исследовании первостепенное значение имеют методы лингвистического описания и анализа текста через призму когнитивно-дискурсивного подхода к изучению языка. Данные методы и приемы применяются к текстам статей и подкастов, содержащих эмоциональный компонент, с целью отбора, анализа и систематизации фактического материала в рамках основных задач работы. В рамках настоящей статьи автор предлагает классификацию наиболее распространенных типов эмоций, выраженных в современных медиатекстах в отношении глобальной пандемии коронавируса, разразившейся в 2020 году. В данной классификации выделены наиболее часто встречающиеся типы эмоций (положительные и отрицательные), а также прослежена связь между типом эмоции и способом ее выражения. Для целей анализа в рамках настоящего исследования эмотивные лексические и синтаксические средства разделены на несколько групп. Выделяются лексические средства, охватывающие стилистически маркированные лексические единицы и литературные приемы, и синтаксические средства, включающие коммуникативные типы предложений и нарушения синтаксической структуры предложения. Наиболее часто используемые средства, структуры и приемы придания эмотивности выявлены как в устных, так и в письменных медиатекстах и представлены в виде таблицы. Основные проблемы и вопросы, поднятые в данном исследовании, могут послужить поводом для дальнейшего изучения роли лексических и синтаксических средств, способствующих передаче различных оттенков эмоций в текстах современных СМИ.

Ключевые слова: средства экспрессивности; синтаксис; лексикология; репрезентация эмоций; COVID-19; средства массовой информации.

Цитирование: Андреева Е. Ю. Лексические и синтаксические средства эмотивности в первую волну пандемии: дискурс-анализ медиа // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 3 (63). С. 9–23.

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-9-23.

1. Introduction

The COVID-19 pandemic, which engulfed the world at the beginning of 2020, has become an inseparable part of new reality. Being one of the biggest challenges ever faced by humanity, coronavirus has altered many aspects of life: health, economy, education, communication, and language. There has been a lot of talk in the news and the mass media about the impact of the new disease on the population of the world, and many different authors have continued to express different attitudes towards the COVID-19 pandemic and its consequences.

One of the most important problems of modern linguistics is the issue of creating expressiveness by means of various linguistic levels. O. V. Aleksandrova emphasizes that the expressive function of language consists in the ability “to express the emotional state of the speaker or writer, his subjective attitude to the designated objects and phenomena of reality” (Aleksandrova 2009: 7). According to E. M. Beregovskaya, expressiveness should be defined as “an ability

of syntactic forms to increase the pragmatic potential of an utterance beyond the degree that is achieved by lexical meanings of the elements that fill these syntactic forms” (Beregovskaya 2004: 3). As far as pragmatic impact is concerned, its major aim is to evoke an emotional response in a reader’s mind and transfer the author’s actual intentions by means of “an affective message” (Strel’nitskaya 2010).

Researching lexical and syntactic features of media texts in terms of emotional content plays an important role in modern linguistics. With the emergence and rapid development of the coronavirus pandemic, its reflection in the language of the media has become one of the central issues of contemporary linguistic studies (Tan et al. 2020; Piller, Zhang, Li 2020; Karachina 2020). The present article is one of the first attempts to analyze the image of COVID-19 through the prism of lexical and syntactic means used by different authors and speakers when they talk about the pandemic. Moreover, effort is made to identify and classify the universal techniques for communicating information regarding the coronavirus infection through the mass media and the linguistic tools for influencing the mass audience.

2. Materials and Methodology

The materials used for the purposes of the present research work relate to the most popular kind of contemporary media texts: the news and analytical articles from highly popular online sources of information (BBC News, The Economist, The Financial Express, Independent, The Diplomat, AP News, Sky News, GMP News, Birmingham Live) and some radio and video podcasts (TED Connects, BBC Radio, ABC News, NBC News, The World News, Microsoft News, ABQ Channel, CNBC Television, NowThis News, Teleradio-Moldova). The corpus of such texts produced and transmitted daily through the media continues to grow steadily.

In terms of methodology, the present research leans on the methods of linguistic description and text analysis through the prism of the cognitive-discursive approach to language studies. These methods and techniques are applied to the texts of articles and podcasts that contain emotional components with the goal of selecting, analyzing, and systematizing the factual material within the parameters of and in accordance to the main objectives of the study.

For the purposes of analysis, emotive lexical and syntactic means were divided into several groups. The author singles out the most frequently observed types of emotions (positive and negative) and traces the link between types of emotions and ways of their expression.

The present paper investigates 20 articles from online magazines and news platforms and channels and 20 radio and video podcasts on different

COVID-related issues, which were featured on British, American, and Australian websites in 2020–2021. The method of continuous sampling was used to collect the material when studying the essence of emotive language and identifying its main functions in digital media discourse.

3. Results and Discussion

One of peculiar features of contemporary mass media texts consists in their “judgmental nature” (Smakhtin, Klimova, Arkhipova, Andrievskii, Shalaimova, & Sidorova 2018: 103). Since Eddy M. Zemach defines emotions as attitudes to a particular situation or object, “like judgments” (Zemach 2001), it follows that modern media texts are highly emotive. Authors use different linguistic strategies to convey their emotions which can very often be “conceived of as pragmatic or epistemic actions” (Wilutzky 2015).

There exist many classifications of human emotions in modern science based on different aspects. For example, some researchers sort them out according to the degree of consciousness (Zajonc 1994). An American psychologist Carroll E. Izard in his differential emotions theory emphasizes ten distinct emotions, which are: joy, excitement, anguish, rage, startle, revulsion, scorn, humiliation, remorse, and terror (Izard 1994). All other emotional states, according to Izard, are derivatives or composites, i.e. they arise on the basis of several fundamentals. One of the world’s leading experts in the field of emotional psychology P. Ekman offers a list of six universal types of emotions: happiness, sadness, anger, fear, disgust, and surprise (Ekman 1999).

For the purposes of data analysis, we suggest a classification of the most common types of emotions expressed in contemporary media texts relative to the coronavirus pandemic. It seems obvious that the global outbreak of coronavirus and its dire consequences tend not to evoke such positive emotions as happiness. However, shared and joint opposition to the new dangerous disease can give rise to some positive shades of emotions: optimism (a very broad emotion expressing the belief that everything will be fine whatever the circumstances), hope (a more specific emotion or state of mind, based on an expectation of positive outcomes with respect to events and circumstances in one’s life or the world at large), and confidence (a state of being convinced that a chosen course of action is the best). As for negative emotions, we expand Ekman’s classification by clarifying and adding various shades of emotions, both reflected in the lexical and syntactic content in the articles and expressed by means of intonation in the reports and interviews devoted to the COVID-19 catastrophe. According to the analyzed written and oral texts, it seems that the most frequently expressed emotions are as follows:

Table 1. The most frequent emotions linguistically expressed in the media texts on COVID-19

Positive Emotions			Negative Emotions		
Emotion	Number of Texts		Emotion	Number of Texts	
	Oral	Written		Oral	Written
Optimism	0	3	Regret	3	1
Hope	3	2	Anxiety	2	3
Confidence	0	1	Confusion	5	4
			Excitement	2	1
			Despair	4	2
			Anger	1	3

This article presents two major ways of expressing attitudes to the COVID-19 pandemic through mass media texts.

3.1. Lexical Means

It is a proven fact that each language offers a wide range of various means that help authors to express and transfer their emotions. Many researchers support the idea that lexical means play a key role among the emotive tools of the language (Babenko 1989; Tripolskaya 1999; Brandausova 2008; Krasavsky 2008; Mikheeva 2010; Ebzeeva, Lenko 2016; Kabanova 2017; Egorova 2018; Loginova 2022). The lexical system of the language includes two types of words that convey human emotions and attitudes to different actions or phenomena: names of certain emotions (Gak 1998) and emotive lexical items (Shakhovsky 2019). It should also be noted that emotive lexis is traditionally studied taking into account such categories as evaluation, expressiveness, and imagery.

One of the most explicit ways of expressing emotions in texts is the use of interjections. This kind of expressing emotional states or attitudes towards something is mainly characteristic of oral texts:

(1) *When you're in quarantine, and there's really nothing to do but eat — **oh my God** — that was **brutal!*** (The Tonight Show Starring Jimmy Fallon; actor Jim Parsons about how he spent time in quarantine 2020)

The interjection 'oh my God' is used to highlight a strong feeling of despair in the midst of illness, verbally expressed through the adjective 'brutal' along with the intonation (a strong emphasis on the interjection, more specifically, the word "God") and the facial expression of the actor (tight lips and a downward gaze).

(2) ***Oh**, I don't know. I just feel like people think just because we're like a healthcare worker, that we are somehow immune to this, and we're not* (NowThis News; Nurse Shares Heartbreaking Reality of Health Care Workers Fighting COVID-19 2020).

Here the interjection reflects the nurse's deep emotion of despair due to insecurity in the face of a terrible disease that takes lives of her patients and colleagues day after day. She cries a lot when talking about her work in the hospital.

(3) *Just now the world is rightly focused on approving, making and administering vaccines. **Alas**, it also needs to face up to the fact that before jabs come to the rescue, the new variants will spread, creating deep difficulties for policymakers* (The Economist 2021).

In this excerpt, the interjection 'alas' expresses the author's strong emotion of regret about the fact that, despite numerous diligent attempts of scientists all over the world to create an effective vaccine against the coronavirus and recent successes in this matter, the virus may soon mutate, making all the work on the issue almost pointless.

Another important lexical means which helps to express emotions in texts is phraseological units. Phraseological units can often be found in both oral and written texts:

(4) *Many people crowded together in large metropolises meaning that disease can **spread like wildfire*** (BBC Radio 2020).

The author uses the idiom 'to spread like wildfire' (= extremely quickly) to show anxiety in India's population due to the recent outbreak of COVID-19; people are scared since they do not have a clear idea of how quickly the virus will spread.

The title of the article "*Coronavirus researchers warn of two 'dark horse' early signs of Covid-19*" (Birmingham Live 2020) directly points to the feeling of anxiety and confusion in the face of the new dangerous virus.

Among the stylistic means of the lexical level, we should note the widespread use of simile (which is regarded as a truncated phraseological unit) as one of the main means of figurative description of reality. For example, in an interview, Dr. Michael Osterholm compares the COVID-19 pandemic with a "forest fire":

(5) *I'm actually of the mind right now, I think this is more **like a forest fire**. I don't think that this is going to slow down...* (Microsoft News 2020)

One more significant means of transferring emotional message is a conceptual metaphor. According to G. Lakoff, "metaphor is not a matter of language but of thought: metaphor is 'a cross-domain mapping in the conceptual system'" (Lakoff 1993: 203). As a conceptual mechanism, a metaphor provides mutual projection of various mental formations within a certain conceptual structure. Traditionally three major types of conceptual projections are singled out: 1) single-feature mappings; 2) systematic mappings; and 3) image-schematic mappings (Koller 2003: 27–28). It is essential to notice that projec-

tions preserve the topology of the source field to the extent that it is consistent with the internal structure of the “target sphere” (Lakoff 1993). The mechanism of production of figurative expressions by means of language as well as their comprehension implicates metaphorical correspondences, which are an integral part of the conceptual system, i.e. they are the roots of it as a result of reliance on the realized physical, cultural, and social experience (Lakoff, Johnson 1980). Metaphorical model “fight against the COVID-19 pandemic is war” is widely used within the contemporary media discourse. The frequent use of this metaphor can be explained by similarity of the nature of military actions with the struggle of mankind against the coronavirus. The virus is conceived as a dangerous enemy which humanity is combatting while suffering heavy losses on the invisible front:

(6) *“The **fight** against the COVID-19 virus is **like a war** from which we must emerge victorious!” — this is how the last six months of their lives are described by several medical workers from the Republic of Moldova, who defend the borders of public health (Teleradio-Moldova 2020).*

Doctors fighting for the lives of patients perceive their work as a fierce battle against a powerful and very dangerous enemy. But it should be noted that their attitude towards this situation is quite optimistic, as evidenced by the epithet ‘victorious’ and the exclamation mark in the end.

(7) *It is interesting to notice that not only doctors, but also economists compare the new virus to war. The title of the article on the economic crisis caused by the COVID-19 pandemic says: “Coronavirus crisis: For survival, fight Covid-19 pandemic **like a war**” (The Financial Express 2020).*

The article “Vietnam’s War Against COVID-19” clearly shows the public attitude to the virus:

(8) *Whether it’s a public official vowing to “**Beat the pandemic like beating invaders,**” or a daily newscaster announcing that “**We will prevail over the virus, as we’ve prevailed over many previous enemies,**” the nation approached COVID-19 as if it were a military adversary (The Diplomat 2020).*

The new virus is perceived as an enemy, and people in their determination strongly believe that together they will be able to defeat it. The simile “beat the pandemic like beating invaders, prevail over the virus, as we’ve prevailed over many previous enemies,” based on the metaphorical frame “The Covid-19 pandemic is a war,” helps to convey a strong feeling of confidence.

Many political leaders and journalists in the news media adapt “war metaphors” to describe health-related, social, and economic challenges the world is facing (Isaacs, Priesz 2020; Semino 2021). In this connection, it is interesting to mention that some contemporary scholars believe that the use of such metaphors might be dangerous since people can be drawn to “an inward-looking, my-

country-first attitude” (Muzu 2020). The optimal solution may consist in the use of some less radical similes and metaphors in the mass media. For instance, Prime Minister Boris Johnson acknowledged that the COVID-19 pandemic “...has been a “**disaster**” for Britain, as he announced a spending splurge designed to get the country — and his faltering Conservative government — back on track.; “This has been a **disaster**,” Johnson acknowledged Monday. “Let’s not mince our words. I mean, this has been **an absolute nightmare** for the country and the country’s gone through a profound shock” (AP News 2020).

In one of the recent interviews, Prince Harry mentioned that the current COVID-19 pandemic should be perceived as the severe punishment from nature: “**Mother Nature sends us to our rooms for bad behaviour** to think about what we’ve done” (Sky News Australia 2020).

The conceptual analogy “nature as a strict mother” expresses Prince Harry’s deep regret for the current situation and makes people think about the adverse and destructive consequences of their activities.

Another notable feature of the media language during the pandemic in terms of lexis is the emergence of a large number of neologisms: new lexical units or new meanings that appear in a certain period of language development within the community (Herberg 2001). Many modern linguists (Zabotkina 1989; Lin 2013; Lin, Konchakova 2015; Girčienė 2015; Kuznetsova, Bezuglova 2017; Kobenko, Riabova, Snisar 2018) suggest that one of the reasons for the emergence of neologisms is the need for a speaker or writer to convey their thoughts in a more meaningful and emotional way.

In the difficult period of the COVID-19 pandemic, neologisms that reflect emotions regarding the current situation are coined quicker than ever and commonly used in the mass media. For example, the title of the article “*Trump dubbed ‘Covidiot in-chief’ after telling Americans not to be afraid of coronavirus*” (Independent 2020) clearly demonstrates the attitude of Democrats towards Donald Trump after he encouraged his fellow citizens not to be afraid of the coronavirus even though it had already claimed many lives. In this case, we deal with play on words: a part of a compound noun “in-chief” is added when referring to the head specialist in a particular sphere (e. g., *editor-in-chief*). And here that part merges with the neologism “covidiot”: “a person who annoys other people by refusing to obey the social distancing rules designed to prevent the spread of COVID-19” (Oxford Advanced Learner’s Dictionary) which explicitly reflects sarcasm, extreme disrespect, and anger.

3.2. Syntactic Means

To express emotions in texts, a variety of structural, semantic, and intonational features of syntactic units can be used, as well as some features of compositional construction of the text including its division into paragraphs and punc-

tuation marks (Aleksandrova 2009). Studying the expressive potential of syntactic means remains one of the topical areas of modern linguistics, and basic characteristics of expressive syntax have been thoroughly studied by a number of well-known linguists including O. V. Aleksandrova, I. V. Arnold, O. A. Kostrova, E. M. Beregovskaya, G. N. Akimova, and others.

In order to identify the main mechanisms of expressiveness and emotivity in a sentence, we will consider its relevant structural and semantic features as well as the basic functions of communicative types of sentences, traditionally distinguished in modern syntax:

1) exclamatory sentences, where one of the most important means of imparting expressiveness is exclamatory intonation, which conveys a wide range of emotions:

(9) *ABQ Fight COVID-19: We're all in this together!* (ABQ Channel 2020) — this title of the article bears a call to unite in a difficult time of the pandemic and expresses a hope that together people can defeat the insidious virus.

(10) *The virus will not have a chance against us!* (CNBC Television 2020) — this statement, made at the beginning of the coronavirus pandemic by Donald Trump, sounds optimistic: the president instills confidence in people and assures them that the virus will not prevail over a united nation.

2) imperative sentences which express the categorical meaning of motivation, which is often associated with expression and functions as a means of influencing attitude and behavior:

(11) *In times of COVID-19, don't give up on antimicrobial resistance (AMR) and stay united to preserve antimicrobials!* (GMP News 2021)

3) interrogative sentences, among which rhetorical questions bear the greatest emotional coloring:

(12) *What is the worst nightmare that a public health official could have and what are the things that we fear the most? The answer is consistent among me and my colleagues: the emergence of a respiratory illness that is highly transmissible its efficiency of going from person to person that has a significant degree of morbidity and mortality* (NBC News 2020).

Here the rhetorical question ‘What is the worst nightmare that a public health official could have and what are the things that we fear the most?’, implying the answer ‘The new coronavirus infection,’ conveys awareness of the COVID-19’s dangerous outcomes along with the feeling of confusion in the current unfavorable situation.

In addition to structural and semantic features of specific communicative types of sentences per se, at the syntactic level of the media texts, expressiveness also occurs as a result of violations of the syntactic structure:

(13) *More fundamental than whether other countries are willing to see China supplant America is whether it intends to* (The Economist 2020).

In this example, inversion in the indirect question is used to express the author's excitement about China's intentions towards America during a difficult time of the pandemic.

(14) *Indeed, in some instances the pandemic has introduced inefficiencies—the third factor. Companies are still spending on extra cleaning and other measures to make people feel safer, which will do little to raise ity* (The Economist 2022).

Here the parenthetical insertion belonging to the category of deliberation demonstrates the author's assurance of the fact that the consequences of the pandemic have a negative impact on companies' profits.

(15) *I think this is an unprecedented, really disconcerting time for everyone, with things being shut down, not knowing exactly how long it's going to last, worrying about the health of all the people we care about* (TED Connects 2020).

In the analyzed excerpt, homogeneous parts of the sentence, as both a syntactic and a lexical means, help the passionate techie Bill Gates to express the emotion of despair and anxiety when facing the dangerous virus. The participles 'unprecedented,' 'disconcerting,' and 'shut down' are attributes, whereas 'not knowing...' and 'worrying...' act as predicative constructions in the sentence.

(16) *The amount of patients that are coming in the emergency department and then to the hospital being admitted are tremendously higher. Then let's take it a step further: the number of patients that are requiring full support and eventually being intubated is three-four times what we were seeing before. // Much worse* (NBC News 2020).

This passage was taken from the video podcast on the popular media platform "NBC News". The speaker uses parcellation to highlight the feeling of anxiety and hopelessness in the face of the mutated variant of the coronavirus.

5. Conclusion

In summary, the present research demonstrates active use of emotive lexical means and syntactic constructions in the English oral and written mass media texts related to coronavirus, and the palette of their expressive potential is fairly diverse. Various shades of emotions expressed by these means may be divided into two big groups:

1) negative emotions (despair, confusion, regret, anxiety, excitement, and anger) in 77.5 % of the texts analyzed;

2) positive emotions (a sense of optimism, hope, and confidence) in 22.5 % of the texts analyzed.

Within each one of these two groups there is a division into lexical means, which include stylistically marked lexical items and literary devices, and syntactic means, which involve communicative types of sentences and violations of syntactic structure. The most frequently used items, structures, and devices that occur in both oral and written media texts can be presented in a form of a table:

Table 2. The most frequently used lexical and syntactic means of conveying emotions in media texts on COVID-19 at the level of minor syntax

Positive Emotions				Negative Emotions			
Lexical Means		Syntactic Means		Lexical Means		Syntactic Means	
Stylistically marked lexical items	Literary devices	Communicative types of sentences	Violations of syntactic structure	Stylistically marked lexical items	Literary devices	Communicative types of sentences	Violations of syntactic structure
neologisms	epithets	exclamatory sentences,	parenthetical insertions	phraseological units	metaphors	rhetorical questions	inversion
	metaphors	imperative sentences		neologisms	epithets		parenthetical insertions
	similes			interjections	similes		homogeneous parts of the sentence
							parcelation

The analysis of the sources proves that both lexical content and syntactic structures of statements play an important role in helping authors and speakers to highlight the main ideas in their utterances and to express different types of emotions regarding the current situation in the pandemic-stricken world.

The results and conclusions of the present study may be used as a springboard for further research into the role of lexical and syntactic means that help to convey different shades of emotions in mass media texts. It might also be interesting to analyze emotive components of media texts not only at the level of minor syntax, but also at the level of major syntax that involves composition features.

References

- Aleksandrova, Olga V. (2009) *Problemy ekspressivnogo sintaksisa: na materiale angliiskogo yazyka* (Problems of Expressive Syntax: On the Material of the English Language). Moscow: LIBROKOM. (In Russian).
- Babenko, Liudmila G. (1989) *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke* (Lexical Means of Denoting Emotions in the Russian Language). Sverdlovsk: UralGU. (In Russian).
- Beregovskaya, Eda M. (2004) *Ocherki po ekspressivnomu sintaksisu* (Sketches on Expressive Syntax). Moscow: Rokhos. (In Russian).
- Brandausova, Aleksandra V. (2008) *Osnovnye sintaksicheskie osobennosti angliiskoy literaturnoy skazki* (The Main Syntactic Features of the English Literary Tale). Extended Abstract of PhD Thesis in Philology. Moscow. (In Russian).
- Ebzeeva, Yulia N., & Lenko, Galina N. (2016) Leksicheskie sredstva vyrazheniya emotivnosti na materiale tekstov khudozhestvennykh proizvedeniy sovremennykh angliiskikh, frantsuzskikh i nemetskikh avtorov (Lexical Expressive Means of Emotivity (Based on Modern English, French and German Fiction)). *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages. Methods of Its Teaching*, 1, 142–151. (In Russian).
- Egorova, Liudmila G. (2018) Priemy rechevogo vozdeystviya v sovremennom regional'nom mediadiskurse (Verbal Impact Techniques in Modern Regional Media Discourse). *LUNN Bulletin*, 43, 30–38. (In Russian).
- Ekman, Paul. (1999) Basic Emotions. In Dalgleish, Tim., & Power, Mick J. (eds.) *The Handbook of Cognition and Emotion*. New York: John Wiley & Sons, 45–60.
- Gak, Vladimir G. (1998) *Iazykovye preobrazovaniya* (Language Conversions). Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". (In Russian).
- Girčienė, Jurgita. (2015) Common Root Neologisms on the Internet. *Valoda: Nozīme un Forma*, 6, 126–137.
- Herberg, Dieter. (2001) Neologismen der Neunzigerjahre. In: *Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz: Aktueller lexikalischer Wandel*. Berlin: Walter de Gruyter, 89–104. (In German).
- Isaacs, David, & Priesz, Anne. (2021) COVID-19 and the Metaphor of War. *Journal of Paediatrics and Child Health*, 57, 6–8.
- Izard, Carroll E. (1994) Innate and Universal Facial Expressions: Evidence from Developmental and Cross-cultural Research. *Psychological Bulletin*, 115, 288–299.
- Kabanova, Irina N. (2017) Lingvisticheskie mekhanizmy tendentsioznogo predstavleniya sobytiya v mediynom diskurse (Linguistic Mechanisms of Displaying Political Bias in Mass Media Discourse). *LUNN Bulletin*, 39, 29–38. (In Russian).
- Karachina, Olga E. (2020) Language of Pandemic: Linguistic and Cultural Aspects. *Russian Linguistic Bulletin*, 2 (22), 45–48.
- Krasavsky, Nikolai A. (2008) *Emotsionalnye kontsepty v nemetskoy i russkoy lingvokulturakh* (Emotional Concepts in German and Russian Linguistic Cultures). Moscow: Gnosis. (In Russian).
- Kobenko, Yury V., Riabova, Elena S., Snisar, Anastasia Yu. (2018) *Funktsii neologizmov v amerikanskikh sredstvakh massovoy informatsii XXI veka* (Functions of Neologisms in American Mass Media of the XXI Century). *World of Linguistics and Communication*, 4, 231–250. (In Russian).

- Koller, Veronika. (2003) *Metaphor Clusters in Business Media Discourse: A Social Cognition Approach*. PhD thesis. Vienna: University of Vienna.
- Kuznetsova, Anastasia A., & Bezuglova, Olga A. (2017) Sredstva massovoi informatsii kak odin iz osnovnykh istochnikov neologizmov v angliiskom iazyke (Mass Media as One of the Main Sources of Neologisms). *Philology. Theory and Practice*, 3 (69), 101–103. (In Russian).
- Lakoff, George. (1993) The Contemporary Theory of Metaphor. In *Metaphor and Thought*. 2nd ed. / ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lakoff, George, & Johnson Mark. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lin, Ming-Chang. (2013) A New Perspective on the Creation of Neologisms. *Acta Linguistica Asiatica*, 3 (1), 47–59.
- Lin, E., & Konchakova, Svetlana V. (2015) Pragmaticheskie funktsii neologizmov v sovremennykh SMI (Pragmatic Functions of Neologisms in Modern Media). *Bulletin of Tambov State University*, 11 (151), 193–197. (In Russian).
- Loginova, Polina G. (2022) Lingvisticheskie sredstva sozdaniya obraznosti v yazyke frantsuzskikh SMI (na material elektronnykh SMI, osveshchayushchikh prezidentskuyu gonku 2022 goda vo Frantsii (Figurality as a Dominant Feature Mass Media Covering the 2022 French Presidential Race). *LUNN Bulletin*, 3 (59), 33–48. (In Russian).
- Mikheeva, Natalia F. (2010) (2023, April 20) *Leksicheskie sredstva emotivnosti* (Lexical Means of Emotiveness). Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/326157014_Leksicheskie_sredstva_emotivnosti (In Russian).
- Muzu, Constanza. (2020) (2023, April 20) War Metaphors Used for COVID-19 are Compelling but Also Dangerous. *The Conversation*. Retrieved from <https://theconversation.com/war-metaphors-used-for-covid-19-are-compelling-but-also-dangerous-135406>.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary. (2023, April 11) Covidiot. In *Oxford Learner's Dictionaries.com*. Retrieved from <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/covidiot>.
- Piller, Ingrid, Zhang, Jie, & Li, Jia. (2020) Linguistic Diversity in a Time of Crisis: Language Challenges of the COVID-19 Pandemic. *Multilingua*, 39 (5), 503–515.
- Shakhovskiy, Viktor I. (2019) *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* (Categorization of Emotions in the Lexical-semantic System of the Language). Moscow: URSS. (In Russian).
- Semino, Elena. (2021) “Not Soldiers but Fire-fighters” — Metaphors and Covid-19. *Health Communication*, 36 (11), 50–58.
- Smakhtin, Evgeniy S., Klimova, Irina I., Arkhipova, Viktoria S., Andrievskii, Konstantin V., Shalamova, Olga O., & Sidorova, Natalia A. (2018) Verbalizing Emotions in Texts of Economic Mass Media. *XLinguae*, 11 (3), 103–113.
- Strelnitskaya, Ekaterina V. (2010) *Emotivnost i perevod: osobennosti yazykovoi peredachi emotsii pri khudozhestvennom perevode s angliiskogo yazyka na russky* (Emotionality and Translation: Peculiarities of Language Representation of Emotions within Literary Translation from English into Russian). Abstract to the Thesis of PhD. Moscow. (In Russian).
- Tan, Kim H., Woods, Peter, Azman, Hazita, Abdullah, Imran H., Hashim, Ruzy S., Rahim, Hajar A., Idrus, Mohd M., Said, Nur E. M., Lew, Robert, & Kosem, Iztok. (2020)

- COVID-19 Insights and Linguistic Methods. *3L The Southeast Asian Journal of English Language Studies*, 26 (2), 1–23.
- Tripolskaya, Tatiana A. (1999) *Emotivno-otsenochny diskurs: kognitivny i pragmatichesky aspekty* (Emotive-evaluative Discourse: Cognitive and Pragmatic Aspects). Novosibirsk: NGPU. (In Russian).
- Wilutzky, Wendy. (2015) Emotions as Pragmatic and Epistemic Actions. *Frontiers in Psychology*, 6, 1–10.
- Zabotkina, Vera I. (1989) *Novaia leksika sovremennogo angliiskogo iazyka* (New Vocabulary in Modern English). Moscow: Vyshaya Shkola. (In Russian).
- Zajonc, Robert B. (1994) Evidence for Nonconscious Emotions. In Ekman, Paul, & Davidson, Richard J. (eds.) *The Nature of Emotion: Fundamental Questions*. New York: Oxford University Press, 293–297.
- Zemach, Eddy M. (2001) What is Emotion? *American Philosophical Quarterly*, 38 (2), 197–207.

Language material resources

- ABQ Channel (2020) (2020, March 17) Even socially distanced, we're all in this together. Retrieved from <https://www.abqjournal.com/1433358/even-socially-distanced-were-all-in-this-together.html>.
- AP News (2020) (2020, June 29) Boris Johnson says COVID-19 has been a disaster for Britain. Retrieved from <https://apnews.com/article/virus-outbreak-london-boris-johnson-international-news-europe-c264bede9442cf8ce15a217d4fc54f92>.
- BBC (2020) (2020, August 20) Will Covid-19 change cities? Retrieved from <https://www.bbc.co.uk/learningenglish/features/6-minute-english/ep-200820>.
- Birmingham Live (2020) (2020, October 2) Coronavirus researchers warn of two 'dark horse' early signs of Covid-19. Retrieved from <https://www.birminghammail.co.uk/news/midlands-news/coronavirus-researchers-warn-two-dark-19036550>.
- CNBC Television (2020) (2020, March 12) When will life return to normal? Health experts on a possible exit strategy to the pandemic. Retrieved from <https://www.cnbcm.com/2020/03/24/coronavirus-health-experts-look-at-when-will-life-return-to-normal.html>.
- Independent (2020) (2020, October 6) Trump dubbed 'Covidiot in chief' after telling Americans not to be afraid of coronavirus. Retrieved from <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-election/coronavirus-trump-white-house-mask-hospital-health-b834229.html>.
- GMP News (2021) (2022, August 28) European Antibiotic Awareness Day (EAAD) 2021. Retrieved from <https://antibiotic.ecdc.europa.eu/en/european-antibiotic-awareness-day-eaad-2021>.
- Microsoft News (2020) (2020, June 6) Exploiting a crisis: How cybercriminals behaved during the outbreak. Retrieved from <https://www.microsoft.com/en-us/security/blog/2020/06/16/exploiting-a-crisis-how-cybercriminals-behaved-during-the-outbreak/>.
- NBC News (2020) (2020, September 7) COVID-19 is public health official's 'worst nightmare,' Fauci says Retrieved from <https://www.nbcnews.com/health/health-news/covid-19-public-health-official-s-worst-nightmare-fauci-says-n1233333>.

- NowThis News (2020) (2020, April 12) Nurse Shares Heartbreaking Reality of Health Care Workers Fighting COVID-19. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=EdqMd-070hs>.
- Sky News Australia (2020) (2020, December 3) Prince Harry suggests COVID is ‘mother nature’s punishment’. Retrieved from <https://www.skynews.com.au/australia-news/prince-harry-suggests-covid-is-mother-natures-punishment/video/c0c79843210a069f572c7062eed419ad>.
- TED Connects (2020) (2020, March 29) How we must respond to the coronavirus pandemic | Bill Gates. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=Xe8fIjxicoo>
- Teleradio-Moldova (2020) (2020, September 18) Doctors: The fight against COVID-19 is like a war from which we must emerge victorious. Retrieved from <https://trm.md/en/social/medici-lupta-impotriva-covid-19-este-ca-un-razboi-din-care-trebuie-sa-iesim-invingatori>.
- The Diplomat (2020) (2020, October 19) Vietnam’s War Against COVID-19. Retrieved from <https://thediplomat.com/2020/10/vietnams-war-against-covid-19/>.
- The Economist (2020) (2020, April 16) Is China winning? Retrieved from <https://www.economist.com/leaders/2020/04/16/is-china-winning>.
- The Economist (2021) (2021, January 2) What the new variants of covid-19 mean for human health. Retrieved from <https://www.economist.com/leaders/2021/01/02/what-the-new-variants-of-covid-19-mean-for-human-health>.
- The Economist (2022) (2022, August 28) The missing pandemic innovation boom Retrieved from <https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/08/28/the-missing-pandemic-innovation-boom>.
- The Financial Express (2020) (2020, May 28) Coronavirus crisis: For survival, fight Covid-19 pandemic like a war. Retrieved from <https://www.financialexpress.com/lifestyle/health/coronavirus-crisis-for-survival-fight-covid-19-pandemic-like-a-war/1972778/>.
- The Tonight Show Starring Jimmy Fallon (2020) (2020, September 28) Jim Parsons Says Sheldon Would Thrive During the COVID-19 Pandemic. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=jqN_DeghUPM.

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-24-36

ОНОМАСТИКА КАК МАРКЕР ЦЕННОСТНОГО КОНФЛИКТА*

И. В. Беляева¹, Л. В. Кулумбегова²

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

²Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова,
Беслан, Южная Осетия

Ономастика (все типы онимов) — одна из самых конфликтогенных зон в лексической системе языка, что обусловлено особенностями знаковой природы, то есть семантики и прагматического содержания онимов. Топонимические переименования отражают интересы людей различных убеждений, нейминг в сфере урбанонимов и маркировок передает различные эстетические и этические установки, что и обуславливает манифестацию ценностного конфликта. Ценностный конфликт есть неременный атрибут развитой социальной жизни, в которой неизбежно столкновение, противоборство несопадающих точек зрения. В статье анализируются ценностные конфликты, эксплицированные с помощью различных типов онимов, в которых позиционируются, сопоставляются, сравниваются и даже противоборствуют различные ценностные установки. Возвращение прежних топонимов, как и их сохранение, может вызывать обострение социально-коммуникативных противоречий. Достижение гармонии в этой сфере возможно только при скрупулезном учете всех факторов — исторических, этических, лингвопрагматических, а также при опоре на мнение людей, которых это касается прежде всего — жителей соответствующих территорий. Не менее конфликтогенными оказываются многочисленные, не поддающиеся жесткому структурированию разряды в сфере искусственной ономастики, которые отражают все разнообразие объектов. Фактором конфликтности могут быть все виды онимов, однако чаще других конфликтогенными оказываются меморативные топонимы и единицы искусственной ономастики — неймы, которые по разным причинам не всегда одобряются социумом. Именно конфликты такого рода нередко переходят в сферу юриспруденции, и их урегулирование осуществляется на уровне законодательства. В большинстве случаев специалисты в области топонимики и нейминга способны не только оценивать масштаб деструктивных последствий тех или иных наименований, но и давать действенные рекомендации. Материалом статьи послужили современные медийные тексты, в которых обсуждается правомерность использования тех или иных онимов, сталкиваются различные точки зрения на приемлемость меморативных топонимов или единиц искусственной ономастики. Для исследования применялась лингвопрагматическая интерпретация, а также метод социолингвистического анализа, при котором учитывается не только смысловое

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07002 «Разноуровневые речевые конститuentы конфликтной коммуникации».

содержание онима, но и широкий социальный контекст его возникновения и использования.

Ключевые слова: ономастика; топонимы; урбанонимы; прагматонимы; маркировки; бренды; ценностный конфликт; номинация; нормативность; прагматическое содержание.

Цитирование: Беляева И. В., Кулумбегова Л. В. Ономастика как маркер ценностного конфликта // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 3 (63). С. 24–36.
DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-24-36.

Onyms as Markers of Value Conflicts

Irina V. Belyaeva¹, Lyudmila V. Kulumbegova²

¹Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

²South Ossetian State University named after A. A. Tibilov, Beslan, South Ossetia

Onyms of all types remain one of the most conflictogenic strata in the lexical system of the language, which is readily explained by the nature of signs, i.e. the semantics and pragmatic content of onyms. Toponymic renaming reflects interests of people with different beliefs, while naming in the field of urbanonyms and markings expresses different aesthetic and ethical attitudes, all of which manifests value conflicts. A value conflict is an indispensable attribute of a developed social life, in which clashes or confrontations of conflicting points of view are inevitable. The article analyzes value conflicts expressed through different types of onyms, in which various value attitudes are positioned, compared, compared, and even opposed.

The return and / or preservation of formerly used toponyms may cause aggravation of social and communicative contradictions. Harmony can be achieved only when all historical, ethical, and linguopragmatic factors are carefully considered and opinions of people who are primarily concerned in the issue (i. e. people living on these territories) are taken into account. No less conflictogenic are the numerous categories of artificial onomastics, which cannot be structured rigidly and reflect a great diversity of objects. Even though all types of onyms may trigger a conflict, yet memorative toponyms and units of artificial onomastics (names, which, for different reasons, are not always approved of by the community) turn out to be conflictogenic more often than others. It is conflicts of this kind that often have to be regulated by legislators. In most cases, specialists in the field of toponymy and naming are able not only to assess the scale of the destructive consequences of certain names, but also to give effective recommendations. The article is based on modern media texts which discuss the necessity of using certain onyms and present differing points of view on acceptability of memorative toponyms or units of artificial onomastics. The study is based on the methodology of linguopragmatic interpretation and sociolinguistic analysis, which takes into consideration not only the semantics of the onym, but also the broad social context of its origin and use.

Key words: onomastics; toponyms; urbanonyms; pragmatonyms; labels; brands; value conflict; nomination; normative lity; pragmatic co-meaning.

Citation: Belyaeva, Irina V., Kulumbegova, Lyudmila V. (2023) Onyms as Markers of Value Conflicts. *LUNN Bulletin*, 3 (63), 24–36. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-24-36.

1. Введение

Онимам посвящена обширная литература, недаром термином «ономастика» обозначается не только совокупность имен собственных, но и — метонимически — отдельный раздел языкознания, их изучающий. Однако в качестве конфликтогенов они исследовались значительно реже, чем в более традиционных аспектах. Можно указать работы, посвященные лингвоюридическому функционированию имен собственных всех разрядов (Бикейкина 2011; Мозговой 2012; Šarčević 2015; Велиев 2021), труды по меморативным топонимам (Терентьев 2015; Петешова 2016; Кондакова 2017) и более обширный пласт исследований по конфликтному неймингу (Крюкова 2004; Новичихина 2004; Sokolova 2012; Мищенко 2013; Разумов 2014; Ремчукова, Соколова, Махиянова 2015; Соколова 2016; Sjöblom 2016). Сегодня «возникают новые предметные области изучения культурных измерений социальных конфликтов, в частности, роли языка и языков в конфликте мировоззренческих структур» (Завершинский 2019: 134–135). Статья посвящена роли одного из лексико-грамматических разрядов — онимов (в широком понимании, включающем «ономастическую периферию», то есть искусственную ономастику: прагматонимы, маркировки, товарные знаки, бренды) — в эксплицировании, манифестации и отчасти в разрешении таких конфликтов.

2. Материалы и методы

Материалом статьи послужили современные медийные тексты, в которых обсуждается правомерность использования тех или иных онимов, сталкиваются различные точки зрения на приемлемость меморативных топонимов или единиц искусственной ономастики. Для исследования применялась лингвопрагматическая интерпретация, а также метод социолингвистического анализа, при котором учитывается не только смысловое содержание онима, но и широкий социальный контекст его возникновения и использования.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Ценностный конфликт (Брусенская, Котаева 2022; Куликова, Тедеева 2022; Куликова, Акай, Тедеева 2022) имеет место тогда, когда осознанное коммуникативное поведение одних представителей социума вступает в противоречие с интересами, предпочтениями, идеалами других:

(1) *В Тобольске мои друзья хотели поставить поминальный крест в честь Ермака, одолевшего местного супостата и присоединившего Сибирь к России. А местные татарские националисты запретили это делать. Теперь там строится аэропорт, и этому аэропорту хотели дать*

имя Ермака. Но и это запретили! Дело доходит до того, чтобы дать аэропорту имя Кучума — того самого князька, которого разбил Ермак (Версия. № 13. 2021).

Характерно, что материал онимов подводит автора к таким далекоидущим выводам:

(2) Хорошо бы в целом по стране наладить баланс между представителями разных наций. Если эта проблема останется неподъемной, тогда России останется жить от силы лет десять (там же).

Наиболее очевиден ценностный конфликт в случаях с так называемыми меморативными топонимами — именованьями объектов в честь выдающихся исторических деятелей, чья роль оценивается представителями социума неоднозначно. Как известно, для периодов серьезных социальных перемен (Ступина 2021; Кодалаева, Акай 2022), «социального слома» характерны многочисленные императивные топонимические переименования по идеологическим мотивам:

(3) ...городской совет Ивано-Франковска обнародовал планы переименования нескольких десятков улиц, названных в честь великих деятелей Русского мира. Например, улица Достоевского станет улицей Героев Чернигова, а Лермонтова — Героев Мариуполя. Улице Ретина присвоят имя Мыколы Арсенича-Березовского <...> Особенно смешно получилось с Чайковским. Теперь бывшая Чайковского станет улицей Василя Слипак. Соразмерность масштабов Чайковского и Слипак никого здесь не смущает. Как и в других случаях переименований (Литературная газета. № 16. 2022).

На международных ономастических конференциях (таких как XXVI *International Congress of Onomastic Sciences*, 2017, Debrecen, Hungary) было сформулировано справедливое мнение о том, что подобные переименования свидетельствуют о политической незрелости общества.

Меморативная топонимика вообще в высшей степени идеологизирована, ср. фрагмент публикации из патриотической газеты «Завтра», где

(4) предлагается проспект Академика Сахарова в Москве переименовать, к примеру, в Тургеневский, потому что назван он был явно не в честь ученого-физика, а в честь диссидента, много сил приложившего для развала нашего государства, улице Александра Солженицына вернуть прежнее название Большая Коммунистическая, либо еще лучше — назвать в честь режиссера, артиста и просто хорошего человека Николая Губенко, благо театр на Таганке неподалеку (Завтра. № 17. 2022).

Цитируемый автор далее пишет, что надо

(5) провести «генеральную уборку», убрать с улиц и площадей наших городов позорные предательские имена — это только начало. Дальше просто необходимо вспомнить всех тех гениев нашей российской культу-

ры, кто все эти тридцать лет замалчивался. <...> Возникает сразу масса вопросов. Где улица гениального Василия Шукшина? Он тоже часть жизни прожил в Москве. Почему улицы имени писателя Василия Белова нет не только в Москве, но и в его родной Вологде? (там же).

Очевидно, все подобные предложения ярко демонстрируют ценностный конфликт современного русского социума. Наверное, только В. Шукшин признан безоговорочно, и такое решение может быть одобрено единогласно. Что касается В. Белова, то его исключительная значимость в русской культуре, достойная увековечивания, может быть оспорена. Неоднозначно отношение к Андрею Сахарову и Александру Солженицыну, в связи с чем переименование улиц, названных в их честь, может породить серьезный конфликт.

Возможно, правы те, кто выступает за нейтральные (в смысле идеологии) названия улиц с общей положительной прагматикой — *Абрикосовая, Виноградная, Черешневая, Жемчужная, Перламутровая?* Действительно, в районах новостроек нередко применяется именно такая стратегия. Но в то же время нельзя сбрасывать со счетов, что

(6) *...каждый топоним — верный страж истории. Нам только надо задаться вопросом: откуда то или иное название — и дверь в историю откроется* (Литературная газета. № 19. 2023). Интересно, что далее известный писатель А. Мелихов пишет:

(7) *Вот почему так важно сегодня вернуть всем улицам их исторические имена* (там же).

А вот это уже крайне спорно. Какое историческое имя надо вернуть Волгограду — Царицын или Сталинград? Царицын упоминается в исторических материалах с XVI в., а Сталинградом город побыл с 1925 по 1961 г. (так был отмечен вклад Сталина в оборону Царицына во время Гражданской войны). Сталинград стал символом перелома в Великой Отечественной войне,

(8) *и накануне 80-летия Сталинградской битвы на въездах в Волгоград установили юбилейные указатели «Сталинград»* (Московский комсомолец. 9 февраля 2023 г.).

Не один год в стране идут дискуссии о переименовании города. Можно понять тех (члены фракции КПРФ и движения «За новый социализм»), кто хотел бы вернуть название Сталинград, чтобы увековечить память о Сталинградской битве. Но мало кто хотел бы вернуть сталинизм во всех его чертах. И пока о единомыслии в обществе говорить не приходится, у нас не будет, как в Париже, ни станции метро «Сталинград», ни площади Сталинградской батальи.

Отражением ценностного кризиса являются и противоречивые наименования типа «Санкт-Петербург — центр Ленинградской области». Как известно, Ленинград был переименован по результатам референдума 12 июня 1991 г. (54 % при явке 64 % проголосовали за переименование, то есть почти половина была против). Бывший глава Волховского района вспоминает:

(9) Не испытывая особого пиетета перед именем Ленина я, тем не менее, не считал переименование насущной необходимостью. ...само имя «ленинградцы» стало после Великой Отечественной войны своеобразным мировым брендом, символом героизма и стойкости, и отказываться от него мне было равносильно отказу от своего отца-блокадника, от деда и бабушки, лежащих на Пискаревском кладбище. И на одном заседании Президиума облсовета я выступил с предложением о наложении моратория на переименование области (Советская Россия. 27 мая 2023 г.).

Переименования нередко осуществляются по инициативе жителей:

(10) В Рязани под напором Союза православных женщин были переименованы две улицы, еще с советских времен называвшихся Безбожными. И судя по их виду на гугл-картах, дела именно так и обстояли — высшие силы явно предпочитали не замечать эту часть Рязани (Собеседник. № 12. 2023).

И есть примеры, когда активность жителей помешала «топонимическому насилию»: бывший губернатор Краснодарского края А. Н. Ткачев выступал с инициативой вернуть Краснодару имя Екатеринодар, его поддержали епархия и местное казачество, однако народное движение «За Краснодар» отстояло нынешнее название (см. подробнее: [Велиев 2021]). Ср. также мысль указанного автора о том, что города, созданные в советский период, должны сохранить свои имена и оставаться словесным памятником эпохе, как, например, Комсомольск-на-Амуре.

Итак, реституция (возвращение прежних топонимов), как и сохранение названий, может вызывать обострение социально-коммуникативных противоречий. И достижение гармонии в этой сфере возможно только при скрупулезном учете всех факторов — исторических, этических, лингвопрагматических, а также при опоре на мнение людей, которых это касается прежде всего — жителей соответствующих территорий. Не менее конфликтогенными оказываются многочисленные, не поддающиеся жесткому структурированию разряды в сфере искусственной ономастики, которые отражают все разнообразие объектов. Терминологически эта сфера мало упорядочена: в сходных функциях используются такие термины, как «урбанонимы», «прагматонимы», «прагмонимы» и мн. др. Т. Н. Соколова относит их к сфере «коммерческого нейминга» (Соколова 2016) и пишет о

том, что в этой сфере чаще всего возникает проблема нарушения этических ограничений, ср.:

(11) *Увидел вывеску: «Покушай шо-то у Ашота» — стошнило. Ткнулся в спорткафе «Первая раковая» — и сразу назад. В ресторан «Между ног» заходить побоялся. Тут — «Кафе семейного отдыха». Но вывеска над ним: «Сирота». Не по себе стало. А через дорогу «Суши-муши» и «Шашлык-машлык». Даже аппетит от таких названий пропал!* (Литературная газета. № 36. 2022).

Ср. примеры скандальных, нередко асоциальных и аморальных коммерческих наименований, которые, естественно, вызывают справедливые протесты общественности, в работе (Велиев 2021: 110): названия баров «Ёшкин Кот», «Забей», «Обираловка», кафе «Жиртрест», ресторана «Мафиози», салонов красоты «Лысый стриж», «Баба Яга», магазинов «Ё Бельё», «Бельёмое», «Пиво от Коляна».

В указанной работе анализируется один из громких конфликтов последнего времени: «Станислав Вольтман, который в студенчестве увлекался историей, назвал свое заведение, где изготавливается шаурма, Stal'in Doner. Об этом заведении, где повара одеты в форму НКВД, с логотипа взирает “отец народов”, в меню — “Сталинская с двойным мясом”, “От Берии с соусом ткемали”, “Хрущевская в сырном лаваше” и т. д., написала даже британская The Times. Новшество было отвергнуто <...> как дурной маркетинговый ход и заведение по этой причине закрылось» (Велиев 2021: 116). Но перед этим имел место прямой конфликт сторонников «Мемориала» и партии «За правду», «которые единственные выступили в защиту неудачливого “магната от шаурмы”» (там же).

И. Левонтина (Левонтина 2016) обратила внимание на сеть аптек под названием «Медея». Если родители выбирают это имя для своей дочери и их не смущает миф об отравлении — это их личное дело, но ассоциации с ядами и отравлениями в названии аптеки в высшей степени неуместны, и это уже дело всего общества.

Те же проблемы характерны для номенклатурных знаков или торговых марок (в этой сфере также царит терминологический разнобой: практически в качестве дублетных могут быть представлены единицы «этикеточная лексика», «номенклатурный знак», «номен», «маркировка», «маркировочное обозначение», а также термин «нейм»).

Несколько особняком стоит термин «бренд», который связан с наименованием, заведомо обладающим узнаваемостью. Любой бренд обладает закрепленной системой типизированных позитивных коннотаций и ассоциаций, что не является обязательным для маркировок или товарных знаков. Эта категория лексики (прежде всего вследствие «креативности»

авторов неймов) тоже зачастую страдает несоответствием этическим нормам. Более того, конфликт может быть обусловлен тем, что товарный знак вводит потребителя в заблуждение, как это случилось с названием «гематоген». Уже много лет для этого продукта не используется кровяная субстанция, которая в свое время дала название и определила лечебные свойства батончика. Сейчас он по-прежнему продается в аптеках, но это просто очень сладкая конфета со всеми ее бесполезными свойствами. Или ср.:

(12) Этим летом в подмосковном «Перекрестке», куда регулярно захожу, я с некоторым недоумением обнаружил в холодильнике с мороженым баночку с надписью «Порнстар», мороженое от производителя ООО «Топфуд». Если кто-то не понял, то переводится это как «порнозвезда», то есть пользующаяся у соответствующей публики успехом порноактриса (или актер). Присутствие подобного названия в холодильнике с эскимо и фруктовым мороженым, куда наиболее часто заглядывают как раз дети, вполне возможно, на мой взгляд, счесть пропагандой порнографии среди несовершеннолетних, так как, прочитав непонятное слово, ребенок, вероятно, займется поисками в интернете, и легко представить, что там вылезет на такой запрос. Производитель наверняка сообщит вам, что «так называется популярный в ночных клубах коктейль», но Сеть покажет вам отнюдь не его. Посчитав находку потенциально опасной для детской психики, я написал соответствующее сообщение на сайте правительства Московской области, которое (надо признать, оперативно) перенаправили в областной Роспотребнадзор (Культура. № 11. 2022).

Как видим, Павел Власов, главный редактор газеты «Культура», инициировал разбирательство по поводу вредоносного нейма и смог достичь результата.

Коммерческие онимы оказываются конфликтогенными и провоцируют столкновение интересов правообладателей с социумом в случае использования графогибридизации, латиницы и вообще заимствований. Есть справедливое мнение, что «сохранение письма-кириллицы — это одно из неперемных условий поддержания жизнеспособности русского языка и русскоязычной идентичности» (Бондаренко 2020: 32).

В. И. Мозговой пишет о том, что латинская графика может использоваться исключительно в наименованиях транснациональных брендов (Мозговой 2019). Обращение к этому средству в других коммуникативных условиях, как правило, будет деструктивным. Однако реальная практика иная, потому что еще с конца 90-х гг. толковыми словарями отмечаются инографемные единицы (на основе латинского алфавита). Так, в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» под редакцией Г. Н. Складневской (1998) зафиксированы лексе-

мы, в том числе и аббревиатуры, которые передаются латиницей. То есть фактически этим единицам был придан нормативный статус, ибо их фиксирует толковый словарь.

Дело осложняется еще и тем, что многие российские бренды «прячут» свое исконное происхождение с помощью латиницы: *Alba, Carlo Pazolini, Gloria Jeans, 12storeez, Bosco, Henderson, Zarina, Love Republic, Savage*. Психологические и собственно коммерческие истоки этого совершенно понятны, однако приемлемым такое положение тоже считать нельзя.

Л. Мазурова предлагает:

(13) *Может быть, производителям, которые не стесняются кириллицы, ввести налоговые послабления? Названия на русском могут мешать экспорту? Возможно, да, а возможно, и нет. Не исключено, это как раз станет нашим уникальным знаком. И совершенно точно то, что если мы сами себя не полюбим, не стоит рассчитывать на любовь других* (Литературная газета. № 50. 2022).

Указанный автор вполне правомерно связывает языковые проблемы с глобальными проблемами воспитания и образования:

(14) *Патриотическое воспитание — это ведь не только «Разговоры о важном». Нет, рассказывать о победах и героях и Великой Отечественной, и других войн, безусловно, надо. Но этого мало. Вышел ребёнок из школы, а на него со всех сторон — латиница. От вывесок на магазинах до надписей на маечках с подспудным призывом «покупай импортное» (там же).*

4. Заключение

Итак, фактором конфликтности могут быть все виды онимов, однако чаще других таковыми оказываются меморативные топонимы и единицы искусственной ономастики — неймы, которые по разным причинам не всегда одобряются социумом. Именно конфликты такого рода нередко переходят в сферу юриспруденции, и их урегулирование осуществляется на уровне законодательства. Однако в большинстве случаев специалисты в области топонимики и нейминга способны не только оценивать масштаб деструктивных последствий тех или иных наименований, но и давать действенные рекомендации. Идеально, если такие рекомендации даны на стадии формирования нейма: именно в этих случаях конфликт может быть предотвращен.

Список литературы / References

Бикейкина Н. А. Лингвоконфликтологическое и юрислингвистическое исследование имени собственного: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011. [Bikeikina,

- Natalya A. (2011) *Lingvokonfliktologicheskoe i yurisingvisticheskoe issledovanie imeni sobstvennogo* (Linguoconflictological and Jurislinguistic Research of Onyms). PhD Thesis in Philology. Novosibirsk. (In Russian)].
- Бондаренко О. Р. Англизация коммуникативного пространства современной России: что дальше? // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 22–34. [Bondarenko, Olga R. (2020) Anglizatsiya kommunikativnogo prostranstva sovremennoy Rossii: chto dal'she? (Anglicization of Communication Environment of Modern Russia: What's Next?). *Vestnik of MSLU. Humanities*, 3 (819), 22–34. (In Russian)].
- Брусенская Л. А., Котаева А. Р. Ценностный конфликт и проблема иноязычных заимствований в русском языке XXI века // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 24–38. [Brusenskaya, Lyudmila A., & Kotaeva, Alena R. (2022) Tsennostnyi konflikt i problema inoyazychnykh zaimstvovaniy v russkom yazyke XXI veka (Value Conflict and the Problem of Foreign Language Borrowings in the Russian Language of the XXI Century). *LUNN Bulletin*, 4, 24–38. (In Russian)].
- Велиев З. Б. Онтология лингвоюридического конфликта (на материале онимов современного русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2021. [Veliev, Zakhid B. (2021) *Ontologiya lingvoyuridicheskogo konflikta (na materiale onimov sovremennogo russkogo yazyka)* (Ontology of the Linguistic and Legal Conflict (Based on the Material of the Onyms of the Modern Russian Language)). PhD Thesis in Philology. Rostov-on-Don. (In Russian)].
- Завершинский К. Ф. Социокультурная динамика политической памяти как источник конфликтов и согласия: теоретические экспликации и практики // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: Материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2019. С. 134–136. [Zavershinskii, Konstantin F. (2019) Sotsiokul'turnaya dinamika politicheskoi pamyati kak istochnik konfliktov i soglasiya: teoreticheskie ehksplikatsii i praktiki (Sociocultural Dynamics of Political Memory as a Source of Conflict and Approval: Theoretical Explications and Practices). In *Konfliktologiya XXI veka. Puti i sredstva ukrepleniya mira: materialy Tret'ego Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kongressa konfliktologov. Sankt-Peterburg, 15–16 noyabrya 2019 g.*) (Conflictology of XXI Century. Ways and Methods of Consolidating the Peace: Proceedings of the Third Saint-Petersburg International Congress of Conflictologists. Saint-Petersburg. November 15–16, 2019). Saint-Petersburg: Fond razvitiya konfliktologii, 134–136. (In Russian)].
- Кодалаева Х. Г., Акай О. М. Медиадискурс как источник грамматических сдвигов в русском языке: лингвоэкологический аспект // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 39–50. [Kodalaeva, Khansiyat G., & Akay, Oksana M. (2022) Mediadiskurs kak istochnik grammaticheskikh sdvigo v russkom yazyke: lingvoehkologicheskii aspekt (Media Discourse as a Source of Grammatical Changes in the Russian Language: Linguoecological Aspect). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 39–50. (In Russian)].
- Кондакова И. А. О применении топонима как средства манипуляции // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 12. С. 159–162. [Kondakova, Irina A. (2017). O primeneniі toponima kak sredstva manipulyatsii (About the use of a topo-

- nym as a means of manipulation). *Herald of Vyatka State University*, 12, 159–162. (In Russian)].
- Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. [Kryukova, Irina V. (2004) *Reklamnoe imya: ot izobreteniya do pretsedentnosti* (Advertising Name: from Invention to Precedent). PhD (Advanced) Thesis in Philology. Volgograd. (In Russian)].
- Куликова Э. Г., Акай О. М., Тедеева З. К. Синтактика феминитивов и экологическое мышление // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 21–32. [Kulikova, Ella G., Akay, Oksana M., & Tedeeva, Zaira K. (2022) *Sintaktika feminitivov i ehkologicheskoe myshlenie* (Syntactics of Feminitives and Ecological Thinking). *LUNN Bulletin*, 3 (59), 21–32. (In Russian)].
- Куликова Э. К., Тедеева З. К. Аббревиация в контексте нюансирования новых смыслов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 51–62. [Kulikova, Ella G., & Tedeeva, Zaira K. (2022) *Abbreviatsiya v kontekste nyuansirovaniya novykh smyslov* (Abbreviation in the Context of New Meaning Nuance). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 51–62. (In Russian)].
- Левонтина И. Русский со словарем. М.: Издательство АСТ-CORPUS, 2016. [Levontina, Irina. (2016) *Russky so slovarem* (Russian with a Dictionary). Moscow; Izdatel'stvo AST-CORPUS. (In Russian)].
- Мищенко И. А. Правовые и этические аспекты брендинга в России и Словакии // Проблемы экономики и менеджмента. 2013. № 2 (18). С. 47–50. [Mishchenko, Igor A. (2013) *Pravovye i ehticheskie aspekty brendinga v Rossii i Slovakii* (Legal and ethical aspects of branding in Russia and Slovakia). *Problemy ekonomiki i menedzhmenta* (Issues of Economics and Management), 2 (18), 47–50. (In Russian)].
- Мозговой В. И. Правовые горизонты ономастики // И слово Ваше отзовется. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. С. 373–383. [Mozgovoi, Vladimir I. (2012) *Pravovye gorizonty onomastiki* (Legal Horizons of Onomastics)]. In *I slovo Vashe otzovetsya* (Your Voice Will Echo). Kyiv: Izdatel'skii dom Dmitriya Burago, 373–383. (In Russian)].
- Мозговой В. И. Нейминг и норма // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.). Труды и материалы. М.: Изд-во Московского ун-та, 2019. С. 345–349. [Mozgovoi, Vladimir I (2019). *Neiming i norma* (Naming and norm)]. In *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'*. VI *Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka* (Moskva, filologicheskii fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova, 20–23 marta 2019 g.). *Trudy i materialy*. (Russian Language: Historical Destinies and Modernity: VI International Congress of Experts of the Russian Language (Moscow, School of Philology, Lomonosov Moscow State University, 2019, March 20–23). Works and Proceedings). Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 345–349. (In Russian)].
- Новичихина М. Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2004. [Novichikhina, Marina E. (2004) *Teoreticheskie problemy issledovaniya effektivnosti kommercheskoy nominatsii* (Theoretical Problems of Studying the Effectiveness of a

- Commercial Nomination). Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology. Voronezh. (In Russian)].
- Петешова О. В. Переименования географических объектов с позиций отечественной теории языка // Уч. записки Орловского гос. университета. 2016. № 3 (72). С. 195–198. [Peteshova, Olga V. (2016). Pereimenovaniya geograficheskikh ob"ektov s pozitsii otechestvennoi teorii yazyka (Renaming Geographical Objects from the Standpoint of the National Theory of Language). *Scientific Notes of the Orel State University*, 3 (72), 195–198. (In Russian)].
- Разумов Р. В. Активные процессы в урбанонимии Российской Федерации // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: Коллективная монография. Ярославль: ЯГПУ, 2014. С. 290–307. [Razumov, Roman V. (2014). Aktivnyye protsessy v urbanonimii Rossiiskoi Federatsii (Active Processes in Urbanonymy of the Russian Federation). In *Aktivnyye protsessy v sotsial'noi i massovoi kommunikatsii: kollektivnaya monografiya* (Active Processes in Social and Mass Communication: a Collective Monograph). Yaroslavl: YaGPU, 290–307. (In Russian)].
- Ремчукова Е. Н., Соколова Т. П., Махиянова Л. Р. Проблемы нейминга: новые русские урбанонимы в лингвокреативном аспекте // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9. С. 328–332. [Remchukova, Elena N., Sokolova, Tatyana P., & Makhyanova, Lyaysan R. (2015) Problemy neiminga: novye russkie urbanonimy v lingvokreativnom aspekte (Naming problems: New Russian Urbanonyms in the linguocreative aspect). *Humanities, Social-economic and social sciences*, 9, 328–332. (In Russian)].
- Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство. Монография. М.: Юрлитинформ, 2016. [Sokolova, Tatyana P. (2016) *Neimigovaya ehkspertiza: organizatsiya i proizvodstvo. Monografiya* (Naming Expertise: Organization and Production. Monograph). Moscow: Yurlitinform. (In Russian)].
- Ступина Е. С. Риторические коды политического дискурса: реализация стратегического потенциала акротезы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 2 (54). С. 77–88. [Stupina, Ekaterina S. (2021) Ritoricheskie kody politicheskogo diskursa: realizatsiya strategicheskogo potentsiala akrotezy (Rhetorical Codes of Political Discourse: Realization of the Strategic Potential of Acrothesis). *LUNN Bulletin*, 2 (54), 77–88. (In Russian)].
- Терентьев Е. А. Топонимический активизм «Право на город»: социологические заметки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политика. 2015. № 1 (29). С. 194–202. [Terent'ev, Evgeny A. (2015) Toponimicheskii aktivizm «Pravo na gorod»: sotsiologicheskie zametki (Toponymic Practices and “The Right to the City”): Sociological Notes). *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politics*, 1 (29), 194–202. (In Russian)].
- Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Склярёвской. СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. [Sklyarevskaya, Galina N. (ed.) (1998) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya* (Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Late Twentieth Century. Language Changes). Saint-Petersburg: Izd-vo “Folio-Press”. (In Russian)].
- Šarčević, Susan. (ed.) (2015) *Language and Culture in EU Law — Multidisciplinary Perspectives*. Farnham: Ashgate Publishing, Ltd.

Sokolova, Tatyana. (2012) Examination of Trade Marks, Company Names and Trade Names as the Means of Individualization in Russia. Theoretical and Methodological Approaches to the Problem. *Onoma*, Vol. 47, 263–279.

Sjöblom, Paula. (2016) Commercial names. In Hough, Carole. (ed.) *The Oxford Handbook of Names and Naming*. Oxford: Oxford University Press, 453–464.

Источники языкового материала / Language material resources

Власов П. Ценности по цене мороженого // Культура. 2022. № 11. С. 2. [Vlasov, Petr. (2022) Tsennosti po tsene morozhenogo (Values for the Price of Ice Cream). *Kultura*, 11, 2. (In Russian)].

Гужева Н. Теперь по-божески! // Собеседник. 2023. № 12. С. 3. [Guzheva, Nadezhda. (2023) Terper' po-bozheski! (Now in a Divine Way!). *Sobesednik*, 12, 3. (In Russian)].

Евсеев Б. Ленробух и «Бухен хауз» // Литературная газета. 2022. № 36. С. 17. [Evseev, Boris. (2023) Lentrobukh i «Bukhen khauz» (Lentrobuch and “Bukhen house”). *Literaturnaya gazeta*, 36, 17. (In Russian)].

Завольский Д. Зачем России новый Сталинград // Московский комсомолец. 2023. № 9. С. 3. [Zavol'skii, Domety. (2023) Zachem Rossii novyi Stalingrad (Why Does Russia Need a New Stalingrad). *Moskovskiy komsomolets*, 12, 3. (In Russian)].

Мазурова Л. Модный, но не приговор // Литературная газета. 2022. № 50. С. 23. [Mazurova, Lyudmila. (2023) Modnyi, no ne prigovor (Fashionable, but not a Verdict). *Literaturnaya gazeta*, 50, 23. (In Russian)].

Мелихов А. «Живем по указу Петра...» // Литературная газета, 2023, 19 мая. С. 17. [Melikhov, Aleksandr. (2023) Zhivem po ukazu Petra... (We Live by the Decree of Peter...). *Literaturnaya gazeta*, May 19, 17. (In Russian)].

Павлов Ю.А. Как спасали имя Ленинградской области // Советская Россия. 2023. № 57. С. 3. [Pavlov, Yury A. (2023) Kak spasali imya Leningradskoi oblasti (How Was the Name of Leningrad Oblast' Saved?). *Sovetskaya Rossiya*, 57, 3. (In Russian)].

Панин И. Старые недобрые традиции // Литературная газета. 2022. № 16. С. 8. [Panin, Igor. (2022) Starye nedobrye traditsii (Old Wicked Traditions). *Literaturnaya gazeta*, 16, 8. (In Russian)].

Проханов А. Вымывание русских // Версия. 2021. № 13. С. 2 [Prokhanov, Aleksandr. (2021) Vumyvaniye russkikh (Getting Rid of Russians). *Versiya*, 13, 2. (In Russian)].

Сухоруков Д. Сучье племя // Завтра. 2022. № 17. С. 7. [Sukhorukov, Denis. (2022) Such'e plemya (Bitch Tribe). *Zavtra*, 17, 7. (In Russian)].

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-37-50

СИНТАКТИКА ЛЕКСЕМЫ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНОГО КОНФЛИКТА*

Л. А. Брусенская¹, А. Р. Котаева²

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

²Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова,
Беслан, Южная Осетия

В статье анализируется содержание важнейшего для междисциплинарной науки концепта — «толерантность» — и его главной номинации, причем анализ ее семантического и прагматического содержания осуществляется с преимущественным учетом одной из сторон семиотической сущности лексемы — синтактики. Статья посвящена анализу категории толерантности в аспекте синтагматики главного именованного термина «толерантность», прагматика которого ощутимо меняется в последние годы, что отражает ценностный конфликт в социуме. Дистрибуция термина «толерантность» эксплицирует различные подходы, которые по сути являются манифестацией ценностного конфликта в обществе. Сведения о прагматическом содержании термина извлекаются из актуальных коллокаций, что достигается применением методов когнитивного, контекстологического и лингвопрагматического анализа. Использовалась также социолингвистическая методика на основе корреляции социальных и языковых категорий. Толерантность стала осознаваться как неперемное условие жизни в демократичном мультикультурном обществе, где существует множество конфессий, идеологий и политических взглядов, — именно там толерантность способна обеспечить «гармонию многообразия». В постперестроечной России толерантность стали относить к базовым ценностям, главным регулятивам социальной жизни. Причем нередко под толерантностью понималась не пассивная терпимость к иному, а активная позиция, продвигающая соответствующие представления, мнения, идеалы. Толерантное отношение к чему-либо никак не может быть само по себе охарактеризовано по шкале мелиоратив-пейоратив: важен объект, на который распространяется толерантный подход. Толерантное отношение к несправедливости, к преступлению, к аморальному поведению — заведомое зло, а не благо. Третья составляющая языкового знака — синтактика — в высшей степени информативна для выводов относительно других сторон — семантики и прагматики. Насущные коллокации несут негативную экспрессию, ярко высвечивают отрицательную прагматику, сформировавшуюся у термина «толерантность», передают вербально выраженное коммуникативное столкновение различных точек зрения. В настоящее время складывается новая коммуникативная практика использования термина «толерантность», и это целиком определяется экстралингвистическими обстоятельствами.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07002.

Ключевые слова: толерантность; политкорректность; ценностный конфликт; синтагматика; синтактика; семантика; прагматика.

Цитирование: Брусенская Л. А., Котаева А. Р. Синтактика лексемы «толерантность» как отражение ценностного конфликта // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 3 (63). С. 37–50. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-37-50.

Syntactics of the Lexeme “Tolerance” as a Reflection of Value Conflicts

Lyudmila A. Brusenskaya¹, Alena R. Kotaeva²

¹Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

²South Ossetian State University named after A. A. Tibilov, Beslan, South Ossetia

The article studies the content of “tolerance” – a most important concept for interdisciplinary studies, – by looking at its main nomination and analyzing its semantic and pragmatic content with a special emphasis on one of the sides of the semiotic essence of the lexeme: its syntactics. The article seeks to analyze the category of tolerance by examining the syntagmatics of its main nomination, the term “tolerance,” whose pragmatics has noticeably changed in recent years, reflecting value conflicts in society. The distribution of the term “tolerance” explicates different approaches that are essentially a manifestation of value conflicts in society. Information about the pragmatic content of the term is extracted from popularly used collocations by methods of cognitive, contextual, and linguopragmatic analysis. A sociolinguistic methodology based on the correlation of social and linguistic categories was also used. Tolerance has become recognized as an indispensable condition of life in a multicultural democratic society, where there are many faiths, ideologies, and political views, and where tolerance is able to ensure the “harmony of diversity.” In post-Perestroika Russia, tolerance began to be seen as one of basic values and a key regulator of social life. Moreover, tolerance was often understood not as passive tolerance for something “other,” whether different or unfamiliar, but as an active position promoting relevant ideas, opinions, and ideals. A tolerant attitude to something, however, cannot be characterized on the scale of meliorative-pejorative: the object to which the tolerant approach applies is important. A tolerant attitude to injustice, to crime, to immoral behaviour is an obvious evil, not a good. The third component of the linguistic sign (its syntactics) proves highly informative for its other aspects (semantics and pragmatics). Collocations that are currently popular carry negative connotations, highlighting the negative pragmatics of the term “tolerance” and expressing verbalized communicative clashes of different points of view. A new communicative practice of using the term “tolerance” is emerging, and this is entirely determined by extralinguistic circumstances.

Key words: tolerance; political correctness; value conflict; syntagmatics; syntactics; semantics; pragmatics.

Citation: Brusenskaya, Lyudmila A., Kotaeva, Alena R. (2023) Syntactics of the Lexeme “Tolerance” as a Reflection of Value Conflicts. *LUNN Bulletin*, 3 (63), 37–50.

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-37-50.

1. Введение

Заглавное слово рассматриваемого концепта восходит к латинскому *tolerans, tolerantis, tolerantia* — ‘терпеливо переносящий’, ‘терпение’, ‘тер-

пятий'. Термин «толерантность» традиционно используется в естественных науках — в иммунологии, медицине (ср. *толерантность к глюкозе* как наименование преддиабета, где под *толерантностью* имеется в виду снижение или полное отсутствие нормальной реакции на глюкозу).

В постперестроечной России толерантность стали относить к базовым ценностям, главным регулятивам социальной жизни. Причем нередко под толерантностью понималась не пассивная терпимость к иному, а активная позиция, продвигающая соответствующие представления, мнения, идеалы.

Идея толерантности (в «золотую» для нее пору — с конца XX в.) закономерно распространилась и на область языковой нормы (Крысин 2006), что проявилось, например, в лояльности к грамматическим девиациям (средний род слова «кофе» и под.) и лексическому субстандарту, а также в превалировании в общественном дискурсе тех языковых средств, которые заведомо снижают категоричность высказывания и, как считалось, ведут к гармонизации общения. Действительно, рекомендательный (а не директивный) характер новой нормативности, даже в области грамматики, более отвечал новой коммуникативной ситуации с разнообразными формами общения, породившими множество отдельных речевых жанров.

Категории толерантности и ее вербальному воплощению посвящен огромный массив литературы (Nicholson 1985; Асмолов 2001; Безлюева, Шеламова 2003; Соловьева 2007; Хомяков 2007; Растатуева 2008; Богданова 2011; Толерантность... 2011; Логинов 2013; Шаповалова 2013; Михайлова 2015; Романова 2015; Толерантность... 2017; Чистоградова 2020 и мн. др.). Было даже высказано мнение о том, что имеет право на существование специальная дисциплина — «толерантология», а специалистов следует именовать толерантологами (Багабиев 2011). Однако время показало, что это не так, а сегодня, когда «страна на марше», ей не так нужны «толерантологи».

Статья посвящена анализу категории толерантности в аспекте синтагматики (сочетаемостных свойств) главного именованного — термина «толерантность», прагматика которого ощутимо меняется в последние годы, что отражает ценностный конфликт в социуме.

2. Материалы и методы

На материале новейших медиа (в основном 2023 г.) анализируется прагматика термина «толерантность». Сведения о прагматическом содержании термина извлекаются из актуальных коллокаций, что достигается применением методов когнитивного, контекстологического и лингвопраг-

матического анализа. Использовалась также социолингвистическая методика на основе корреляции социальных и языковых категорий.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Судьба популярного слова в переломную эпоху неизбежно отражает социальные ценностные конфликты (Литвин 2004; Троценкова 2012; Venesch 2012; Голев, Обелюнас 2014; Хроменков 2016; Чернышева 2017; Макаренко 2018; Сондерс 2019; Анцупов 2020; Никитин, Устьянцева, Бородин 2021; Семенец 2021; Ступина 2021; Кара-Мурза 2020; Куликова, Акай, Тедеева 2022; Куликова, Тедеева 2022; Кулумбегова, Беляева 2022 и мн. др.). В указанных трудах, помимо прочего, выработано положение о том, что ценностный конфликт выполняет конструктивную диагностическую функцию, которая связана с выработкой новых норм гармоничного (неконфликтного) общения, так как позволяет выявить противоречия, рассмотреть разные мнения, скорректировать позиции.

О толерантности справедливо пишут как о новом (применительно к социальной сфере) «импортном концепте в русской лингвокультуре, который характеризуется идеологической детерминированностью, априорностью, элитарностью» (Растатуева 2008: 5). Конечно, соответствующее содержание было известно русской лингвокультуре давно (ср. зафиксированные в советской конституции понятия равенства, братства, свободы, а также категорию терпимости, терпения и заповеди о прощении врагов, о «хранении» мира с соперниками в православии). Однако в должной мере отрефлектировано это понятие было только с заимствованием концепта «толерантность».

Толерантность стала осознаваться как непереносимое условие жизни в демократичном мультикультурном обществе, где существует множество конфессий, идеологий и политических взглядов, — именно там толерантность способна обеспечить «гармонию многообразия». Как известно, 1995 г. по инициативе ЮНЕСКО был объявлен Международным годом толерантности, представители около двухсот стран подписали Декларацию принципов толерантности.

Слово «толерантность» включил в свой «Словарь модных слов» Вл. Новиков и в своих комментариях заметил, что простым людям это слово неизвестно, а у интеллектуалов оно нередко вызывает отторжение (как и западные принципы политкорректности) (Новиков 2016: 265–266). Для себя же Вл. Новиков вывел такой позитив толерантности: когда мы даем волю своей нетерпимости (к неприятному нам человеку, к оратору, высказывающему неблизкие нам взгляды и т. п.), мы стремительно растрачиваем

душевные ресурсы. Но «вот настроился на волну толерантности», на волну «нетрудных самоограничений» — и «ощущаешь прилив сил» (там же).

Широко распространенной стала точка зрения, что «толерантность есть добродетель воздержания от употребления силы для вмешательства во мнение или действие другого, хотя бы они и отклонялись в чем-то важном от мнения субъекта толерантности» (Николсон 2001: 134). Однако этот тезис изначально (до сложившейся именно в нашей стране практики) некорректен, и поправка могла бы выглядеть так: толерантность — благо только в тех случаях, когда она способствует установлению каких-либо реальных благ и бесспорных ценностей. Действительно, толерантное (мягкое, лояльное, терпимое и т. п.) отношение к чему-либо никак не может быть само по себе охарактеризовано по шкале мелиоратив-пейоратив: важен объект, на который распространяется толерантный подход. Толерантное отношение к несправедливости, к преступлению, к аморальному поведению — заведомое зло, а не благо.

Популярность идеи толерантности привела ко многим негативным сдвигам в общественной и культурной жизни — к разрушению традиционного уклада жизни, представлений о дозволенном и запретном, о добре и зле. Телевизионные ток-шоу немало поспособствовали тому, что повысилась толерантность к публичной демонстрации интимных сторон жизни, толерантность к преступлениям, даже самым тяжким (достаточно вспомнить серию телеинтервью с вернувшимся из мест заключения скопинским маньяком).

Под гендерно ориентированной толерантностью гораздо чаще стали понимать не равенство (в социальном плане) людей мужского и женского пола, а продвижение в социальной иерархии представителей нетрадиционной ориентации (что в странах Запада привело к законодательному разрешению однополых браков, установлению права однополых семей на усыновление детей и т. д.). Отношением к категории толерантности (понимаемой именно в этих ограниченных рамках) различаются либеральная часть российского общества и сторонники традиционных ценностей, не приемлющие «толерантную» евромодель «гендер-плюрализма».

Естественно, что в более расширительном понимании толерантность и сегодня нередко оценивается позитивно. Медиадискурс, нацеленный на перлокутивный эффект, отчетливо демонстрирует позитивную прагматику термина, чему способствует синонимический ряд *мягче и толерантнее*:

(1) *Вероника говорит, что сегодня общество изменило свое отношение к «особенным» людям, стало мягче и толерантнее* (М. Суранова «Девушка с «бриллиантовой рукой» // Собеседник. 2023. № 19. С. 15) —

речь идет об отношении к инвалидам, которых раньше не замечали, даже старались изолировать от общества.

Но прагматический компонент — наиболее подвижная часть содержания знака, зависящая от многих экстралингвистических условий, и именно изменение этих условий приводит к отчетливым сдвигам в прагматическом содержании этого термина. Заметим, что термины (прежде всего — общественных наук), а тем более околотерминологическая лексика вовсе не лишены прагматического компонента содержания (см. обоснование этого утверждения в работе: [Ларина 2007]). И прагматика термина выявляется с учетом другой знаковой характеристики — синтактики (синтагматики, коллокаций).

Когда стало очевидно, что страны Запада, в которые мы стремились интегрироваться, «толерантны» только на словах, изменилось и отношение к этому заимствованному концепту и базовому термину. Ср.: «...психологическую заикленность на Европе и на Западе в целом я считаю ошибочной» (интервью с А. Пушкиным «Уроки “Тигров” для “Леопардов”» // Аргументы и факты. 2023. № 4. С. 3). Можно сказать, что в обществе созрело понимание того, что эту психологическую зависимость надо преодолевать. Это имеет отношение и к заимствованной из английского лексеме «толерантность» (и соответствующему концепту). И дело не только в стремлении к вербальному «импортозамещению», а в том, что обнаружилась вредоносность самого концепта. Недаром стали популярны выражения *ядовитая толерантность* (Антончик 2017); *заразиться вирусом толерантности*:

(2) *Половина страны до сих пор не знает, что это такое, — «толерантность». И поэтому не заражена «вирусом толерантности»* (Бергсет 2016);

(3) *Однако Россия, пусть и успевшая слегка заразиться вирусом “толерантности”, пока успешно сопротивляется гибели и развалу. Именно это так бесит руководителей западных стран, покорно исполняющих волю Хозяев (или мнящих себя таковыми) Мирового Порядка* (В. Гераниева «Что такое толерантность или почему русских на западе называют фашистами?»); ср. также:

(4) *«бомбардируемые толерантностью» жители превращаются в солдат армии врага* (Бергсет 2016). То есть в объем понятия «толерантность», во-первых, вернулся медицинский компонент — ‘ослабление иммунологического ответа, то есть сопротивления чему-то вредоносному’, а во-вторых, основной коннотацией стала отчетливая пейоративность.

Преобладающей интонацией контекстов с термином «толерантность» становится ирония. Ср.:

(5) С большой помпой ожидался визит Рона в Израиль — там на местный день независимости он выступил в иерусалимском **Музее толерантности**, где на пресс-конференции **не слишком толерантно** отнесся к вопросу журналиста об опыте работы мистера кандидата на печально известной базе в Гуантанамо в нулевых и принялся на повышенных тонах объяснять тому, что это было давно и вообще неправда (И. Титов «Сбитый Карлсон» // Завтра. 2023. № 17. С. 2);

(6) Но нужна ли нам российская наука, если десятилетиями нам рассказывали о всемирной, а на самом деле западноевропейской и американской науке? И заниматься по-серьезному научной деятельностью можно только там, где текут **реки толерантности в берегах демократичности**. Напоминанием об этом служит скромное финансирование отечественной науки и первостатейная важность индекса цитирования научных статей в англоязычных журналах (Е. Сердечнова «Если нам не нужна собственная культура, то тогда можно не бороться» // Культура. 2023. № 23. С. 24);

(7) В опубликованном 15 мая докладе Дарема на 300 с небольшим страницах описываются все случаи того, что **толерантным прокурором** названо «предвзятым отношением» (И. Титов «Хилая Клинтон» // Завтра. 2023. № 20. С. 2);

(8) Да, название Федерального округа Колумбия, где находится **столица оплота толерантности Вашингтон**, надо указывать непременно с соответствующей сноской (Н. Алексеева «Полю Гогену досталось за малолеток» // Экспресс-газета. 2023. № 23. С. 24) — здесь ирония считывается с абсолютной точностью, притом что, например, в 90-гг. XX в. эта фраза могла восприниматься буквально.

Исследователи (Рязанов 2007; Бергсет 2016; Романова 2015, 2018) отметили манипулятивность термина «толерантность», ср.: «...толерантность так и не стала для российского общества социальной и культурной ценностью. В первую очередь, как нам кажется, по причине манипулятивной природы данного регулятива» (Романова 2018: 205). Манипулятивность очевидна, поскольку при использовании термина «толерантность» происходит перманентная сущностная подмена: отказ от своих и уступка чужим (и чуждым) убеждениям в условиях санкций, информационной войны и прямого конфликта с Западом, а это не толерантность, по сути это называется предательством. По мнению Ирины Бергсет, «толерантность — это инструмент манипуляции общественным сознанием. Она побуждает людей принимать то, что ранее казалось абсолютно неприемлемым» (Бергсет 2016)

Наиболее отрицательные свойства толерантности высвечиваются в таком употреблении:

(9) *В отличие от западных европейцев и американцев, старательно «редактирующих» в наши дни романы Агаты Кристи (и сотен других авторов), а «Маленького принца» Экзюпери превращающих — ради «гендерной справедливости» — в «Маленькую принцессу», мы, слава Богу, не впали в маразм «толерантности», не бросились переписывать отечественных классиков. В противном случае Островскому бы сильно не повезло. В его творчестве столько всего «неполиткорректного», особенно во взаимоотношениях полов-гендеров, что пьесы нашего главного драматурга наверняка ждала бы самая радикальная переделка (Н. Михалков «Война за русскую культуру» // Свой. Май 2023. С. 2).*

В публицистических текстах находим такие разъяснения феномена толерантности:

(10) *«Толерантность» означает «не-сопротивление-злу». Это слово действует на мозг человека, на наше сознание, как нервно-паралитический газ. Слово «толерантность» — это «кнопка» выключения нашей «внимательности». Это «слово-Кашиповский», которое «внушает» всем россиянам: «спите, спите», в то время как армии врага возьмут ваши города и села. «Толерантность» — это аксиома из идеологии, построенной на нетрадиционных ценностях. <...> На этом понятии строится идеология «вседозволенности пороков», где все формы извращений подаются с позиции якобы разнообразия форм сексуальности (Бергсет 2016).*

Современные медиа изобилуют разнообразной информацией о конфликтах, служат площадкой для борьбы одних ценностей с другими. И основополагающий междисциплинарный термин, который приобрел популярность в социальных науках не ранее 80-х гг. XX в. (хотя само слово было заимствовано гораздо раньше), в самые последние годы (особенно — после начала СВО) стал знаком ценностного конфликта. У этого конфликта есть и конструктивная роль: он позволяет эксплицировать ценности русской лингвокультурной общности в противовес так называемым западным ценностям.

4. Заключение

Итак, третья составляющая языкового знака — синтактика — в высшей степени информативна для выводов относительно других сторон — семантики и прагматики. Насущные коллокации несут негативную экспрессию, ярко высвечивают отрицательную прагматику, сформировавшуюся у термина «толерантность», передают вербально выраженное коммуникативное столкновение различных точек зрения. Складывается новая

коммуникативная практика использования термина «толерантность», и это целиком определяется экстралингвистическими обстоятельствами.

Список литературы / References

- Антончик М.* Ядовитая толерантность. Русский язык пополнялся иностранными словами. 25.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://alex-ut.livejournal.com/1749486.html> (дата обращения: 03.07.2023). [Antonchik, Mikhail. (2017, 25 October) (2023, July 03) Yadovitaya tolerantnost'. Russkii yazyk popolnyalsya inostrannymi slovami (Toxic Tolerance. The Russian Language Was Replenished with Foreign Words). Retrieved from [ut.livejournal.com/1749486.html](https://alex-ut.livejournal.com/1749486.html) (In Russian)].
- Анциупов А. Я., Шипилов А. И.* Словарь конфликтолога. 4 изд-е, испр. и доп. М.: Проспект. 2020. [Antsupov, Anatoly Ya., & Shipilov, Anatoly I. (2020) *Slovar' konfliktologa*. 4 izd-e, ispr. i dop. (A Conflictologist's Dictionary. 4th ed., revised and extended). Moscow: Prospekt. (In Russian)].
- Асмолов А. Г., Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А.* О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. 2001. № 1-2. С. 8–18. [Asmolov, Aleksandr G., Soldatova, Galina U., & Shaigerova, Lyudmila A. (2001) O smyslakh ponyatiya "tolerantnost'" (On the Meanings of the Concept of "Tolerance"). *The Age of Tolerance: Scientific and Publicistic Bulletin*, 1-2, 8–18. (In Russian)].
- Багабиев Д. С.* Толерантология как новая научная дисциплина // Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований: Сборник научных статей / Под научн. ред. М. В. Новикова, Н. В. Нижегородцевой. Ярославль: ЯГПУ, 2011. С. 326–327. [Bagabiev, Denis S. (2011) *Tolerantologiya kak novaya nauchnaya distsiplina* (Tolerance as a New Scientific Discipline). In Novikov, Mikhail V., & Nizhegorodtseva, Nadezhda V. (sc. eds.) *Tolerantnost' v sovremennom obshchestve: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: sbornik nauchnykh statei* (Tolerance in Modern Society: Experience of Interdisciplinary Researches: a Collection of Scientific Papers). Yaroslavl: Izd-vo YAGPU, 326–327. (In Russian)].
- Безлюева Г. В., Шеламова Г. М.* Толерантность: взгляд, поиск, решение. М.: Вербум-М, 2003. [Bezlyueva, Galina V., & Shelamova, Galina M. (2003) *Tolerantnost': vzglyad, poisk, reshenie* (Tolerance: a Look, a Search, a Solution). Moscow: Verbum-M. (In Russian)].
- Бергсет И.* 10 причин отказаться от слова «толерантность» [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 8 ноября 2016. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2016/noyabr/2016-11-09/irina_bergset_10_prichin_otkazatsya_ot_slova_tolerantnost (дата обращения: 03.07.2023). [Bergset, Irina. (2023, July 3) 10 prichin otkazat'sya ot slova "tolerantnost'" (10 Reasons to Abandon the Word "Tolerance"). *Russkaya narodnaya liniya*. 2016, November 8. Retrieved from: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2016/noyabr/2016-11-09/irina_bergset_10_prichin_otkazatsya_ot_slova_tolerantnost (In Russian)].
- Богданова А. И., Осипова С. И.* Генезис сущности и содержание понятия «толерантность» // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 6. С. 114–130. [Bogdanova, Alla I., & Osipova, Svetlana I. (2011) *Genezis sushchnosti i sodержanie ponyatiya*

- “tolerantnost” (Genesis of the Essence and Content of the Concept of “Tolerance”). *Siberian Pedagogical Journal*, 6, 114–130. (In Russian)].
- Голев Н. Д., Обелюнас Н. В. Лингвоконфликтология. Изд. 2-е, перераб. и доп. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 279–280. [Golev, Nikolay D., & Obelyunas, Nina V. (2014) *Lingvokonfliktologiya*. Izd. 2-e, pererab. i dop. (Linguoconflictology. 2nd ed., revised and extended). Krasnoyarsk: Sibirsky federal’ny universitet, 279–280. (In Russian)].
- Кара-Мурза Е. С. Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19. № 1. С. 18–27. [Kara-Murza, Elena S. (2020) *Lingvokonfliktologiya i konflikty v rusском mediaprostranstve (analiz dvoynogo keisa)* (Linguoconflictology and Conflicts in the Russian Media Space (double case analysis). *Scienc Journal of VolSU. Linguistics*, Vol. 19, 1 (54), 18–27. (In Russian)].
- Крысин Л. П. Толерантность языковой нормы // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Б. С. Шварцкопфа / Отв. ред. Р. И. Розина. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. С. 175–184. [Krysin, Leonid P. (2006) *Tolerantnost’ yazykovoï normy* (Tolerance of the Language Standard). In Rozina, Raisa I. (ed.) *Yazyk i my. My i yazyk: Sbornik statey pamyati B. S. Shvartskopfa* (Language and Us. We and the Language. Collection of Papers in Memory of B. S. Schwarzkopf). Moscow: Ros. gos. humanit. un-t. (In Russian)].
- Куликова Э. К., Тедеева З. К. Аббревиация в контексте нюансирования новых смыслов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 51–62. [Kulikova, Ella G., & Tedeeva, Zaira K. (2022) *Abbreviatsiya v kontekste nyuansirovaniya novykh smyslov* (Abbreviation in the Context of New Meaning Nuance). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 51–62. (In Russian)].
- Куликова Э. Г., Акай О. М., Тедеева З. К. Синтактика феминитивов и экологическое мышление // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 21–32. [Kulikova, Ella G., Akay, Oksana M., & Tedeeva, Zaira K. (2022) *Sintaktika feminitivov i ehkologicheskoe myshlenie* (Syntactics of Feminitives and Ecological Thinking). *LUNN Bulletin*, 3 (59), 21–32. (In Russian)].
- Кулумбегова Л. В., Беляева И. В. Конфликтотенная грамматика (на материале современных медийных текстов) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 63–74. [Kulumbegova, Lyudmila V., & Belyaeva, Irina V. (2022) *Konfliktotennaya grammatika (na materiale sovremennykh mediinykh tekstov)* (Conflictogenic Grammar (Based on the Material of Modern Media Texts). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 63–74. (In Russian)].
- Ларина Ю. Е. Прагматика термина как семиотическое свойство (на материале русской лингвистической терминологии): Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. [Larina, Yulia E. (2007) *Pragmatika termina kak semioticheskoe svoistvo (na materiale russkoi lingvisticheskoi terminologii)* (Pragmatics of the Term as a Semiotic Property (Based on the Material of Russian Linguistic Terminology)). PhD thesis in Philology. Krasnodar. (In Russian)].

- Литвин В. Л.* Ценностный конфликт в современном обществе (Социально-философский аспект): Дис. ... канд. филос. наук. Иркутск, 2004. [Litvin, Vyacheslav L. (2007) *Tsennostnyi konflikt v sovremennom obshchestve (Sotsial'no-filosofskii aspekt)* (Value Conflict in Modern Society (Socio-philosophical Aspect)). PhD Thesis in Philosophy. Irkutsk. (In Russian)].
- Логинов А. В.* Толерантность: за и против // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 1 (13). С. 44–49. [Loginov, Aleksey V. (2013) *Tolerantnost': za i protiv* (Tolerance: Pro et Contra). *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, 1 (13), 44–49. (In Russian)].
- Макаренко Г. С.* Конфликтный текст как объект лингвистического исследования: структурно-семантический и прагматический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2018. [Makarenko, Guldar S. (2018) *Konfliktnyi tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya: strukturno-semanticheskii i pragmaticheskii aspektu* (Conflict Text as an Object of Linguistic Research: Structural, Semantic and Pragmatic Aspects. PhD Thesis in Philology). Ufa. (In Russian)].
- Михайлова О. А.* Лингвокультурологические аспекты толерантности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. [Mikhailova, Olga A. (2015) *Lingvokul'turologicheskie aspektu tolerantnosti* (Linguistic and Cultural Aspects of Tolerance). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)].
- Никитин М. Ю., Устьянцева А. Д., Бородина Н. В.* Лингвоконфликтность современного массмедийного дискурса России // Вестник Российского нового ун-та. Серия: Человек в современном мире. 2021. № 4. С. 81–90. [Nikitin, Maksim Yu., Ust'yantseva, Anna D., & Borodina, Nataliya V. (2021) *Lingvokonfliktogennost' sovremennogo massmediinogo diskursa Rossii* (Linguo-conflictogenicity of Modern Mass Media Discourse in Russia). *Bulletin of the Russian New University. Series : Human in the Modern World*, 4, 81–90. (In Russian)].
- Николсон П.* Толерантность как моральный идеал // Толерантность. Вестник УрМИОН. 2001. № 1. С. 129–147. [Nikolson, Peter. (2001) *Tolerantnost' kak moral'nyi ideal* (Tolerance as a Moral Ideal). *Tolerantnost'. Vestnik UrMION*, 1, 129–147. (In Russian)].
- Растатуева С. Г.* Репрезентация концепта «толерантность» в русском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Елец, 2008. [Rastatueva, Svetlana G. (2008) *Reprezentatsiya kontsepta «tolerantnost'» v russkom yazyke* (Representation of the Concept of “Tolerance” in the Russian Language). Extended Abstract of PhD Thesis in Philology. Yelets. (In Russian)].
- Романова Т. В.* Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 39–49. [Romanova, Tatyana V. (2015) *Tolerantnost' i politkorrektnost': analiticheskii obzor sovremennogo sostoyaniya problemy* (lingvisticheskii aspekt) (Tolerance and Political Correctness: an Analytical Review of the Current State of the Problem (Linguistic Aspect). *Political linguistics journal*, 2 (52), 39–49. (In Russian)].
- Романова Т. В.* Информационный обзор категории толерантность / политкорректность как объект лингвистического осмысления // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2 (52). С. 204–219. [Romanova, Tatyana V. (2018) *Informatsionnyi obzor kategorii tolerantnost' / politkorrektnost' kak ob'ekt lingvisticheskogo osmysleniya* (Informa-

- tional Overview of the Category Tolerance / Political Correctness as an Object of Linguistic Comprehension). *Journal of psycholinguistics*, 4 (38), 204–219. (In Russian)].
- Рязанов А. В. Манипулятивный потенциал концепта «толерантность» // Философия и общество. 2007. № 1. С. 82–97. [Ryazanov, Aleksandr V. (2007) Manipulyativnyi potentsial kontseptu «tolerantnost'» (Manipulative Potential of the Concept of “Tolerance”). *Philosophy and Society*, 1, 82–97. (In Russian)].
- Семенец О. П. Типы лингвистических конфликтогенов и их роль в речевых психологических конфликтах // Сибирский филологический форум. 2021. № 3 (15). С. 15–32. [Semenets, Olga P. (2021) Tipy lingvisticheskikh konfliktogenov i ikh rol' v rechevykh psikhologicheskikh konfliktakh (Types of Linguistic Conflictogens and Their Role in Speech Psychological Conflicts). *Siberian Philological Forum*, 3 (15), 15–32. (In Russian)].
- Соловьева Н. В. Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект: на материале текстов научных дискуссий 1950–2000-х гг.: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. [Solov'eva, Natalya V. (2007) Tolerantnost' v nauchnoi diskussii: lingvostilisticheskii aspekt: na materiale tekstov nauchnykh diskussii 1950–2000-kh gg. (Tolerance in Scientific Discussion: Linguistic and Stylistic Aspect: Based on the Texts of Scientific Discussions of the 1950s–2000s). PhD Thesis in Philology. Perm. (In Russian)].
- Сондерс Г. Г. Устойчивый диалог в конфликтах: Трансформации и изменения / Пер. с англ. И. В. Поляничевой; под ред. А. Г. Аксенка, И. Д. Звягельской. М.: Аспект Пресс, 2019. [Sonders, Harold G. (2019) Ustoichivyi dialog v konfliktakh: Transformatsii i izmeneniya (Sustainable Dialogue in Conflicts: Transformations and Changes). In Polyanicheva, Irina V. (Eng. trans.), Aksenenok, Aleksandr G., & Zvyagel'skaya, Irina D. (eds.). Moscow: Aspect Press. (In Russian)].
- Ступина Е. С. Риторические коды политического дискурса: реализация стратегического потенциала акротезы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. № 2 (54). С. 77–88. [Stupina, Ekaterina S. (2021) Ritoricheskie kody politicheskogo diskursa: realizatsiya strategicheskogo potentsiala akrotezy (Rhetorical Codes of Political Discourse: Realization of the Strategic Potential of Acrothesis). *LUNN Bulletin*, 2 (54), 77–88. (In Russian)].
- Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований: Сборник научных статей / Под научн. ред. М. В. Новикова, Н. В. Нижегородцевой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. [Tolerantnost' v sovremennom obshchestve: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: sbornik nauchnykh statei / Pod nauchn. red. M. V. Novikova, N. V. Nizhegorodtsevoi (2011) (Novikov, Mikhail V., & Nizhegorodtseva, Nadezhda, V. (sc. eds.) Tolerance in Modern Society: the Experience of Interdisciplinary Research: a Collection of Scientific Papers). Yaroslavl: Izd-vo YaGPU. (In Russian)].
- Толерантность как атрибут современной жизни: понятие и принципы формирования: Методическое пособие / Науч. ред. Н. В. Брызжевой, А. И. Григорьевой, Е. С. Арбузовой. Тула: ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО», 2017. [Tolerantnost' kak atribut sovremennoi zhizni: ponyatie i printsipy formirovaniya: Metodicheskoe posobie / Nauch. red. N. V. Bryzhevoy, A. I. Grigor'evoy, E. S. Arbuzovoy (2017) (Bryzheva, Nataliya V., Grigor'eva, Alevtina I., & Arbuzova, Elena S. (sc. eds.) Tol-

- erance as an Attribute of Modern Life: the Concept and Principles of Formation: a Coursebook). Tula: GOU DPO TO "IPK i PPRO TO". (In Russian)].
- Трошченкова Е. В. Ценностный конфликт в коммуникативных ситуациях различного типа: влияние ценностных ментальных репрезентаций на стратегии общения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 2 (18). С. 24–34. [Troshchenkova, Ekaterina V. (2012) Tsennostnyi konflikt v kommunikativnykh situatsiyakh razlichnogo tipa: vliyanie tsennostnykh mental'nykh reprezentatsii na strategii obshcheniya (Value Conflict in Different Types of Communicative Situations: the Influence of Value Mental Representations on Communication Strategies). *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2 (18), 24–35. (In Russian)].
- Хомяков М. Б. Толерантность в современной цивилизации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. [Khomyakov, Maksim B. (2007) Tolerantnost' v sovremennoi tsivilizatsii (Tolerance in Modern Civilization). Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)].
- Хроменков П. Н. Лингвопрагматика конфликта: исследование методом количественного контент-анализа: Дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2016. [Khromenkov, Pavel N (2016) *Lingvopragmatika konflikta: issledovanie metodom kolichestvennogo kontent-analiza* (Linguopragmatics of a Conflict: Research by the Method of Quantitative Content-Analysis). PhD (Advanced) Thesis in Philology. Moscow. (In Russian)].
- Чернышева Т. В. Основы лингвоконфликтологии: Учеб. пособие. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2017. [Chernysheva, Tatyana V. (2017) *Osnovy lingvokonfliktologii: Uchebnoe posobie* (Fundamentals of Linguoconflictology: a Coursebook). Barnaul: Alt. gos. un-t. (In Russian)].
- Чистоградова О. А. Смысловое поле термина «толерантность»: междисциплинарный анализ [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/59PDMN320.pdf> (дата обращения: 20.07.2023). [Chistogradova, Olga A. (2020) (2023, July 20) Smyslovoe pole termina «tolerantnost'»: mezhdistsiplinarnyi analiz (The Semantic Field of the Term "Tolerance": Interdisciplinary Analysis). *The World of Science. Pedagogy and Psychology*, 3. Retrieved from: <https://mir-nauki.com/PDF/59PDMN320.pdf> (In Russian)].
- Шаповалова Т. А. Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. [Shapovalova, Tatyana A. (2013) *Kommunikativnaya kategoriya tolerantnosti i ee realizatsiya v sovremennom politicheskom diskurse* (The Communicative Category of Tolerance and Its Implementation in Modern Political Discourse). Extended Abstract of PhD Thesis in Philology. Saratov. (In Russian)].
- Benesch, Susan. (2012) Words as Weapons. *World Policy Journal*, Vol. 29, 1, 7–12.
- Nicholson, Peter P. (1985) Toleration as a Moral Ideal. In Mendus, Susan (ed.) *Aspects of Toleration*. London; New York: Methuen, 159–173.

Источники языкового материала / Language material resources

- Алексеева Н. Полю Гогену досталось за малолеток // Экспресс-газета. 2023. № 23. С. 24. [Alekseeva, Nina. (2023) Polyu Gogenu dostalos' za maloletok (Paul Gaugen Has Had a lot to Bear for Nymphets). *Ekspress-gazeta*, 23, 24. (In Russian)].
- Гераниева В. Что такое толерантность или почему русских на западе называют фашистами? [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2022/06/05/1477> (дата обра-

- щения: 03.07.2023) [Geranieva, Vera. (2023, July 3) Chto takoe tolerantnost' ili pochemu russkikh na zapade nazyvayut fashistami? (What Is Tolerance or Why Are Russians Called Fascists in the West?) Retrieved from <https://proza.ru/2022/06/05/1477> (In Russian)].
- Интервью с А. Пушковым «Уроки “Тигров” для “Леопардов”» // Аргументы и факты, 2023. № 4. С. 3. [Intervyu s A. Pushkovym «Uroki “Tigrov” dlya “Leopardov”» (2023) (Interview with A. Pushkov “Lessons of “Tigers” and “Leopards””). *Argumenty i fakty*, 4, 3. (In Russian)].
- Михалков Н. Война за русскую культуру // Свой. Май 2023. С. 2. [Mikhalkov, Nikita. (2023) Voina za russkuyu kul'turu (The War for Russian Culture). *Svoi*, May, 2 (In Russian)].
- Сердечнова Е. Если нам не нужна собственная культура, то тогда можно не бороться // Культура. 2023. № 23. С. 24. [Serdechnova, Elena. (2023) Esli nam ne nuzhna sobstvennaya kul'tura, to togda mozhno ne borot'sya (If We Don't Need Our Own Culture, Then We Don't Have to Fight). *Kul'tura*, 23, 24. (In Russian)].
- Суранова М. Девушка с «бриллиантовой рукой» // Собеседник. 2023. № 19. С. 15. [Suranova, Marina. (2023) Devushka s «brilliantovoi rukoi» (The Girl with a “Diamond Hand”). *Sobesednik*, 19, 15. (In Russian)].
- Титов И. Сбитый Карлсон // Завтра. 2023. № 17. С. 15. [Titov, Ilya. (2023) Sbityi Karlson (Carlson Shot down). *Zavtra*, 17, 15. (In Russian)].
- Титов И. Хилая Клинтон // Завтра. 2023. № 23. С. 2. [Titov, Ilya. (2023) Khilaya Klinton (Frail Clinton). *Zavtra*, 23, 2. (In Russian)].

УДК 81'139

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-51-57

НОМИНАЦИИ ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ СЛЕНГЕ

К. Г. Голубева, А. О. Беспалова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Работа посвящена многоаспектному анализу сленговых номинаций лиц в современном английском языке. Исследование обосновывает статус сленга как социокультурного, дискурсивного и психолингвистического феномена, определяет принципы номинации лиц, рассматривает способы образования сленговых наименований лица. Материал исследования составляют номинации лиц в современном английском языке. В работе использовались методы лингвистического наблюдения, описания, интерпретации и обобщения, методы лексического и словообразовательного анализа.

Ключевые слова: сленговые единицы; номинации лиц; словообразование сленга; социокультурный феномен.

Цитирование: Голубева К. Г., Беспалова А. О. Номинации лица в современном английском языке // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 3 (63). С. 51–57.

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-51-57.

Nominations of Persons in Modern English Slang

Kristina G. Golubeva, Anastasia O. Bepalova

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The paper presents a multidimensional analysis of slang nominations of persons in modern English. It substantiates the status of slang as a socio-cultural, discursive, and psycholinguistic phenomenon, defines the principles of the nomination of persons, and considers the ways of formation of slang names of a person. The research material comprises nominations of persons in modern English. The study is based on the methods of linguistic observation, description, interpretation, and generalization, as well as methods of lexical and word-formation analysis.

Key words: slang units; nominations of persons; slang word formation; socio-cultural phenomenon.

Citation: Golubeva, Kristina G., Bepalova, Anastasia O. (2023) Nominations of Persons in Modern English Slang. *LUNN Bulletin*, 3 (63), 51–57.

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-51-57.

1. Введение

Язык непрерывно развивается, что обусловлено трансформацией общественных парадигм. Динамичность языка как системы реализуется на

всех уровнях, включая лексический, который активно пополняется новыми единицами, в том числе и сленговыми. Подвергаясь значительным изменениям, затрагивающим смысловую и словообразовательную структуру слова, сленг в современном английском языке обладает колоритной языковой и социальной спецификой, отражающей эмоциональный и динамичный социальный фон в рамках коммуникации (Зинцова 2019; Шатских 2021; Дармаева, Орлова 2021).

Важным аспектом при изучении сленговых единиц является исследование способов номинации лица. Данное явление рассматривается как социокультурный, дискурсивный и психолингвистический феномен и определяется как один из движущих факторов долговечности и устойчивости языка, являясь предпосылкой для вторичной номинации и семантического сдвига; способствует усвоению заимствований; поддерживая глобальную тенденцию к повсеместному упрощению структуры слов, влияющую на лексикон (Дармаева, Орлова 2021).

Сленг — одна из неотъемлемых частей английского словарного запаса. В современном английском языке он разнообразен, поскольку развивается, расширяется и активно стирает границы языка. Сленг чаще всего употребляется в стилистических целях для придания высказыванию образности и экспрессивности (Баранникова 1982).

В основном сленг рассматривается с лексической точки зрения, как особая лексика, типичная для разговорного английского языка. Это могут быть слова стандартного лексикона, примененные с некоторыми фонетическими, орфографическими или грамматическими изменениями, что придает высказыванию жаргонную окраску и свежесть. Сленг возникает благодаря нашей склонности заменять привычные старые наименования оригинальными выразительными средствами (Береговская 1996; Иванова 2007).

Носители языка часто используют сленговые единицы для подчеркивания своей идентичности, включая такие аспекты, как социальный статус и географическая принадлежность или даже возраст, образование, род занятий, образ жизни и особые интересы (Беляева, Хомяков 1985; Арнольд 2002).

2. Характеристика материала и методов исследования

Материал исследования составляет 60 номинаций лиц. В работе используются методы лингвистического наблюдения, описания, интерпретации и обобщения, методы лексического и словообразовательного анализа.

3. Результаты исследования

Лексико-семантическая группа «наименование лиц» является одной из наиболее важных категорий для изучения, поскольку языковые средства именования человека постоянно находятся в центре внимания лингвистов. Однако развитие теории семантического анализа, а также интерес к когнитивным аспектам лингвистики поставили на повестку дня новые проблемы и задачи, связанные с изучением этого объекта.

С развитием современной лингвистической науки антропоцентризм стал доминирующим принципом многих исследователей. На основе общности лексической категории функционального характера «деятель» необходимо выделять следующие функциональные наименования человека: род деятельности, этнический компонент, возраст, внешность, социальный статус.

3.1. Наименование лица по роду деятельности

Род занятий служит важнейшим параметром идентификации личности. В сленге этот признак лежит в основе формирования крупного лексического класса, который в соответствии со сферой деятельности включает в себя определенные лексико-семантические группы:

Наименование профессионального деятеля

Данная сленговая группа представляет собой самую обширную и значимую часть рассматриваемого лексического класса. Рассмотрим некоторые сленговые единицы:

Hacker — ‘*a person who uses or writes computer programs with enthusiasm and skill*’ (OLD).

Лексема *hacker* произошло от глагола *hack*, который имеет множество значений, в том числе ‘рубить, кромсать’. В технической сфере хакером называют человека, который может решить проблему необычным, непредсказуемым путем.

Данное понятие зародилось в MIT (Массачусетский технологический институт), так как в данном институте происходило деление студентов на *tools* и *hackers*. *Tools* — это отличники, прилежные обучающиеся, которые не пропускают лекций и сидят в библиотеках, *hackers* днем не учатся и спят, а ночами занимаются тем, что нравится: любительской радиосвязью, телефонией или компьютерами.

Leech — ‘*a person who depends on somebody else for money, or takes the profit from somebody else’s work*’ (UD). В интернет-сленге это человек, который пользуется ресурсами других, ничего не отдавая взамен. Данная сленговая единица также используется в значении ‘хитрый пользователь онлайн-библиотеки, который качает себе файлы, но ничего не добавляет’.

Boot — ‘someone new to the armed forces, i.e. someone in boot camp or who has recently left boot camp’ (UD). Данный термин появился как номинация новобранцев.

Dr. Feelgoods — ‘the doctors who simply prescribe medicines instead of finding the real ailment’ (UD). Данная сленговая единица обозначает врача, который назначает пациентам лекарства лишь для улучшения самочувствия, не стараясь искоренить болезнь.

Backbencher — 1) ‘Someone who exaggerates their actual power, influence, or importance, usually for nefarious purposes’. 2) ‘A member of the British House of Commons who is not a party leader’ (UD). Данная сленговая единица имеет два значения, которые связаны с политической сферой. В первом случае это политик, который преувеличивает свою действительную власть. Во втором случае это политик, который не обладает значительным влиянием.

Наименование лица по непрофессиональной социальной деятельности

Empty-nester — ‘a parent with no children living at home’ (UD). Сленговая единица *empty-nester* широко распространена как в Великобритании, так и в США. Она обозначает родителя, чьи дети выросли, получили образование, нашли работу и отдельное жилье. Единица представляет собой сложное слово, которое путем метафорического переноса и суффикса *-er* стало сленговой единицей.

3.2. Наименование лица по этническому компоненту

Chippie — ‘a wealthy, upscale or otherwise arrogant, pompous person of far-east asian descent’ (UD). Уничижительный термин, обозначающий богатого, высококлассного или иным образом высокомерного, напыщенного человека дальневосточного происхождения, как правило, прирожденного представителя бизнес-класса американцев азиатского происхождения (в отличие от родившихся за границей).

3.3. Наименование лица по внешним признакам

A twig — ‘a very skinny person’ (UD). Значение данной сленговой единицы основано на метафорическом переносе и восходит к первостепенному значению слова *a twig* — ‘a small, very thin branch that grows out of a larger branch on a bush or tree’ (OLD).

A shrimp / prawn — ‘a small or short person’ (UD). Данное описание относится к людям невысокого роста.

3.4. Наименование лица по социальному статусу (образ жизни, социальное поведение)

Busybody — ‘a person who meddles or pries into the affairs of others’ (OLD). Данный сленгизм используется для описания человека, который

жаждет всё про всех знать, то есть постоянно сует нос в чужую личную жизнь.

Cheapskate — ‘*a person who does not like to spend money*’ (OLD). Приведенный сленгизм образован путем сложения двух слов: *cheap* («дешевый») и *skate* (сл. «парень»). Данное выражение используется в значении ‘скупой человек’.

Рассмотрим наиболее распространенные способы словообразования сленгизмов.

1) Сленгизмы, образованные от наименований некоторых животных или птиц.

Bird — ‘*an attractive female*’ (UD). Данный сленгизм используется для номинации молодой привлекательной женщины. Он также может обозначать женщину, которая кажется тщеславной или капризной.

2) Сленгизмы, образованные от номинаций еды.

Dish — ‘*an attractive female*’. Таким образом, значение данной единицы заключается в описании симпатичной девушки.

3) Сленгизмы, образованные с помощью антономазии.

Doris — ‘*an attractive female*’ (OLD). Данная сленговая единица используется для обозначения внешней и внутренней красоты и подразумевает такие характеристики, как привлекательность, дружеское расположение, веселость, надежность. Это позволяет вычленивать из толпы девушку, внешне похожую на обобщающий, собирательный типаж.

4) Сленгизмы, возникшие путем иноязычного заимствования.

Bimbo — от ит. *bambino* — ‘*an offensive word for a young person, usually a woman, who you think is sexually attractive but not very intelligent*’ (UD). Данная лексема является оскорбительным обозначением для привлекательной, но неумной женщины.

5) Сленгизмы, образованные аффиксальным способом.

Chavette (сущ. *Chav* + суф. *-ette*) — ‘*a young working-class woman whose tastes, although sometimes expensive, are considered vulgar by some*’ (UD). Лексемой *chav* называли белых подростков, известных антиобщественным поведением. Соответственно, при добавлении суффикса *-ette* образуется феминитив, обозначающий неопрятную девушку или женщину, которая имеет проблемы с законом.

6) Сленгизмы, образованные способом редупликации.

Yummy mummy — ‘*an attractive older woman or an attractive mother*’ (OLD). Соответственно, данный сленгизм используется для описания привлекательной матери, которая замужем за богатым мужчиной.

4. Заключение

Сленг позиционируется как нелитературный, социальный пласт лексики с ярко выраженной фамильярной интонацией речи, что, однако, имеет тенденцию сужать стилистические рамки его употребления, придавая речи говорящего определенные коннотации: высмеивание, пренебрежение, презрение, насмешка и др.

Сленговые единицы были проанализированы с учетом их семантического компонента, эмотивности и гендерной характеристики. Анализ сленговых единиц английского языка позволяет прийти к выводу, что для пополнения сленгового состава языка используются те же механизмы, что и для литературного языка, такие как лексические единицы, образованные путем метафорического переноса; сленгизмы, образованные при помощи антономазии; иноязычные заимствования; единицы, образованные путем словосложения, аббревиации, аффиксации и редупликации. Данный вывод свидетельствует о том, что сленг является значительным пластом языка, а не представлен отдельными лексическими единицами вне литературной нормы.

Важно отметить, что сленг многофункционален, он делает речь более лаконичной, конкретной, эмоционально выразительной, а также служит признаком принадлежности к определенной социальной среде. Существенными признаками сленга являются тенденция к «компактности» в слове, а также тот факт, что сленг отражает актуальные реалии жизни.

Список литературы / References

- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 4-е изд. М.: Флинта, 2002. [Arnold, Irina V. (2002) *Stilistika. Sovremenny angliyskiy yazyk* (Stylistics. The Modern English Language). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Баранникова Л. И. Основные сведения о языке. М.: Просвещение, 1982. [Barannikova, Lidiya I. (1982) *Osnovnye svedeniya o yazyke* (The Basic Facts about a Language). Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)].
- Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка. Ленинград: ЛГУ, 1985. [Belyaeva, Tatiana M., & Khomyakov, Vladimir A. (1985) *Nestandartnaya leksika angliyskogo yazyka* (Non-Standard Lexis of the English Language). Leningrad: LGU. (In Russian)].
- Береговская Э. М. Молодежный сленг. Формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32–41. [Beregovskaya, Eda M. (1996) *Molodezhniy sleng. Formirovaniye i funktsionirovaniye* (Youth's Slang. Formation and Functioning). *Voprosy yazykoznanija*, 3, 32–41. (In Russian)].
- Дармаева С. Н., Орлова Е. Л. К проблеме вариативности немецкой молодежной метафоры // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 4 (56). С. 38–48. [Darmaeva, Saiana N., & Orlova, Elena L. (2021) *K probleme variativnosti nemetskoj molodezhnoy metafory*

(On Variability of the German Youth Metaphor). *LUNN Bulletin*, 4 (56), 38–48. (In Russian)].

Зинцова Ю. Н. Особенности лексики с компонентом положительной оценки человека в современном немецком языке // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 45. С. 19–27. [Zintsova, Yulia N. (2019) Osobennosti leksiki s komponentom polozhitel'noi otsenki cheloveka v sovremennom nemetskom yazike (The Lexis Containing Positive Evaluation of a Person in Modern German). *LUNN Bulletin*, 45, 19–27. (In Russian)].

Иванова Н. С. Язык молодёжи и его субкультурная природа // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2007. № 21. С. 122–128. [Ivanova, Natalia S. (2007) Yazik molodezhi i ego subkulturnaya priroda (Youth's Language and Its Subcultural Nature). *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 21, 122–128. (In Russian)].

Шатских В. М. Метафора как базовый компонент эмоционального пространства текстового материала // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 96–111. [Shatskikh, Marina (2021) Metafora kak bazoviy component emozionalnogo prostanstva tekstovogo materiala (Metaphor as a Basic Component of the Emotional Space of Text). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 96–111. (In Russian)]. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-96-111.

Словари / Dictionaries

OLD — Oxford Learner's Dictionary (2023, September 1). Retrieved from <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.

UD — Urban dictionary (2023, September 01). Retrieved from <http://www.urbandictionary.com>.

УДК 81'34

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-58-71

ВАРИАТИВНОСТЬ КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НЕМЕЦКИХ ГЛАСНЫХ В РАЗЛИЧНЫХ ТЕМПОРАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

(на материале австрийского варианта немецкого языка)

А. В. Иванов, К. Г. Голубева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Осмысление целостной языковой картины мира в современных условиях в теоретическом и прикладном аспектах предполагает комплексное изучение всех сторон функционирования языковой системы, в том числе и ее фонетического уровня. Меняющиеся во времени и пространстве условия и формы бытования языка оказывают непосредственное влияние на сегментную и просодическую организацию речевого континуума. Задачей настоящей статьи, написанной в русле комплексных исследований, посвященных описанию региональных разновидностей немецкого стандартного произношения (в данном случае австрийского варианта немецкого языка), является анализ модификаций акустических параметров звукового сигнала в различных темпоральных условиях. Предметом исследования являются спектральные характеристики гласных в условиях медленного, среднего и быстрого темпа, представляющих практически весь набор оппозиций, характерных для немецкого вокализма. Полученные в ходе эксперимента результаты сравниваются с эталонными параметрами, что позволяет более детально описать качественные изменения в спектре гласных при меняющемся темпе речи. Экспериментальные и эталонные параметры представлены в таблицах. В ходе исследования выявляется корреляция между темпом, в котором реализуется высказывание, и качественными характеристиками немецких гласных. В условиях медленного темпа долгие и краткие гласные реализуются как максимально приближенные к эталону при незначительном варьировании признака компактности. При среднем темпе речи долгие и краткие вокалические сегменты реализуются в той или иной степени как более высокие звуки по сравнению с эталонными параметрами. По признаку компактности / диффузности долгие гласные приближаются по своим параметрам к эталону, краткие гласные становятся при этом менее компактными и более огубленными. В условиях быстрого темпа большинство долгих и кратких гласных реализуется в более высоких, чем эталонные, областях спектра. По признаку компактности / диффузности гласные в большинстве своем воспринимаются на спектре как более диффузные. По признаку огубленности и долгие, и краткие гласные приближаются к эталонным показателям.

Ключевые слова: фонетика; гласные; темп речи; качество гласных; спектральный анализ; австрийский региональный вариант немецкого языка.

Цитирование: Иванов А. В., Голубева К. Г. Вариативность качественных характеристик немецких гласных в различных темпоральных условиях (на материале

австрийского варианта немецкого языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 3 (63). С. 58–71. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-58-71.

**Variations of Qualitative Characteristics of German Vowels
in Different Temporal Conditions
(in the Austrian variant of German)**

Andrey V. Ivanov, Kristina G. Golubeva

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

In modern conditions, a thorough theoretical and practical understanding of an integrated linguistic picture of the world implies an integrative study of all aspects of how the language system functions, including its phonetic level. The conditions and forms of how language is used in different times and places have a direct impact on the segmental and prosodic organization of the speech continuum. The main objective of the present article, written in the context of comprehensive studies of regional varieties of standard German pronunciation (in this case, the Austrian variant of German) is to analyse the modifications of acoustic parameters of sound signals in different temporal conditions. The subject of the study is the spectral characteristics of vowels in conditions of slow, medium, and fast tempo of speech, representing practically the whole set of oppositions which are characteristic of German vocalism. The results obtained during the experiment are compared with reference parameters, which allows a more detailed description of the qualitative changes in the vowel spectrum as the speech tempo changes. Both the experimental and reference parameters are presented in the relevant tables. The study reveals a correlation between the tempo of the utterance and the qualitative characteristics of German vowels. At a slow pace, long and short vowels are pronounced as close to the reference as possible, with little variation in the compactness feature. At medium tempo, long and short vocalic segments are realized, to some extent, as higher sounds compared to the reference parameters. According to the feature of compactness/diffuseness, long vowels come closer to the reference in their parameters, while short vowels become less compact and more labialized. At a fast pace of speech, the majority of long and short vowels are realized in parts of the spectrum which are higher than the reference. On the basis of the feature of compactness/diffuseness, vowels are mostly perceived as more diffuse on the spectrum. In terms of labialisation, both long and short vowels remain close to the reference values.

Key words: phonetics; vowels; speech tempo; vowel quality; spectral analysis; Austrian regional variant of German language.

Citation: Ivanov, Andrey V., Golubeva, Kristina G. (2023) Variations of Qualitative Characteristics of German Vowels in Different Temporal Conditions (in the Austrian variant of German). *LUNN Bulletin*, 3 (63), 58–71. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-58-71.

1. Темпоральные характеристики речевого высказывания

В современной лингвистике наиболее распространенным считается определение темпа как *скорости протекания речи во времени, измеряемой количеством единиц речи за единицу времени или средней длительностью*

звуковой единицы (Зиндер 1979: 276; Веренич 1980: 11; Gajdušik 1981: 101–102; Бондарко 1981: 150; ФСР 1988: 216).

Принято различать три возможных разновидности темпа: нормальный темп и две его модификации — быстрый и замедленный (Бондарко 1981: 150). При таком обобщенном подходе к анализу темпа речи особенности последнего будут отражать общую характеристику произношения, в рамках которой не учитываются темпоральные изменения функционального свойства (например, противопоставление по темпу произнесения релевантного / нерелевантного в высказывании, замедление темпа в конце завершённой синтагмы и пр.).

В фонетической литературе определяются величины, характеризующие средний темп речевой артикуляции. Л. В. Златоустова называет величину, равную 8 слог/сек. (Златоустова, Потапова, Трунин-Донской 1986: 47–51). Р. Ферманн фиксирует среднюю скорость произнесения в пределах до 250 слог/мин. (Fährmann 1960: 47). Его подробная градация скорости говорения на немецком языке насчитывает семь ступеней: очень медленно (до 100 слог/мин.), медленно (до 150 слог/мин.), ниже среднего уровня (до 200 слог/мин.), средний уровень (до 250 слог/мин.), выше среднего уровня (до 300 слог/мин.), быстро (до 350 слог/мин.), очень быстро (до 400 слог/мин.).

Средние величины скорости говорения на различных языках варьируют в известных пределах. Среднеслоговая длительность, о которой говорилось выше, репрезентирует темп более огрубленно, нежели среднезвуковая величина, которая точнее соотносится со скоростью артикуляции. Это обстоятельство обуславливает появление и разграничение в лингвистической литературе понятий эффективного и фиктивного темпа. Эффективный темп характеризует скорость артикуляции применительно к конкретному произнесению; фиктивный темп отражает идеальную или эталонную для данного речевого материала скорость произнесения. Отклонение от идеального полного типа произнесения, выявляемое в процессе соотнесения понятий эффективного и фиктивного темпа, характеризует величина, называемая коэффициентом звукового убывания, значение которой возрастает с ускорением темпа (Златоустова, Потапова, Трунин-Донской 1986: 47–51).

Темп речи непосредственно связан с избыточностью языка. Избыточность представляет собой своеобразный «запас прочности, рассчитанный на дурака» (*foolproof*), который обеспечивает работу механизма при неблагоприятных внешних условиях (Звегинцев 1967: 250). Снятию избыточности способствует реализация в речевом потоке закона экономии произносительных усилий, применение которого в свою очередь

обусловлено рядом интра- и экстралингвистических факторов, обеспечивающих адекватное восприятие конкретного высказывания.

Сдвиги в форме предложения и слова часто определяются именно стремлением к быстрому произнесению высказывания и тенденцией к экономии речепроизносительных усилий. Сокращение, усечение, редукция, стяжение и сращение слов в связи с этим выступают средствами, реализующими закон экономии в речи. При этом, по замечанию В. Г. Адмони, сохраняется четкое сходство между полным и усеченным вариантом (например, *is = ist*) (Адмони 1994: 64). В противном случае адекватное восприятие смысла высказывания оказалось бы невозможным.

Перечисленные выше фонетические явления, встречающиеся в устной разговорной речи, отличающейся в значительной мере спонтанностью (неподготовленностью), рассматриваются не как «дефективное» отклонение от письменной формы, а как признаки *sui generis* (Lewandowski 1979: 394–395).

Предпосылкой к экономии произносительных усилий применительно к немецкому языку, как полагает В. Г. Адмони, может считаться присущее этому языку динамическое ударение, особенно если оно стоит в начале словоформы. Именно здесь создается почва, с одной стороны, для стягивания более сильных словоформ с более слабыми — вернее, для втягивания акцентно более слабых форм в единую фонетическую структуру с акцентно более сильной словоформой. С другой стороны, здесь же создаются условия для все большего ослабления звуков в неударенных слогах, вплоть до полной их редукции (Admoni 1990: 28).

2. Качественные модификации вокалических сегментов в потоке речи

Структурная деформация речевого сигнала и его составляющих, наблюдаемая в речи, является, как видим, следствием реализации в речи закона экономии произносительных усилий и времени, затрачиваемого на артикуляцию.

Фонетические исследования свидетельствуют о том, что человек способен сохранять артикуляционные характеристики звуков при любых изменениях темпа речи. Согласные звуки обычно менее, чем гласные, подвержены качественным модификациям (Зиндер 1964: 26), хотя быстрый темп речи в значительной степени затрудняет осуществление таких сложных артикуляторных операций, как смыкание и размыкание органов, артикулирующих согласные (Чистович, Кожевников, Алякринский и др. 1965).

Наиболее ярко выражены под влиянием изменяющегося речевого темпа качественные модификации вокалических сегментов. Как правило, в спектре каждого гласного звука выделяют три различных участка: 1-й переход (рекурсия), стационарный участок и 2-й переход (экскурсия). Однако в связной речи, подверженной воздействию многих факторов, может наблюдаться отсутствие как переходных участков, так и стационарного участка. При быстром темпе этот процесс может затрагивать и безударные, и ударные гласные, при нормальном темпе — безударные (Бондарко 1981: 153; Гайдучик 1982: 31).

При быстрой смене звуков наложение рекурсии и экскурсии друг на друга приводит, по замечанию М. И. Матусевич, «к некоторому (а иногда и довольно значительному) изменению качества их элементов, в основном переходных, но иногда и стационарного участка» (Матусевич 1976: 179). Восприятие смысла высказывания, однако, при этом обычно не нарушается, поскольку изменение качества и количества звуков в потоке речи представляет собой, по выражению Р. К. Потаповой, «компромисс между артикуляционным “облегчением” и коммуникативной однозначностью» (Potapowa, Lindner 1991: 203).

Л. В. Бондарко отмечает, что идеальная реализация (то есть та, в которой возможна идентификация всех трех участков звука) фиксируется всего лишь в 7–10 % случаев, что свидетельствует о релевантности темпорального фактора для реализации качественной стороны вокалических сегментов (Бондарко 1981: 157).

По мнению Л. Р. Зиндера, едва ли можно говорить о полной утрате ударными гласными своих качественно-количественных признаков при быстром темпе говорения. Сокращение длительности гласных, по его мнению, происходит обычно за счет переходных звуков, но не за счет характерной части гласного (Зиндер 1964: 20).

К явлениям качественной вариативности вокалических сегментов в потоке речи могут быть отнесены: тенденция к произнесению более открытых вариантов гласных при ускорении темпа речи, высокая степень вариативности спектра безударных гласных малой длительности, что позволяет выявить тесную корреляцию между количественными и качественными характеристиками гласных, слабая степень энергетической выраженности в спектре гласных в речи быстрого темпа по сравнению с нормальным темпом, качественная редукция гласных (Веренич 1982: 14–20), изменение тональной индивидуальности звука (слога) (Касевич, Шабельникова, Рыбин 1990: 11), замещение дифтонгов монофтонгами, опущение гласных, которое вкуче с количественной редукцией приводит к консонантизации слова (Златоустова 1995: 185–187).

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) изменение темпа можно рассматривать в качестве источника структурных модификаций звуков, сопровождающих ту или иную скорость говорения;

2) качество ударного гласного смещается при убыстрении темпа в сторону безударного, что свидетельствует о нерелевантности постоянного выделения ударного элемента в слове и его подчиненности фонетическим характеристикам всего высказывания;

3) с увеличением темпа речи возможна нейтрализация различий между гласными, что затрудняет надежную идентификацию элементов звуковой цепи с учетом их собственных фонетических характеристик.

3. Модификации спектральных характеристик вокалических сегментов при различном темпе речи

Для исследования взаимодействия качественных характеристик гласных в зависимости от темпа речи анализу были подвергнуты спектрограммы ударных гласных и безударного [a]. Исходным при этом является положение о том, что любому типу коммуникативной ситуации в большей или меньшей степени свойственны флуктуации темпа (Бухаров 1995: 272–273). Все исследованные фразы и части фраз были распределены на темпоклассы независимо от вида речевой деятельности по средней длительности звука: (1) очень медленно (от 150 мск и выше), (2) медленно (110–140 мск), (3) в среднем темпе (72–110 мск), (4) быстро (48–72 мск), (5) очень быстро (48 мск и менее). Темпоклассы (1) и (5) оказались представлены недостаточно репрезентативно и поэтому не были включены в исследование и не учитывались в процессе обработки результатов.

Из рассмотрения были исключены слова, занимающие начальную и конечную позиции во фразе, которые имеют следствием сильную динамику значений F_2 и F_3 , а также гласные, реализованные с приступом, формантная структура которых, и прежде всего F_2 , подвергается значительным отклонениям от нормативных параметров (Potarowa, Lindner 1991: 174 и след.).

Исследованию были подвергнуты гласные [a:], [a], [e:], [ε:], [ε], [o:], [ɔ], [i:], [ɪ], [u:], [ʊ], представляющие все имеющиеся в системе немецкого вокализма оппозиции, и безударный [ə] в позициях [bə- / gə-], конца слова и [CəC], где «C» обозначает согласный.

Для оценки спектральных характеристик были рассчитаны следующие параметры: 1) $R_1 = F_2 : F_1$; 2) $R_2 = F_3 : F_1$; 3) $R_3 = F_1 + F_2 + F_3 : 1000$.

Указанные параметры дают возможность противопоставить вокалические сегменты по следующим признакам: {высокий} — $R_1 > R_1$ — {низкий}; {компактный} — $R_2 < R_2$ — {диффузный}; {бемольный} — $R_3 < R_3$ — {простой}.

Сопоставительный анализ был проведен с привлечением значений формант немецких гласных звуков, взятых вне фонетического контекста (ibid.: 63). Акустические параметры вокалических сегментов, рассчитанные в условиях медленного, среднего (нормального) и быстрого темпа, приведены в Табл. 1, 2, 3.

Таблица 1. Акустические параметры гласных в условиях медленного темпа (t 110–140 мск), Гц

Звук	F ₁	F ₂	F ₃	R ₁	R ₂	R ₃
[a:]	382 ± 80	1210 ± 150	2287 ± 100	3,16	5,98	3,88
[e:]	390 ± 90	1965 ± 430	3275 ± 50	5,03	8,39	5,63
[i:]	383 ± 110	2380 ± 0	3700 ± 80	6,21	9,66	6,46
[o:]	342 ± 80	1077 ± 30	2400 ± 0	3,13	7,01	3,82

Таблица 2. Акустические параметры гласных в условиях среднего (нормального) темпа (t 72–110 мск), Гц

Звук	F ₁	F ₂	F ₃	R ₁	R ₂	R ₃
[a:]	600 ± 0	1600 ± 0	2370 ± 0	2,66	3,95	4,57
[a]	380 ± 100	1066 ± 180	2416 ± 40	2,80	6,35	3,86
[e:]	315 ± 50	1960 ± 130	2812 ± 300	6,22	8,92	5,09
[ε]	345 ± 15	1312 ± 500	2810 ± 900	3,80	8,14	4,47
[i:]	250 ± 20	2430 ± 0	2945 ± 90	9,72	11,78	5,63
[i]	290 ± 30	2135 ± 60	3240 ± 0	7,36	11,17	5,67
[o:]	322 ± 0	740 ± 100	2520 ± 0	2,29	7,82	3,58
[o]	323 ± 90	880 ± 100	2626 ± 350	2,72	8,13	3,83
[u:]	290 ± 30	1045 ± 200	2380 ± 120	3,60	8,21	3,72
[u]	269 ± 40	877 ± 200	2045 ± 400	3,26	7,60	3,19
[CəC]	285 ± 50	943 ± 340	2058 ± 300	3,31	7,22	3,29
[gə-/bə-]	280 ± 0	2000 ± 0	2890 ± 0	7,14	10,32	5,17
[-ə]	327 ± 40	1483 ± 150	2133 ± 300	4,54	6,52	3,94

Таблица 3. Акустические параметры гласных в условиях медленного темпа (t 48–72 мск), Гц

Звук	F ₁	F ₂	F ₃	R ₁	R ₂	R ₃
[a:]	305 ± 20	1202 ± 200	2371 ± 180	3,94	7,77	3,88
[a]	340 ± 30	1321 ± 200	2397 ± 200	3,88	7,05	4,06
[e:]	335 ± 95	1883 ± 250	2730 ± 500	5,62	8,15	4,95
[ε]	377 ± 20	1827 ± 30	2525 ± 25	4,84	6,69	4,73
[i:]	307 ± 70	2535 ± 400	3167 ± 1100	8,26	10,32	6,01
[i]	252 ± 50	1862 ± 1000	3159 ± 900	7,39	12,50	5,26
[o:]	348 ± 20	1268 ± 100	2552 ± 500	3,64	7,33	4,17
[o]	346 ± 100	1295 ± 200	1913 ± 300	3,74	5,52	3,55
[u:]	360 ± 50	1387 ± 200	2577 ± 300	3,85	7,15	4,32

Звук	F ₁	F ₂	F ₃	R ₁	R ₂	R ₃
[o]	296 ± 10	913 ± 40	2293 ± 50	3,08	7,74	3,50
[KəK]	260 ± 30	1440 ± 700	2605 ± 240	5,54	10,02	4,31
[gə- / bə-]	285 ± 20	1453 ± 300	2562 ± 400	5,10	8,99	4,30
[-ə]	271 ± 30	1256 ± 400	2130 ± 260	4,63	7,86	3,66

Предварительный анализ рассчитанных акустических параметров и сопоставление последних с «идеальными» параметрами свидетельствует об отклонениях (иногда весьма значительных) экспериментальных данных от «идеала». Гласные [a:], [e:], [i:] обнаруживают некоторые особенности формантной структуры, будучи реализованы в позициях [a + R], [e + R], [i + R]. Это обстоятельство позволяет считать их самостоятельными вариантами, имеющими специфическую формантную структуру.

3.1. Особенности спектральных характеристик гласных в условиях медленного темпа

К гласным, реализующимся в условиях медленного темпа, относится большая часть долгих гласных, представленных в Табл. 1. Исключение составляет лишь [a], количество реализаций которого также было достаточно репрезентативным при медленном темпе речи.

Таблица 4. Особенности спектральных характеристик гласных в условиях медленного темпа

Звук	R ₁		R ₂		R ₃	
	Эталон	Эксперимент	Эталон	Эксперимент	Эталон	Эксперимент
[a:]	1,78	3,16	3,71	5,98	4,55	3,88
[a]	2,07	2,00	4,07	3,53	4,65	4,25
[e:]	5,44	5,03	8,23	8,39	4,99	5,63
[i:]	6,40	6,21	10,00	9,66	4,22	6,46
[o:]	2,25	3,13	6,00	7,01	3,70	3,82

Экспериментальные и эталонные параметры, как следует из Табл. 4, совпадают почти идеально. Это позволяет сделать предположение, что отсутствующие в таблице в силу недостаточного количества экспериментального материала краткие гласные по своим параметрам также будут приближаться к эталону.

Гласный [a:] отличается некоторой вариативностью, смещаясь по качественным характеристикам в спектральный диапазон [e:], и, следовательно, является в условиях медленного темпа более высоким и менее компактным в сравнении с эталоном, что связано с незначительным уменьшением поперечного сечения ротовой полости и челюстного раствора.

Гласный [a] характеризуется по сравнению с эталоном большей открытостью, становясь несколько более низким и компактным.

По признаку {бемольный} — R₃ < R₃ — {простой} некоторое отклонение R₃ от эталона в сторону увеличения наблюдается у звука [i:].

3.2. Особенности спектральных характеристик гласных в условиях среднего (нормального) темпа

Согласно данным Табл. 5, по признаку {высокий} — $R_1 > R_1$ — {низкий} наиболее приближены по своим параметрам к эталону гласные [a:], [a], [o:], [ɔ]. Их качественные параметры варьируются незначительно: [a:], [a], [ɔ] реализуются как более высокие звуки. Энергия при произнесении [a:], [a] концентрируется в области спектра, характерной для [o:] или [ʊ].

Таблица 5. Особенности спектральных характеристик гласных в условиях среднего (нормального) темпа

Звук	R ₁		R ₂		R ₃	
	Эталон	Эксперимент	Эталон	Эксперимент	Эталон	Эксперимент
[a:]	1,78	2,66	3,71	3,95	4,55	4,57
[a]	2,07	2,80	4,07	6,35	4,65	3,86
[e:]	5,44	6,22	8,23	8,92	4,99	5,09
[e]	2,66	3,80	4,50	8,14	4,90	4,47
[i:]	6,40	9,72	10,00	11,78	4,22	5,63
[ɪ]	4,60	7,36	7,14	11,17	4,47	5,67
[o:]	2,25	2,29	6,00	7,82	3,70	3,58
[ɔ]	2,03	2,72	4,54	8,13	4,17	3,83
[u:]	2,14	3,60	9,28	8,21	3,48	3,72
[ʊ]	2,28	3,26	7,14	7,60	3,65	3,19
[CəC]	—	3,31	—	7,22	—	3,29
[gə- / bə-]	—	7,14	—	10,32	—	5,17
[-ə]	—	4,54	—	6,52	—	3,94

Спектры гласных [e:], [E], [ʊ] приближаются к эталонным параметрам. Специфика их реализации сводится в основном к тому, что энергетически эти звуки реализуются в несколько более высоких частотах спектра по сравнению с эталонными параметрами.

В наибольшей степени качественные модификации (в сторону увеличения R_1) затрагивают передние [i:], [ɪ] и задний [u:] (они становятся более высокими).

В отношении признака {компактный} — $R_2 < R_2$ — {диффузный} минимальные отклонения от эталонных показателей обнаруживают гласные [a:], [e:], [u:] и [ʊ]. У узкого гласного [u:], реализующегося вне фонетического контекста как диффузный звук, степень диффузности несколько снижается.

Гласные [i:], [o:] приближаются к эталону.

Наиболее значительные качественные отличия от «идеальных» показателей в условиях среднего темпа свойственны кратким звукам [a], [E], [ɪ], [ɔ]. Широкий [a] становится менее компактным вследствие

уменьшения поперечного сечения ротовой полости и челюстного раствора; у звуков [E], [ɪ], [ɔ] также увеличивается степень диффузности. Гласный [ɪ] по своим параметрам приближается к [i:]; челюстной угол при произнесении [ɛ] и [ɔ] в значительной степени сходен с величиной челюстного угла, характерного для [e:].

Признак {бемольный} — $R_3 < R_3$ — {простой}. В максимальной степени сближение экспериментальных и расчетных параметров по этому признаку характерно для [a:], [e:], [o:], [u:] (причем [u:] выступает как менее бемольный (огубленный)).

Незначительное отклонение от эталона свойственно звукам [a], [E], [ʊ], [ɔ]. Их форманты оказываются сдвинутыми в область более низких, чем эталонные, частот, так как эти звуки реализованы с большей степенью огубленности.

Специфика реализации гласных в препозиции к [R] заключается в том, что все реализованные в данной позиции гласные изменяются качественно в отношении своей высоты и компактности. Качественные модификации, очевидно, являются следствием коартикуляции соседних сегментов.

Гласный [a] в препозиции к [R] в среднем темпе реализуется в области низких частот спектра, располагаясь там же, где гласные [a:] и [a]. По признакам {компактный} — $R_2 < R_2$ — {диффузный} и {бемольный} — $R_3 < R_3$ — {простой} гласный [a] может быть охарактеризован как более компактный и более огубленный, приближающийся по своим параметрам к гласному [a].

Гласный [i] в препозиции к [R] реализуется как значительно более низкий, компактный звук по сравнению с [ɪ] и [i:], но в ином фонетическом контексте.

Гласный [ɛ] при сравнении величин R_1 , R_2 и R_3 реализуется как значительно более низкий, компактный и огубленный звук, чем [e:].

Гласный [a] в позиции перед [l] смещается в область спектра, характерную для произнесения звуков [o:] / [ɔ]. В. М. Бухаров объясняет это явление «комплексным воздействием диалекта»: с одной стороны, вокализацией [l], с другой — влиянием процесса переключения кодов (*input-switch*) [a↔o] (Бухаров 1995: 258).

Реализация бузударного гласного неопределенного тембра [ə]. Анализ величин R_1 , R_2 и R_3 позволяет сделать следующие выводы: (а) в исходе слова (позиция [-ə]) и между согласными (позиция [CəC]) этот звук реализуется чаще как открытый [ɛ] (реже как [e]); (б) в позиции [gə- / bə-] его параметры наиболее близки к [e].

3.3. Особенности спектральных характеристик гласных в условиях быстрого темпа

Согласно данным Табл. 6, по признаку {высокий} — $R_1 > R_1$ — {низкий} наиболее приближены по своим параметрам к эталону гласные [e:], [ʊ], реализующиеся в быстром темпе практически в той же области спектра, что и соответствующие эталонные гласные. Прочие вокалические сегменты реализуются как более высокие, чем эталон, звуки. В наибольшей мере процесс реализации этих гласных в более высоких областях спектра затрагивает звуки [ɪ] и [i:].

Таблица 6. Особенности спектральных характеристик гласных в условиях быстрого темпа

Звук	R ₁		R ₂		R ₃	
	Эталон	Эксперимент	Эталон	Эксперимент	Эталон	Эксперимент
[a:]	1,78	3,94	3,71	7,77	4,55	3,88
[a]	2,07	3,88	4,07	7,05	4,65	4,06
[e:]	5,44	5,62	8,23	8,15	4,99	4,95
[E]	2,66	4,84	4,50	6,69	4,90	4,73
[i:]	6,40	8,26	10,00	10,32	4,22	6,01
[ɪ]	4,60	7,39	7,14	12,50	4,47	5,26
[o:]	2,25	3,64	6,00	7,33	3,70	4,17
[ɔ]	2,03	3,74	4,54	5,52	4,17	3,55
[u:]	2,14	3,85	9,28	7,15	3,48	4,32
[ʊ]	2,28	3,08	7,14	7,74	3,65	3,50
[CəC]	—	5,54	—	10,02	—	4,31
[gə- / bə-]	—	5,10	—	8,99	—	4,30
[-ə]	—	4,63	—	7,86	—	3,66

По признаку {компактный} — $R_2 < R_2$ — {диффузный} максимально приближены к эталону по своим качественным характеристикам звуки [e:] (несколько более компактный), а также [i:], [ʊ], [O], степень диффузности у которых ненамного выше, чем у соответствующих эталонных звуков. Сегмент [u:] произносится в быстром темпе более открыто, чем обычно, при увеличенном поперечном сечении ротовой полости и челюстного раствора, и может быть охарактеризован как более компактный звук в сравнении со своим эталонным эквивалентом. Все прочие ударные вокалические сегменты воспринимаются как более диффузные. Величина R_2 у них значительно превышает аналогичный эталонный параметр. В наибольшей степени это касается звуков [a:] и [a], реализующихся в области спектра, характерной для [u:], [ʊ], [o:].

По признаку {бемольный} — $R_3 < R_3$ — {простой} практически все гласные сегменты либо совпадают, либо вплотную приближаются к эталонным параметрам. Некоторое отклонение от «идеала» обнаруживает

в сторону увеличения R_3 только звук [i:], не обладающий признаком бемольности.

Специфика реализации гласных в препозиции к [R] заключается в том, что усиление спектральных составляющих [a] в быстром темпе речи располагается ниже, чем у гласных в иной позиции. По признакам {компактный} — $R_2 < R_2$ — {диффузный} и {бемольный} — $R_3 < R_3$ — {простой} гласный [a] может быть охарактеризован как более компактный и более огубленный, приближающийся по своим параметрам к гласному [a].

Гласный [ɪ] в препозиции к [R] реализуется как более низкий звук по сравнению с тем же звуком, но в ином фонетическом контексте. По признакам {компактный} — $R_2 < R_2$ — {диффузный} и {бемольный} — $R_3 < R_3$ — {простой} гласный [ɪ] в препозиции к [R] имеет приблизительно те же характеристики, что и звуки [ɪ] и [i:].

Гласный [E] при сравнении величин R_2 и R_3 реализуется практически в той же области спектра, что и [e:], но как несколько более низкий и огубленный звук. По признаку {компактный} — $R_2 < R_2$ — {диффузный} характеристики [ɛ] в препозиции к [R] приближаются к аналогичному параметру [e:].

Гласный [a] в позиции перед [l] смещается в область спектра, характерную для произнесения звуков [o:] / [O], что является независимой от типа речи региональной особенностью австрийского произношения.

Наибольший интерес представляет реализация гласного [ə], отличающегося максимальной вариативностью. Анализ величин R_1 , R_2 и R_3 позволяет сделать следующие выводы: в быстром темпе в исходе слова (позиция [-ə]) этот звук реализуется в основном как открытый [ɛ]; между согласными (позиция [CəC]) и в позиции [gə- / bə-] его параметры наиболее близки к звуку [e].

4. Выводы

Спектральный анализ гласных, реализующихся в условиях *медленного* темпа, показывает, что долгие и краткие гласные реализуются как максимально приближенные к эталону при незначительном варьировании признака компактности.

В условиях *среднего* темпа долгие и краткие вокалические сегменты реализуются в той или иной степени как более высокие звуки по сравнению с эталонными параметрами. По признаку компактности / диффузности долгие гласные приближаются по своим параметрам к эталону, краткие гласные становятся при этом менее компактными и более огубленными. В препозиции к [R] отмечается аналогичная тенденция. Безударный гласный неопределенного тембра [-ə] в исходе слова и в интерконсонантной позиции в основном

реализуется как открытый [ɛ], в неотделяемых безударных приставках гə- / вə- — как [e].

В условиях *быстрого* темпа большинство долгих и кратких гласных реализуется в более высоких, чем эталонные, областях спектра. По признаку компактности / диффузности гласные в большинстве своем воспринимаются на спектре как более диффузные. По признаку огубленности и долгие, и краткие гласные приближаются к эталонным показателям. В препозиции к [R] звук [a] реализуется как более низкий, компактный и огубленный по сравнению с эталоном, [i] — как более низкий и диффузный. Безударный гласный неопределенного тембра [-ə] в исходе слова реализуется как открытый [ɛ], в интерконсонантной позиции и в неотделяемых безударных приставках гə- / вə- его реализация наиболее близка к [e].

Список литературы / References

- Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994. [Admoni, Vladimir G. (1994) *Sistema form rechevogo vyskazyvaniya* (System of Forms of Speech Utterance). St. Petersburg: Nauka. (In Russian)].
- Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л.: ЛГУ, 1981. [Bondarko, Liya V. (1981) *Foneticheskoye opisaniye yazyka i fonologicheskoye opisaniye rechi* (Phonetic Description of Language and Phonological Description of Speech). Leningrad: Leningrad State University. (In Russian)].
- Бухаров В. М. Варианты норм произношения в современном немецком литературном языке (Теоретические проблемы и экспериментально-фонетическое исследование): Дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 1995. [Bukharov, Valeriy M. (1995) *Varianty norm proiznosheniya v sovremennom nemetskom literaturnom yazyke (Teoreticheskiye problemy i eksperimental'no-foneticheskoye issledovaniye)* (Variants of Pronunciation Norms in the Modern German Literary Language (Theoretical Problems and Experimental Phonetic Research)). PhD (Advanced) Thesis in Philology. Saint-Petersburg. (In Russian)].
- Веренич Н. И. Темп речи как один из компонентов просодии // Экспериментальная фонетика и прикладная лингвистика: Сб. науч. статей. Минск: МГПИИЯ, 1980. С. 11–18. [Verenich, Nikolay I. (1980) Temp rechi kak odin iz komponentov prosodii (Speech Tempo as One of the Components of Prosody). In *Eksperimental'naya fonetika i prikladnaya lingvistika* (Experimental Phonetics and Applied Linguistics): Collected papers. Minsk: Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages, 11–18. (In Russian)].
- Веренич Н. И. Изменения спектральных характеристик немецких гласных под влиянием темпа речи // Проблемы внутренней динамики речевых норм. Сб. науч. статей. Минск: МГПИИЯ, 1982. С. 14–20. [Verenich, Nikolay I. (1982) Izmeneniya spektral'nykh kharakteristik nemetskiykh glasnykh pod vliyaniem tempa rechi (Changes in the Spectral Characteristics of German Vowels under the Influence of Speech Tempo). In *Problemy vnutrenney dinamiki rechevykh norm* (Problems of Internal Dynamics of Speech Norms). Collected papers. Minsk: Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages, 14–20. (In Russian)].
- Гайдучик С. М. Коартикуляция звуковых сегментов в немецкой фразе // Проблемы внутренней динамики речевых норм: Сб. науч. статей. Минск: МГПИИЯ, 1982. С. 26–32. [Gaidučik, Sergey M. (1982) Koartikulyatsiya zvukovykh segmentov v nemetskoj fraze (Coartic-

- ulation of Sound Segments in a German Phrase). In *Problemy vnutrenney dinamiki rechevykh norm* (Problems of Internal Dynamics of Speech Norms). Collected papers. Minsk: Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages, 26–32. (In Russian)].
- Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1967. [Zvegintsev, Vladimir A. (1967) *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* (Theoretical and Applied Linguistics). Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)].
- Зиндер Л. Р. Влияние темпа речи на образование отдельных звуков // Вопросы фонетики. Уч. зап. ЛГУ. 1964. Вып. 69. № 325. С. 3–27. [Zinder, Lev R. (1964) Vliyanie tempa rechi na obrazovaniye otdel'nykh zvukov (The Influence of Speech Tempo on the Formation of Individual Sounds). In *Voprosy fonetiki. Uchenye zapiski LHU* (Issues of Phonetics. LGU Scientific Notes), 69, 325, 3–27. (In Russian)].
- Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. [Zinder, Lev R. (1979) *Obshchaya fonetika* (General Phonetics). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Златоустова Л. В. Просодия русской речи конца XX века // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. 1. М.: МГУ, 1995. С. 185–187. [Zlatoustova, Lyubov V. (1995) Prosodiya russkoy rechi kontsa XX veka (Prosody of Russian Speech at the End of the 20th Century). In *Lingvistika na iskhode XX veka: itogi i perspektivy* (Linguistics at the End of the 20th Century: Results and Prospects). Abstracts of the international conference. Vol. 1. Moscow: Moscow State University, 185–187. (In Russian)].
- Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Трунин-Донской В. Н. Общая и прикладная фонетика. М.: МГУ, 1986. [Zlatoustova, Lyubov V.; Potapova, Rodmonga K., & Trunin-Donskoy, Valerian N. (1986) *Obshchaya i prikladnaya fonetika* (General and Applied Phonetics). Moscow: Moscow State University. (In Russian)].
- Касевич В. Б., Шабельникова Е. М., Рыбин В. В. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л.: ЛГУ, 1990. [Kasevich, Vadim B., Shabel'nikova, Yevgeniya M., & Rybin, Vladimir V. (1990) *Udareniye i ton v yazyke i rechevoy deyatel'nosti* (Stress and Tone in Language and Speech Activity). Leningrad: Leningrad State University. (In Russian)].
- Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М.: Просвещение, 1976. [Matusevich, Margarita I. (1976) *Sovremennyy russkiy yazyk. Fonetika* (Modern Russian Language. Phonetics). Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)].
- ФСР — Фонетика спонтанной речи / под ред. Н. Д. Светозаровой. Л.: ЛГУ, 1988. [Svetozarova, Nataliya D. (ed.) (1988) *Fonetika spontannoy rechi* (Phonetics of Spontaneous Speech). Leningrad: Leningrad State University. (In Russian)].
- Чистович Л. А., Кожевников В. А., Алякринский В. В. и др. Речь. Артикуляция и восприятие. Л.: Наука, 1965. [Chistovich, Lyudmila A., Kozhevnikov, Valery A., & Alyakrinsky, Vladimir V. et al. (1965) *Rech'. Artikulyatsiya i vospriyatiye* (Speech. Articulation and Perception). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Admoni, Wladimir G. (1990) *Historische Syntax des Deutschen*. Tübingen: Niemeyer.
- Fährmann, Rudolf. (1960) *Die Deutung des Sprachausdrucks. Studien zur Einführung in die Praxis der charakterologischen Stimm- und Sprechanalyse*. Bonn: H. Bouvier u. Co. Verlag.
- Gajdučik, Sergej M. (1981) *Theoretische Phonetik des Deutschen*. Minsk: Vyshejschaja Shkola.
- Lewandowski, Theodor. (1975) *Linguistisches Wörterbuch*. In 3 Bd. Bd. II. Heidelberg; Wiesbaden: Quelle u. Meyer.
- Potapova, Rodmonga K., & Lindner, Gerhardt. (1991) *Die Besonderheiten der deutschen Aussprache*. Moskau: Vysshaja Shkola.

УДК 81'139

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-72-81

ИМПЛИЦИТНЫЕ СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА

Р. А. Иванова, К. Г. Голубева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье рассматривается конфликтогенный текст как источник имплицитной негативно-оценочной коннотации. Определяется статус конфликтогенного текста с позиций лингвистики, раскрывается механизм его манипулятивного потенциала. На материале современных англоязычных медийных заголовков исследуется потенциал речевого воздействия с использованием методов лингвопрагматического и когнитивного анализа. Заголовок медийного текста рассматривается как самостоятельный микротекст, обладающий высоким потенциалом манипулятивного воздействия. Авторы определяют логическую предпосылку, закодированную в текстах заголовков, посредством определения конкретных языковых механизмов имплицитирования. В изученных примерах механизмами, реализующими манипулятивные стратегии и достигающими пейоративного эффекта, являются применение слов-операторов с соответствующими семантическими характеристиками, повторы лексических единиц, акцентуация с помощью антитезы и апелляция к авторитетным источникам. Делается вывод о том, что выявление механизмов имплицитирования имеет важное значение как в теоретическом, так и в прикладном аспектах, так как способствует определению скрытых возможностей речевого воздействия. Обнаружение признаков манипуляции может предотвращать ситуации искажения истины, введения реципиента в заблуждение. Таким образом, данные, полученные в результате лингвистического исследования, становятся основой для решения задач в правовой и этической сферах.

Ключевые слова: конфликтогенный текст; импликация; пресуппозиция; медийный заголовок; пейоративная оценка.

Цитирование: Иванова Р. А., Голубева К. Г. Имплицитные средства речевого воздействия в современных англоязычных медиа // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 3 (63). С. 72–81. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-72-81.

Implicit Means of Linguistic Manipulation and Persuasion in Modern English-Language Media Texts

Rimma A. Ivanova, Kristina G. Golubeva

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The paper examines conflictogenic texts as a source of implicitly expressed negative evaluative connotation, describing the linguistic status of conflictogenic texts and exploring the mechanisms of their manipulative potential. The authors use the methods of pragmatic and

cognitive analysis to study the potential of verbal impact in English-language media headlines. Media headlines are viewed as independent microtexts that have a high potential for manipulative influence. The authors uncover logical presuppositions encoded in these texts by means of determining specific language mechanisms of implication, as well as identify and list mechanisms that realize manipulative strategies and achieve the pejorative effect, namely: the use of lexical operators with derogatory semantic characteristics; lexical repetitions; emphasis by means of antithesis; and appeal to authority. The authors conclude that determining mechanisms of implication is of relevance both theoretically and practically as it helps to detect the covert capacity of verbal impact and thus prevents distortion of truth and potential deceit of recipients. Thus, data obtained as a result of this linguistic research can be applied in the legal and ethical spheres.

Key words: conflictogenic text; implication; presupposition; media headline; pejorative evaluation.

Citation: Ivanova, Rimma A., Golubeva, Kristina G. (2023) Implicit Means of Linguistic Manipulation and Persuasion in Modern English-Language Media Texts. *LUNN Bulletin*, 3 (63), 72–81. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-72-81.

1. Введение

В настоящее время в лингвистических исследованиях отмечается рост интереса к изучению конфликтогенных текстов, способных как имплицитно эксплуатировать негативно-оценочный коннотативный фон, так и эксплицитно выражать пейоративную оценку (Голев, Обелюнас 2014; Дубовицкая 2019; Кара-Мурза 2020; Никитин, Устьянцева, Бородина 2021; Кулумбегова, Беляева 2022; Старостина, Леонович 2022).

В лингвистике конфликтогенными называют высказывания, стимулирующие возникновение и развитие конфликта, а также тексты, которые содержат речевые сигналы когнитивного или коммуникативно-прагматического диссонанса между автором и реципиентом. Высказывания-конфликтогены могут разжечь неприязнь или вызвать враждебность в силу наличия перлокутивного эффекта (Егидес 2011; Махина 2016; Трофимова, Телегуз, Фомин 2021).

Конфликтогенный текст может быть построен на импликации, невербализованных намеках, сравнениях, коннотативных значениях и на других способах передачи смысла, которые не подлежат непосредственному формальному определению (Голев 2002). Именно данное обстоятельство делает конфликтогенный текст неуязвимым с юридической точки зрения, так как текст, несущий имплицитно выраженные смыслы, может быть интерпретирован двояко или двусмысленно.

В качестве одного из базовых видов имплицитно выраженной информации выделяют пресуппозицию, которая представляет собой невербализованное суждение, полагаемое как общеизвестное или безусловно истинное. При этом, несмотря на отсутствие прямой вербализации, означенная информация может быть установлена с достаточной степенью полноты

(Радбиль, Юматов 2014). Другими словами, для определения смыслов, скрытых пресуппозицией, реципиент должен прибегнуть к законам логики и мышления и самостоятельно «расшифровать» заданный текст.

2. Материал и методы исследования

На материале современных медийных англоязычных текстов с использованием методов лингвопрагматического и когнитивного анализа исследован потенциал речевого воздействия, содержащийся в медийных заголовках. Были изучены тексты изданий, телеканалов и информагентств *The Guardian, The New York Times, Daily Mail, AP News, The Globe and Mail, WION, The Economist, The Washington Post, The Wall Street Journal, France 24*, освещающие Олимпийские игры в Токио 2021 г.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В основе восприятия имплицитной информации лежит определенный когнитивный механизм: адресат должен самостоятельно расшифровать смысл, скрытый в имплицитном тексте, что приводит его к ошибочному выводу о самостоятельно полученном знании. Таким образом, выявление имплицитной информации требует некоторого усилия мысли (Иссерс 2020). Предпринятые интеллектуальные усилия делают декодированную имплицитную информацию субъективно близкой. Данный когнитивный механизм становится эффективным орудием воздействия: автор текста побуждает адресата к ряду интеллектуальных усилий, вследствие чего формулируется «запрограммированное» мнение и в картину мира адресата привносятся новые убеждения. Следовательно, имплицитное воздействие является мощным манипулятивным фактором, так как имплицитная информация «не осознается адресатом и, следовательно, не подвергается критической оценке» (Пирогова 2001: 214). Признано, что именно СМИ используются как действенный инструмент воздействия на общественное мнение (Стеринин 2001; Егорова 2018). В частности, применяется механизм имплицитного ввода информации, что создает предпосылки для непрямого воздействия на широкую публику. Особый интерес представляют заголовки медийных публикаций, так как являются самостоятельными микротекстами, определяющими восприятие статьи в целом. Считается, что заголовок занимает стилистически сильную позицию, передает основное содержание публикации и позицию автора. Утверждается, что 80 % читателей уделяют внимание только заголовкам, избегая чтения всей статьи (Шелевая 2016: 249).

Для анализа приемов имплицитного введения навязываемой информации необходимо определить содержание семантических пресуппозиций,

расшифровав, какую логическую предпосылку кодируют исследуемые заголовки. Знакомясь с отобранными микротекстами заголовков, читатель может прийти к ошибочному выводу, что российская сборная нарушает правила Олимпиады, обходя запреты или применяя запрещенные препараты, что может вызвать негодование и ощущение того, что нарушаются принципы справедливого и честного спортивного соревнования. Так, одна из публикаций *The New York Times* была озаглавлена

(1) *Russia scoffs at Olympic ban: 'Let them listen to classical music'* (The New York Times).

Данный заголовок негативно репрезентирует ситуацию использования фрагмента Первого концерта для фортепиано с оркестром П. И. Чайковского вместо гимна на церемониях награждения российских атлетов. Беспрецедентная по цинизму ситуация, когда гимн Российской Федерации оказался под запретом, представлена как правомерный запрет (лексема *ban*), в то время как выбор классического произведения преподносится как издевка или насмешка со стороны российской сборной (лексема *scoff*).

Другой заголовок негативно оценивает победы российской сборной, именуя ее выступления под эгидой Олимпийского комитета России «маскировкой» (лексема *disguise*). Более того, успехи нашей сборной квалифицировались как проявления «осадного менталитета» (лексема *siege mentality*). Другими словами, создавалось представление, что российская команда незаконно «осаждают» Олимпиаду как крепость, заголовок содержал намек на агрессивное поведение россиян:

(2) *In ROC disguise, Russia has plenty to celebrate at Olympics* (AP);

(3) *Russia was banned due to doping, but winning medals with another name at Tokyo Olympics* (WION).

(4) *Russia in all but name: the ROC team got to Tokyo with a siege mentality* (The Guardian).

Канадское издание *The Globe and Mail* ссылается на наименование нового статуса российской сборной как на некую маску, уловку (лексема *alias*) и необоснованно обвиняет россиян в дальнейшем применении допинга:

(5) *Under an alias at Tokyo Olympics, Russians thwart IOC's plan to humiliate them* (The Globe and Mail).

Искаженное описание ситуации со стороны западных СМИ также репрезентируется частым повтором лексемы *ban*. Из 39 рассмотренных заголовков данная лексема представлена в 20:

(1) *Russia scoffs at Olympic **ban**: 'Let them listen to classical music'*;

(3) *Russia was **banned** due to doping, but winning medals with another name at Tokyo Olympics* (WION);

(6) *Russians are winning in Tokyo even though Team Russia is **banned** from the Olympics. The penalty the IOC imposed on Russia for doping was “so weak and wimpy that it was painful”, one Olympic historian said (CNBC);*

(7) *Why are Russian athletes competing at the Tokyo Olympics despite the country’s **ban**? (The Economist);*

(8) *Russia is **banned**, yet it’s everywhere at the games (The New York Times);*

(9) *Russia is **banned** at the Tokyo Olympics, but Russians are everywhere (The Washington Post);*

(10) *With #WeWillROCYou, Russia tests the limits of its Olympic **ban** (France 24);*

(11) *Russia wins at Tokyo 2020 despite **ban** over doping programme (Financial Times);*

(12) *Tokyo Olympics: Russians win most medals since 2004 despite competing as ROC because of **ban** (BBC);*

(13) *Why is Russia **banned** from the Olympics and what is ROC? (The Independent);*

(14) *What is ROC? Why Russia is **banned** from the Olympics — but some Russian athletes are still competing at Tokyo (iNews);*

(15) *Catwalk models show off the white, blue and red uniforms that Russians will wear in the Tokyo Olympics... and they are IDENTICAL to the country’s normal kit even though Russia’s name, flag and anthem are **BANNED** after doping scandal (The Daily Mail);*

(16) *Explained: Why is Russia **banned** at the Tokyo Olympics 2020? What is ROC? (CNBCTV18.com);*

(17) *Russia **banned** from Tokyo Olympics over doping (PBS);*

(18) *Once Again, **Banned** Russians Raise Questions About Doping At The Olympics (NPR);*

(19) *Russia **banned** from Olympics and Global Sports for 4 Years (The New York Times);*

(20) *Russia, **Banned** at the Tokyo Olympics, Is Still Trying to Be Russia (The Wall Street Journal);*

(21) *US anti-doping chief dismisses Russian Olympic **ban** as a ‘farce’ (The Guardian);*

(22) *Despite its **ban**, Russia is everywhere at the 2020 Tokyo Games (The New York Times);*

Рассматриваемая пресуппозиция «российская команда обходит правила» также акцентируется антитезой:

(9) *Russia is **banned** at the Tokyo Olympics, but Russians are **everywhere** (The Washington Post);*

(23) *ROC's Olympic successes mean 'absent' Russia are more present than ever* (The Guardian);

(24) *Russia isn't at the games. Yet there it is* (The New York Times).

Другим приемом имплицитного речевого воздействия является апелляция к авторитетам и фонду общих знаний. Естественно, что точку зрения легче навязать, если она исходит от некоего «эксперта». В нижеприведенном примере негативная семантика лексем *farce, weak and wimpy (penalty)* усиливается за счет апеллирования к экспертному мнению, что направлено на дискредитацию и обесценивание побед как российской сборной, так и страны в целом. Это еще раз подтверждает крайнюю политизированность спортивных событий на международном уровне:

(6) *Russians are winning in Tokyo even though Team Russia is banned from the Olympics. The penalty the IOC imposed on Russia for doping was "so weak and wimpy that it was painful", one Olympic historian said;*

(21) *US anti-doping chief dismisses Russian Olympic ban as a 'farce'.*

4. Заключение

Таким образом, ситуация с российскими спортсменами на Олимпийских играх в Токио в 2021 г. в англоязычных СМИ была представлена искаженно. Сам постулат «справедливости» запретов, когда на законопослушных спортсменов накладывались беспрецедентные ограничения, не подвергался критике. Другими словами, выступление российской команды под эгидой Олимпийского комитета России преподносилось всего лишь как обход запретов. Из рассмотренных 39 заголовков англоязычных СМИ 21 активно эксплуатировал пресуппозицию «российская команда обходит правила». С точки зрения языковых механизмов рассматриваемая пресуппозиция реализовывалась с помощью слов-операторов (*siege mentality, disguise, alias, scoffs, another name, new name*), которые конструируют в сознании обывателя ложную установку ситуации обмана, нечестного поведения, обхода правил, в то время как в действительности российские спортсмены выполняли все условия организаторов.

Во-вторых, частый повтор лексемы *ban* в сочетании с именем страны недопустимо политизировал ситуацию, что является неприемлемым для спортивных соревнований.

Рассматриваемая пресуппозиция в текстах заголовков также акцентировалась антитезой и апелляцией к авторитетам.

Выявление механизмов имплицитирования имеет важное значение как в теоретическом, так и в прикладном аспектах, так как способствует определению скрытых возможностей речевого воздействия. Обнаружение признаков манипуляции может предотвращать ситуации искажения истины,

введения реципиента в заблуждение. Таким образом, данные, полученные в результате лингвистического исследования, становятся основой для решения задач в правовой и этической сферах.

Список литературы / References

- Голев Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтотенных текстов // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 110–123. [Golev, Nikolai D. (2002) *Pravovoye regulirovaniyerechevykh konfliktov i yurisljngvisticheskaya ekspertisa konfliktogennykh tekstov* (Legal Regulation of Verbal Conflicts and Linguistic Expertise of Conflictogenic Texts). In *Pravovaya reforma v Rossiyskoy Federatsii: obshcheteoreticheskiye i istoricheskiye aspekty* (The Legal Reform in the Russian Federation: Theoretical and Historical Aspects). Barnaul: Izd-vo AltGU, 110–123. (In Russian)].
- Голев Н. Д., Обелюнас Н. В. Лингвоконфликтология. Красноярск: СФУ, 2014. [Golev Nikolay D., & Obelyunas, Nina V. (2014) *Lingvokonfliktologiya* (Linguoconflictology). Krasnoyarsk: SFU. (In Russian)].
- Дубовицкая М. А. Конфликт как форма межкультурной коммуникации: социолингвистический аспект // Вестник СГСЭУ. 2019. № 3 (77). С. 199–202. [Dubovitskaya, Maria A. (2019) *Konflikt kak forma mezhkul'turnoi kommunikatsii: sotsiolingvisticheskii aspekt* (Conflict as a Form of Intercultural Communication: Sociolinguistic Aspect). *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*, 3 (77), 199–202. (In Russian)].
- Егидес А. П. Психология конфликта. М.: МФПА, 2011. [Egides, Arkadiy P. (2011) *Psikhologiya konflikta* (Conflict Psychology). Moscow: MFPA (In Russian)].
- Егорова Л. Г. Приемы речевого воздействия в современном региональном медиадискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. Вып. 43. С. 30–38. [Yegorova, Lyudmila G. (2018) *Priyomy rechevogo vozdeystviya v sovremennom regional'nom mediadiskurse* (Verbal Impact Techniques in Modern Regional Media Discourse). *LUNN Bulletin*, 43, 30–38. (In Russian)].
- Иссерс О. С. Речевое воздействие. М.: Флинта, 2020. [Issers, Oksana S. (2020) *Rechevoye vozdeystviye* (Speech Impact). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Кара-Мурза Е. С. Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) // Вестник Волгоградского государственного университета. 2020. Серия 2: Языкознание. Т. 19. № 1. С. 18–27. [Kara-Murza, Elena S. (2020) *Lingvokonfliktologiya i konflikty v russkom mediaprostranstve (analiz dvoynogo keisa)* (Linguoconflictology and Conflicts in the Russian Media Space (Double Case Analysis)). *Science Journal of VolSU, Linguistics*, Vol. 19, 1, 18–27. (In Russian)].
- Кулумбегова Л. В., Беляева И. В. Конфликтотенная грамматика (на материале современных медийных текстов) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 4 (60). С. 63–74. [Kulumbegova, Lyudmila V., Belyaeva, Irina I. (2022) *Konfliktotennaya grammatika (na materiale sovremennykh mediynykh tekstov)* (Conflictogenic Grammar (Based on the Material of Modern Media Texts)). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 63–74. (In Russian)].

DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-63-74.

- Махина Л. А.* Высказывания с негативной оценочностью как элементы структуры и смысла конфликтогенных текстов [Электронный ресурс] // *Litera*. 2016. № 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20464 (дата обращения 01.09.2023). [Makhina, Ludmia A. (2016) (2023, September 01) Vyskazyvaniya s negativnoy otsenochnostyu kak elementy struktyury i smysla konflyktogennykh tekstov (Negatively Evaluated Utterances as Elements of Structure and Content of Conflictogenic Texts). *Litera*, 4. Retrieved from https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20464 (In Russian)]. DOI: 10.7256/2409-8698.2016.4.20464.
- Никитин М. Ю., Устьянцева А. Д., Бородина Н. В.* Лингвоконфликтогенность современного массмедийного дискурса России // *Вестник Российского нового ун-та. Серия: Человек в современном мире*. 2021. № 4 (56). С. 81–90. [Nikitin, Maksim Yu., Ust'yantseva, Anna D., & Borodina, Nataliya V. (2021) Lingvokonfliktogennost' sovremennogo massmediinogo diskursa Rossii (Linguo-conflictogenicity of Modern Mass Media Discourse in Russia). *Vestnik of the Russian New University. Series: Human in the Modern World*, 4 (56), 81–90. (In Russian)].
- Пирогова Ю. К.* Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // *Проблемы прикладной лингвистики*. М.: Азбуковник, 2001. С. 209–227. [Pirogova, Yulia K. (2001) Implitsitnaya informatsiya kak sredstvo kommunikativnogo vozdeystviya i manipulirovaniya (na materiale reklamnykh i pi ar soobscheniy (Implicit Information as a Means of Communicative Impact and Manipulation (Based on the Material of Advertising and PR Texts). In *Problemy prikladnoy lingvistiki* (The Aspects of Applied Linguistics). Moscow: Azbukovnik, 209–227. (In Russian)].
- Радбиль Т. Б., Юматов В. А.* Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // *Вестник ННГУ*. 2014. № 3-2. С. 18–21. [Radbil, Timur B., & Yumatov, Vasiliy A. (2014) Sposoby vyyavleniya implitsitnoy informatsii v lingvisticheskoy ekspertize (Methods of Detection of Implicit Information in Linguistic Expertise). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 3–2, 18–21. (In Russian)].
- Старостина Ю. С., Леонович Л. М.* Лингвоаксиологические основы коммуникативных конфликтов в англоязычном драматургическом дискурсе // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. 2022. Вып. 2 (58). С. 63–75. [Starostina, Julia S., & Leonovich, Larissa M. (2022) Lingvoaksiologicheskie osnovy kommunikativnykh konfliktov v angloyazychnom dramaturgicheskom diskurse (Linguoaxiological Basis of Communicative Conflicts in English-language Dramatic Discourse). *LUNN Bulletin*, 2 (58), 63–75. (In Russian)].
- Стернин И. А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж: Кварта, 2001. [Sternin, Iosif A. (2001) *Vvedeniye v rechevoye vozdeystviye* (Introduction into Speech Impact). Voronezh: Kvarta. (In Russian)].
- Трофимова Е. С., Телегуз А. А., Фомин А. Г.* Лингвопрагматические особенности креолизованных текстов военно-политического дискурса // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. 2021. Вып. 4 (56). С. 87–107. [Trofimova, Elizaveta S., Teleguz, Anna A., & Fomin, Andrey G. (2021) Lingvopragmaticheskiye osobennosti kreolizovannykh tekstov voyenno-politicheskogo diskursa (Linguistic Peculiarities of Creolized Texts in Military-

Political Discourse). *LUNN Bulletin*, 4 (56), 87–107. (In Russian)].

Шелевая Н. А. Газетные заголовки как средство воздействия на массовое сознание (на материале немецкоязычной прессы) // *Master's Journal*. 2016. № 2. С. 548–556. [Shelevaya, Natalya A. (2016) *Gazetnyye zagolovki kak sredstvo vozdeystviya na massovoye soznaniye (na materiale nemetskoyazychoy pressy (Headlines of Newspapers as a Means of Impact on People's Minds (on the Example of German Media). Master's Journal*, 2, 548–556. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

- Ahmed, Murad, & Seddon, Max. (2021, August 2) Russia wins at Tokyo 2020 despite ban over doping programme. *Financial Times*. Retrieved from <https://www.ft.com/content/31643c45-cf35-43e0-a0d4-1c2d40e49401>.
- CNBCTV18.com. (2021, July 26) Explained: Why is Russia banned at the Tokyo Olympics 2020? What is ROC? Retrieved from <https://www.cnbctv18.com/sports/explained-why-is-russia-banned-at-the-tokyo-olympics-2020-what-isroc-10117401.htm>.
- Coverdale, David. (2021, April 15) Catwalk models show off the white, blue and red uniforms that Russians will wear in the Tokyo Olympics... and they are IDENTICAL to the country's normal kit even though Russia's name, flag and anthem are BANNED after doping scandal. *The Daily Mail*. Retrieved from <https://www.dailymail.co.uk/sport/sportsnews/article-9474409/Russias-Tokyo-Olympics-kitIDENTICAL-flag-anthem-BANNED.html>.
- Dunbar, Graham. (2019, December 9) Russia banned from Tokyo Olympics over doping. *PBS*. Retrieved from <https://www.pbs.org/newshour/world/russia-banned-from-tokyo-olympics-over-doping>.
- Ellingworth, James. (2021, August 7) In ROC disguise, Russia has plenty to celebrate at Olympics. *AP*. Retrieved from <https://apnews.com/article/2020-tokyo-olympics-swimming-sports-europe-russia-27c771b6fcb916678e7f335c0f6f98ce>.
- Goldman, Tom. (2021, August 4) Once Again, Banned Russians Raise Questions About Doping At The Olympics. *NPR*. Retrieved from <https://www.npr.org/sections/tokyo-olympics-live-updates/2021/08/04/1024580668/once-again-bannedrussians-raise-questions-about-doping-at-the-olympics>.
- Houeix, Romain. (2021, July 30) With #WeWillROCYou, Russia tests the limits of its Olympic ban. *France 24*. Retrieved from <https://www.france24.com/en/sport/20210730-with-wewillrocyou-russia-tests-the-limits-of-its-olympicban>.
- Kantchev, Georgi. (2021, July 28) Russia, Banned at the Tokyo Olympics, Is Still Trying to Be Russia. *The Wall Street Journal*. Retrieved from <https://www.wsj.com/articles/russia-tokyo-olympics-roc-11627107905>.
- Kelly, Cathal. (2021, July 29) Under an alias at Tokyo Olympics, Russians thwart IOC's plan to humiliate them. *The Globe and Mail*. Retrieved from <https://www.theglobeandmail.com/sports/olympics/article-roc-on-a-roll-under-an-alias-at-tokyoolympics-russians-thwart-iocs/>.
- Kilgore, Adam. (2021, July 30) Russia is banned at the Tokyo Olympics, but Russians are everywhere. *The Washington Post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/sports/olympics/2021/07/30/russian-olympic-committee-tokyoolympics/>.
- Kramer, Andrew E. (2021, August 1) Russia scoffs at Olympic Ban: 'Let them listen to classical music'. *The New York Times*. Retrieved from

- <https://www.nytimes.com/2021/08/01/world/europe/russia-ban-olympics.html>.
- Lucas, Katherine. (2021, August 7) What is ROC? Why Russia is banned from the Olympics — but some Russian athletes are still competing at Tokyo. *iNews*. Retrieved from <https://inews.co.uk/sport/olympics/roc-what-meaning-russia-why-banned-olympics-tokyo-2020-russianathletes-explained-1112595>.
- Mather, Victor. (2021, July 23) Russia isn't at the games. Yet there it is. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2021/07/23/sports/olympics/roc-russia-olympics.html>.
- Panja, Tariq. (2019, December 9) Russia banned from Olympics and Global Sports for 4 Years. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2019/12/09/sports/russia-doping-ban.htm>.
- Panja, Tariq. (2021, July 26) Russia is banned, yet it's everywhere at the games. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2021/07/26/sports/olympics/russia-roc-tokyo.html>.
- Panja, Tariq. (2021, July 26) Despite its ban, Russia is everywhere at the 2020 Tokyo Games. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2021/07/26/sports/olympics/despite-its-ban-russia-is-everywhere-at-the-2020-tokyo-games.html>.
- Rathborn, Jack. (2021, August 7) Why is Russia banned from the Olympics and what is ROC? *The Independent*. Retrieved from <https://www.independent.co.uk/sport/olympics/why-russia-banned-olympics-tokyo-roc-b1895926.html>.
- Ronay, Barney. (2021, July 30) ROC's Olympic successes mean 'absent' Russia are more present than ever. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/sport/2021/jul/30/roc-olympic-successes-mean-absent-russia-more-presentthan-ever-tokyo-olympics>.
- Ronay, Barney. (2021, July 31) US anti-doping chief dismisses Russian Olympic ban as a 'farce'. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/sport/2021/jul/31/us-anti-doping-chief-dismisses-russian-olympic-ban-as-afarce>.
- Roth, Andrew. (2021, July 22) Russia in all but name: the ROC team got to Tokyo with a siege mentality. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/sport/2021/jul/22/russia-olympics-tokyo-2020-doping-punishments#:~:text=Russia%20Olympic%20team-,Russia%20in%20all%20but%20name%3A%20the%20ROC%20team%20go,Tokyo%20with%20a%20siege%20mentality&text=As%20Russian%20athletes%20begin%20competing,competition%20with%20a%20siege%20mentality>.
- Siemaszko, Corky, & Smith, Patrick. (2021, August 5) Russians are winning in Tokyo even though Team Russia is banned from the Olympics. *CNBC*. Retrieved from <https://www.cnn.com/2021/08/06/russians-are-winning-in-tokyo-olympics-even-though-russia-is-banned-.html>.
- The Economist. (2021, July 28) Why are Russian athletes competing at the Tokyo Olympics despite the country's ban? Retrieved from <https://www.economist.com/the-economist-explains/2021/07/28/why-are-russian-athletes-competing-atthe-tokyo-olympics-despite-the-countrys-ban>.
- Turaga, Semi. (2021, August 8) Tokyo Olympics: Russians win most medals since 2004 despite competing as ROC because of ban. *BBC*. Retrieved from <https://www.bbc.com/sport/olympics/58135905>.
- WION. (2021, July 30) Russia was banned due to doping, but winning medals with another name at Tokyo Olympics. Retrieved from <https://www.wionews.com/sports/russia-was-banned-due-to-doping-but-winning-medals-with-anothername-at-tokyo-olympics-401750>

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-82-92

ЭЙДЖИЗМ КАК НОВЫЙ СТАНДАРТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ*

Э. Г. Куликова¹, З. К. Тедеева²

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия

²Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова,
Беслан, Южная Осетия

Политическая корректность как стратегия речевого поведения получила огромное признание и популярность. Лингвистические параметры политкорректной коммуникации стали предметом многочисленных исследований. Помимо очевидных преимуществ политкорректности, у этого социально-культурного и лингвистического феномена есть и негативная сторона. Основные стратегии политкорректной вежливой коммуникации — табу и эвфемизация, имеющие целью уйти от дискриминирующих неуважительных высказываний. За несколько десятилетий активного внедрения идей политкорректности на русской почве сложились твердые правила, касающиеся трех главных дискриминаций — по возрасту, полу и расовой (национальной) принадлежности. В социуме прочно закрепились традиции, нацеленные на блокирование проявлений эйджизма, однако в медиа последних лет эти традиции начали подтачиваться. В медийных текстах последних лет, прежде всего в политической полемике, заметна тенденция пренебрегать ограничениями, связанными с проявлением эйджизма. Анализу причин и последствий этого явления посвящена предлагаемая статья. Речь идет о сознательных нарушениях этико-лингвистических норм, связанных с упоминанием возраста человека. Устанавливаются истоки этого явления, даются оценки когнитивно-коммуникативного свойства, а также лингвопрагматические характеристики нарушений этико-лингвистических норм в этой сфере. С изменением внешнеполитических обстоятельств (вынужденная изоляция РФ после начала СВО, западные санкции, настоящая информационная война, развязанная против нас странами НАТО) существенно изменилась и риторика наших медиа, в том числе и в отношении рассматриваемой категории. В статье на материале современных медиа исследованы высказывания, содержащие признаки эйджизма. В рамках когнитивно-коммуникативного подхода с опорой на функционально-прагматический анализ и социолингвистическую методику проанализированы условия нарушения принципов политкорректности в медиадискурсе. В качественных медиа должны быть контраргументы, опровержения доводов оппонентов по существу дела, а не оскорбления по возрастному признаку. При всей зыбкости и неоднозначности политкорректность имеет

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001.

благородный посыл — не обидеть, не оскорбить словом, и от этого современной публицистике отказываться ни в коем случае не следует.

Ключевые слова: медиадискурс; политкорректность; толерантность; вежливость; этико-речевые нормы; эйджизм.

Цитирование: Куликова Э. Г., Тедеева З. К. Эйджизм как новый стандарт политической полемики // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 3 (63). С. 82–92.

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-82-92.

Ageism as a New Standard of Political Polemics

Ella G. Kulikova¹, Zaira K. Tedeeva²

¹People's Friendship University named after Patrice Lumumba (RUDN University named after Patrice Lumumba), Moscow, Russia

²South Ossetian State University named after A. A. Tibilov, Beslan, South Ossetia

Political correctness as a strategy of speech behaviour has received great recognition and popularity, and linguistic parameters of politically correct communication have been the subject of numerous studies. In addition to the obvious advantages of political correctness, this socio-cultural and linguistic phenomenon has, at the same time, certain negative features. The main strategies of politically correct, polite communication are taboos and euphemization aimed at avoiding discriminatory, disrespectful statements. In the several decades of active implementation of political correctness ideas in Russia, clear rules have developed in terms of three key areas of discrimination: discrimination by age, by gender, and by race (nationality, ethnicity), and the tradition of blocking manifestations of ageism has become firmly established in the Russian society. In more recent years, however, and, more specifically, in the media, this tradition has begun to erode. In media texts of recent years — and especially in political polemics — there has been a noticeable tendency to neglect restrictions connected with manifestations of ageism. The article seeks to analyze the causes and consequences of this phenomenon, examining conscious violations of ethical and linguistic standards related to mentions of a person's age. The authors determine origins of such speech, assess its cognitive and communicative properties, and look at the linguistic and pragmatic characteristics of violations of ethical and linguistic standards in this area. With the recent change in foreign policy (the forced isolation of the Russian Federation after the start of the special military operation, Western sanctions, and the information war unleashed against Russia by the NATO countries, etc.), the rhetoric of our media has also changed significantly, including a number of changes in relation to ageism. Based on the material of modern media, the article studies statements with signs of ageism, analyzing the conditions that trigger violations of standards of political correctness in the media discourse within the framework of the cognitive-communicative approach based on functional-pragmatic analysis and sociolinguistic methodology. The authors conclude that even in emotionally charged arguments and debates, high-quality media should not engage in insults based on age but rather must seek to preserve high discourse standards, providing arguments, counterarguments, and refutations of opponents' statements strictly on their merits. Despite all the current instability and ambiguity, political correctness retains the noble goal of abstaining from offending and verbally insulting people, and modern media should definitely take this into consideration.

Key words: media discourse; political correctness; tolerance; politeness; ethical and speech standards; ageism.

Citation: Kulikova, Ella G., Tedeeva, Zaira K. (2023) Ageism as a New Standard of Political Polemics. *LUNN Bulletin*, 3 (63), 82–92. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-82-92.

1. Введение

Политическая корректность как стратегия речевого поведения получила огромное признание и популярность. Лингвистические параметры политкорректной коммуникации стали предметом многочисленных исследований (Панин 2004; Савватеева 2008; Шляхтина 2009; Майба 2013; Колпина 2015, 2019; Кузнецова 2017; Карпухина, Кузнецова 2018; Заврумов 2019; Сычев, Жадунова, Коваль 2019; Колесова 2019; Дроздова 2020; Ступина 2021; Брусенская, Котаева 2022; Сяо, Юань 2022 и мн. др.). Было установлено, что важнейшими способами избежать коммуникативного конфликта и оставаться в границах политкорректного взаимодействия являются табу и эвфемизмы. Оба эти способа актуальны и для номинаций, связанных с возрастом: не принято без особой надобности упоминать о старости, почтенном возрасте (особенно — в отношении женщин), в ходу разнообразные эвфемистические словосочетания типа «третий возраст», «серебряный возраст» и под., хотя и они этически небезупречны. Ср.: «Я не фанат намеков вроде *серебряный возраст, почтенный возраст, возраст счастья*. Будто нам приходится скрывать что-то стыдное или камуфлировать неприятное» (Дроздова 2022: 9–10).

Однако в медийных текстах последних лет, прежде всего в политической полемике, заметна тенденция пренебрегать ограничениями, связанными с проявлением эйджизма. Анализу причин и последствий этого явления посвящена предлагаемая статья.

2. Материалы и методы

В статье на материале современных медиа исследованы высказывания, содержащие признаки эйджизма. В рамках когнитивно-коммуникативного подхода с опорой на функционально-прагматический анализ и социолингвистическую методiku рассмотрены условия нарушения принципов политкорректности в медиадискурсе.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Политическую корректность обычно рассматривают как «языковую категорию, интегральный признак которой заключается в том, что в коннотативном значении языковой единицы не содержится идей дифференцированного отношения на основании расы, национальности, этноса, гендера, возраста, культуры, образования, болезней, инвалидности и т. д.» (Ва-

шурина 2011: 7). Хорошо известно, что, помимо очевидных преимуществ политкорректности, у этого социально-культурного и лингвистического феномена есть и негативная сторона. Навязчивый страх никого не обидеть приводит к понятийным и лингвистическим деформациям. В свое время это прекрасно передала Татьяна Толстая в эссе «Политическая корректность» (Толстая, Толстая 2006: 238–264), где описывает отказ американского журнала процитировать принадлежащие Пушкину строки *Потомок негров безобразный*, поскольку «умение прозревать в языке следы угнетения со стороны эксплуататоров достигло в академических кругах Америки виртуозности» (там же: 248). Т. Толстая остроумно пишет о том, что классические произведения, созданные до «новой этики», не проходят тест на политкорректность: строки В. Маяковского *Коммунизм — это молодость мира, и его возводит молодым* не что иное, как эйджизм в чистом виде. Даже фамилии у наших классиков «неполиткорректные», а потому Лев Толстой должен именоваться Лев Полновесный. На эту же тему — самоцензуры во всех сферах коммуникации под влиянием идей политкорректности — шутил М. Веллер: кошку запретили называть кошкой, а назвали специальным четвероногим мышеловом (М. Веллер «Похоже, Запад нас переживет» // Собеседник. 2023. № 4. С. 13).

В последние годы стало очевидно, что возникшая как проявление вежливого участия политкорректность нередко превращается в «диктат меньшинства / меньшинств» (особенно наглядно это в сфере номинаций секс-меньшинств; ср.: запреты на наименование «традиционная ориентация» и рекомендацию политкорректного «гетеросексуальная ориентация» (Бобылева 2021).

В научной литературе появились термины «гиперкорректность» и «гипертрофия политкорректности» (Шляхтина 2009: 4–5). Навязчивый характер политкорректности не мог не вызвать дрейфа в противоположную сторону (Кузнецова 2017: 7); ср. ироничное отношение к формулировкам типа *альтернативно одаренный* и под. Ср. также возможность иронии по поводу возраста:

...после скоропостижной кончины в самом расцвете лет Елизаветы II в начале прошлого сентября (И. Титов «Супер-стар» // Завтра. 2023. № 18. С. 2).

И все-таки за несколько десятилетий активного внедрения идей политкорректности на русской почве сложились вполне твердые правила, касающиеся трех главных дискриминаций — по возрасту, полу и расовой (национальной) принадлежности. Дискриминация по возрасту с 60-гг. XX в. именуется эйджизмом (Butler 1969; Nelson 2011; Doron 2018). Чаще всего дискриминируются люди старшего возраста, а не молодые, но для

большей точности говорится о геронтологическом эйджизме. Суть его в восприятии всех представителей старшего возраста как немощных, не способных самостоятельно принимать правильные решения, страдающих когнитивными нарушениями. Эйджизм, как пишет Л. В. Колпина, бывает непреднамеренным, поскольку негативные геронтостереотипы опираются на социокультурную основу (Колпина 2019). Эйджизм имеет многие проекции: социальные (дискриминация людей в возрасте при приеме на работу), медицинские (проблемы медицинского обслуживания людей старшего возраста), этические и лингвистические. Мы остановимся только на последних, то есть на случаях, когда дискриминация проявляется на вербальном уровне в форме нарушения этико-лингвистических норм.

Слова *старик* и *старуха* с точки зрения политкорректности не соответствуют этико-лингвистическим нормам и могут быть приемлемыми только в ограниченной группе контекстов. Недаром общественную дискуссию вызвала формулировка в российских пенсионных удостоверениях — пенсия по старости. Ее совершенно справедливо предлагалось заменить на более нейтральное — пенсия по возрасту (Савватеева 2008). Вместо слов *старик* и *старуха* рекомендуются словосочетания *пожилой человек*, *пожилые люди*, *люди преклонного возраста*, *люди возраста дожития* (хотя слово «дожитие» тоже представляется сомнительным) (Сычев 2019). Ср.: «Еще есть ужасный термин “возраст дожития”, который взялся из правительственных нормативных документов. Он звучит ужасно: как будто люди не живут, а безрадостно доживают. Так говорить нельзя никому» (Дроздова 2022: 10). В работе (Сычев 2019) упоминается политкорректное наименование *геронты*, однако в исследованных медийных источниках оно ни разу не встретилось.

Конечно, есть отдельные контексты мелиоративности у слова *старик* (*мхатовские старики*, но ни в коем случае не *старухи*), а также случаи обращений, когда слово *старик* «полностью лишено семантики возраста и неравноправия коммуникантов: так обращаются друг к другу молодые люди, связанные крепкой дружбой, в сложных, экстремальных или радостных ситуациях» (Фуфаева 2020: 113). В иных случаях эта номинация, конечно, имеет все признаки эйджизма (причем женский коррелят проявляет эти признаки интенсивнее).

Медийная практика в большинстве случаев строго следует традициям антиэйджизма. Так, поздравляя писательницу В. Токареву с юбилеем (85 лет), «Литературная газета» пишет о *красивой дате* и не упоминает точную цифру, а актера Леонида Броневского в не самой политкорректной «Экспресс-газете» именуют *самый взрослый актер Театра на Малой Дмитровке* (актеру на тот момент было 89 лет). Очень чуткими к проявле-

ниям эйджизма оказались рекламисты: отсюда выражения типа *крем для зрелой кожи* и под.

В условиях преобладания таких традиций даже намек на пожилой возраст может восприниматься как оскорбление. Показательна в этом отношении реакция Эльдара Рязанова, которому корреспондент накануне его 80-летнего юбилея задала такой вопрос: *Значит, у вас **еще** есть замыслы?* Рязанов сказал, что вопрос оскорбителен и по сути означает ‘вам в гроб пора, дорогой’. Возможно, эйджизм проявился непреднамеренно: не было учтено, что частица «еще» в общей грамматике характеризует действие или состояние относительно определенного предела времени, а в контексте может формировать семантику нежелательного предполагаемого действия или модальности сомнения.

Как видно из приведенного примера, даже служебное слово, лишенное полноценного лексического значения, способно формировать неполиткорректное высказывание, и учет этого может сделать коммуникацию бесконфликтной и более комфортной. Вл. Новиков в своем «Словаре модных слов» написал: «...я и к политкорректности отношусь, в общем, толерантно и большой беды в ней не вижу. Агрессии в мире предостаточно, и для ее сдерживания все средства хороши» (Новиков 2016: 265). А что касается эйджизма, то этот вид дискриминации угрожает буквально всем. Чтобы подвергнуться расовой или гендерной дискриминации, нужно родиться представителем определенной расы (национальности) или женщиной; эйджизм же касается всех (если повезет дожить).

Однако с изменением внешнеполитических обстоятельств (вынужденная изоляция РФ после начала СВО, западные санкции, настоящая информационная война, развязанная против нас странами НАТО) существенно изменилась и риторика наших медиа, в том числе и в отношении рассматриваемой категории.

Действующий президент США Джо Байден, большинство высших чиновников Евросоюза — люди весьма преклонного возраста. Байден — самый возрастной президент за всю историю США (причем в свои 80 лет он выдвинул свою кандидатуру еще и на второй срок). В медиа стали обычными не только прямые указания на его возраст, но и прямые оскорбления эйджистского толка:

*Байден хвалил себя, в том числе за то, как внимательно он относится к своему окружению. ...новостные ленты электронных СМИ русскоязычного интернета радостно растиражировали. **Старый маразматик выдал очередную глупость** (О. Шаповалов «Трудности перевода» // Собеседник. 2023. № 5. С. 3); Уже тогда некоторые утверждали, что по пути **вашингтонская седина** зарулит и в Киев для выражения своей под-*

держки (И. Титов «Китай подкрался незаметно» // Завтра. 2023. № 8. С. 2) — речь идет о Байдене; *Дед с идиотской улыбкой* (Телепередача канала «Россия» «Вечер с Владимиром Соловьевым» от 21 июня 2023 г.). Заметим, что в передаче Соловьева это одно из самых мягких именовании Байдена, бывают куда более жесткие и прямо непечатные.

Конечно, облик и поведение американского президента дают известные основания для иронии и даже сарказма: во время выступления в штате Северная Каролина он повернулся спиной к сцене и протянул руку для рукопожатия, несмотря на то что рядом никого не было, потом с растерянным видом долго искал выход со сцены; он делал многочисленные оговорки — допустил оговорку, перепутав своих предшественников Барака Обаму и Дональда Трампа, путал Сирию с Ливией и даже Украину с Россией (!).

Надо сказать, что Байден, в том числе из-за отмеченных просчетов, подвергается постоянному троллингу со стороны своих политических оппонентов. Так, в Сети стало популярным видео, где Дональд Трамп изображает Байдена, который здоровается с пустотой и при этом нетвердо держится на ногах. И это видео транслировали наши федеральные каналы (например, в той же программе В. Соловьева).

Вообще эта ситуация показывает некоторое противоречие между политкорректным антиэйджизмом и правом граждан быть уверенными в адекватности возрастного лидера. Недаром в США постоянно иницируются требования обязать политиков старше 75 лет проходить тест на когнитивное соответствие. Но известно, что официальный медик Белого дома Кевин О'Коннор утверждает: Джо Байден, несмотря на неизбежные возрастные изменения, способен успешно выполнять служебные обязанности. И вряд ли О'Коннор станет рисковать профессиональным статусом (тем более что альтернативные диагнозы все равно бы просочились в медиа).

Дональд Трамп, который всего на несколько лет моложе своего главного оппонента, гораздо реже подвергается в российской прессе дискриминации по возрасту, однако ср.:

*Мало кому пришла в голову нехитрая мысль, что подобным людям любое внимание идет в плюс и что именно проклятие памяти было лучшим способом не доставать **политический труп Трампа** из могилы забвения, куда тот был закопан совместными усилиями массмедиа, цензуры в соцсетях и бюрократического аппарата* (И. Титов «Драма Трампа» // Завтра. 2023. № 23. С. 2).

Эйджизм при упоминании западных политиков характерен и в отношении женской части политического истеблишмента, ср.:

*И если прошлым летом американцы сеяли хаос при помощи улыбки **дряхлой конгрессвумен** Нэнси Пелосси в Тайбэе, то лето нынешнее — это*

подготовка к настоящей разборке в Маниле (А. Латов «Манилу поманили» // Завтра. 2023. № 23. С. 2); ...никто из топ-чиновников его администрации, включая порой не вполне вменяемую вице-президентшу Харрис, не представляют собой самостоятельную силу (К. Зайцев «Гаражгейт» // Завтра. 2023. № 2. С. 2).

Характерно, что нарушение этико-лингвистических норм, именуемых эйджизмом, соседствует с использованием наименований, которые традиционно относят к расистским:

Состав этого ополчения лишний раз доказывает, что этнический характер дарфурского конфликта второстепенен: часто на спине верблюда можно было увидеть замотанного в тряпки негра, и столь же часто на лошади в очередное сепаратистски настроенное село приезжал вооруженный араб (И. Титов «Афромайдан» // Завтра. 2023. № 16. С. 2). Конечно, такой выбор номинации продиктован, во-первых, общей иронической интонацией, а во-вторых, необходимостью противопоставления негр — араб. Но в любом случае запрет, который сформулирован даже на уровне официальных документов (например, в инструкциях МИДа для туристов, где предписано не использовать слова негр, ниггер и их производные), оказывается нарушенным. Впрочем, Илья Титов, один из лучших авторов прохановской газеты «Завтра», скорее всего, ориентировался на времена СССР, когда в нашей стране под словом негр никто не имел в виду ничего оскорбительного.

4. Заключение

Подмеченная тенденция представляется контрпродуктивной. Несмотря на известные психологические основания (реакция на тотальную ложь западной пропаганды и натовских политиков, санкционное давление и т. д.), в качественных медиа должны быть контраргументы, опровержения доводов оппонентов по существу дела, а не оскорбления по возрастному признаку. «Возраст как таковой не маркер опыта, образа жизни или физического самочувствия» (Дроздова 2022: 10). История знает возрастных политиков, сыгравших самую благотворную роль в развитии отношений между странами, и молодых лидеров, приведших страну к катастрофе (В. Зеленский), так что сам по себе почтенный или, напротив, молодой возраст — это не хорошо и не плохо. А потому эйджизм в политической полемике не добавляет очков никому. При всей зыбкости и неоднозначности политкорректность имеет благородный посыл — не обидеть, не оскорбить словом, и от этого современной публицистике отказываться ни в коем случае не следует.

Список литературы / References

- Бобылева М.* Мы так говорим. М.: АСТ. 2021. [Bobileva, Maria. (2021) *My tak govorim* (We Speak in This Way). Moscow: AST. (In Russian)].
- Брусенская Л. А., Котаева А. Р.* Ценностный конфликт и проблема иноязычных заимствований в русском языке XXI века // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 24–38 [Brusenskaya, Lyudmila A., & Kotaeva, Alena R. (2022) Tsennostnyi konflikt i problema inoyazychnykh zaimstvovaniy v russkom yazyke XXI veka (Value Conflict and the Problem of Foreign Language Borrowings in the Russian Language of the XXI century). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 24–38. (In Russian)].
- Вашиурин Е. А.* Политкорректность как коммуникативная категория современного английского языка (на материале художественных и публицистических текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2011. [Vashurina, Ekaterina A. (2011) *Politkorrektnost' kak kommunikativnaya kategoriya sovremennogo angliiskogo yazyka (na materiale khudozhestvennykh i publitsisticheskikh tekstov)* (Political Correctness as a Communicative Category of the Modern English Language (based on the Material of Artistic and Publicistic Texts). Extended Abstract of PhD Thesis in Philology. Samara. (In Russian)].
- Дроздова Т.* Эйджизм в коммуникации: медиа, тексты, повседневное общение // Социодиггер. 2022. Май – июнь. Т. 3. Вып. 5–6 (18). С. 7–11. [Drozdova, Tatyana. (2022) Ehidzhizm v kommunikatsii: media, teksty, povsednevnoe obshchenie (Ageism in Communication: Media, Texts, and Daily Communication). *SocioDigger*, May – June, Vol. 3, 5–6 (18), 7–11. (In Russian)].
- Заврумов З. А.* Языковая ситуация в аспекте реализации языковой политики на Северном Кавказе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 4. С. 31–39. [Zavrumov, Zaur A. (2019) Yazykovaya situatsiya v aspekte realizatsii yazykovoi politiki na Severnom Kavkaze (The Language Situation in the Aspect of the Implementation of Language Policy in the North Caucasus). *LUNN Bulletin*, 4, 31–39. (In Russian)].
- Карпукхина Т. П., Кузнецова Н. В.* Феномен политкорректности в современном политическом дискурсе: начало конца новой либеральной идеологии? Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. [Karpukhina, Tamara P., & Kuznetsova, Natalya V. (2018) *Fenomen politikorrektnosti v sovremennom politicheskom diskurse: nachalo kontsa novoi liberal'noi ideologii?* (The Phenomenon of Political Correctness in Modern Political Discourse: the Beginning of the End of a New Liberal Ideology?). Khabarovsk: Izd-vo Tikhookean. gos. un-ta. (In Russian)].
- Колесова К. В.* О профессиональном словаре специализированного языка робототехники (на материале английского языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 4. С. 40–45. [Kolesova, Kira V. (2019) O professional'nom slovare spetsializirovannogo yazyka robototekhniki (na materiale angliiskogo yazyka) (About the Professional Dictionary of the Specialized Language of Robotics (Based on the Material of the English Language). *LUNN Bulletin*, 4, 40–45. (In Russian)].
- Колпина Л. В.* Геронтологический эйджизм в практиках медицинского и социального обслуживания населения // Социологические исследования. 2015. № 5 (373). С. 72–77. [Kolpina, Lola V. (2015) Gerontologicheskii ehidzhizm v praktikakh meditsinskogo i sotsi-

- al'nogo obsluzhivaniya naseleniya (Gerontological Ageism in the Practices of Medical and Social Services of the Population). *Sociological Studies*, 5 (373), 72–77. (In Russian)].
- Колпина Л. В. Эйджизм и его последствия // Профессия: теория и практика. 2019. № 5. С. 37–39. [Kolpina, Lola V. (2019) Ehidzhizm i ego posledstviya (Ageism and Its Consequences). *Profession: Theory and Practice*, 5, 37–39. (In Russian)].
- Кузнецова Н. В. Феномен политической корректности в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2017. [Kuznetsova, Natalya V. (2017) *Fenomen politicheskoi korrektnosti v sovremennom politicheskom diskurse* (The Phenomenon of Political Correctness in Modern Political Discourse). Extended Abstract of PhD Thesis in Philology. Ulan-Ude. (In Russian)].
- Майба В. В. Политическая корректность как лингвоидеологическое явление и ее рецепция в русской лингвокультуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2013. [Maiba, Vita V. (2013) *Politicheskaya korrektnost' kak lingvoideologicheskoe yavlenie i ee retseptsiya v russkoi lingvokul'ture* (Political Correctness as a Linguoideological Phenomenon and Its Perception in Russian Linguoculture). Extended Abstract of PhD Thesis in Philology. Rostov-on-Don. (In Russian)].
- Новиков Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М.: Словари XXI века, 2016. [Novikov, Vladimir. (2016) *Slovar' modnykh slov. Yazykovaya kartina sovremennosti* (A Dictionary of Fashionable Words. The Linguistic Picture of Modernity). Moscow: Slovarei XXI veka. (In Russian)].
- Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. [Panin, Vitaly V. (2004) *Politicheskaya korrektnost' kak kul'turno-povedencheskaya i yazykovaya kategoriya* (Political Correctness as a Cultural, Behavioural, and Linguistic Category). PhD Thesis in Philology. Tyumen. (In Russian)].
- Савватеева Л. В. Идеи политкорректности и их воплощение в современном лингвориторическом пространстве (на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. [Savvateeva, Lyubov' V. (2008) *Sovremennye idei politkorrektnosti i ikh voploshchenie v lingv ritoricheskom prostranstve (na materiale russkogo yazyka)* (Ideas of Political Correctness and Their Implementation in the Modern Linguorhetorical Space (a Case Study of the Russian language)). PhD Thesis in Philology. Rostov-on-Don. (In Russian)].
- Ступина Е. С. Риторические коды политического дискурса: реализация стратегического потенциала акротезы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 2 (54). С. 77–88. [Stupina, E.katerina S. (2021) *Ritoricheskie kody politicheskogo diskursa: realizatsiya strategicheskogo potentsiala akrotezy* (Rhetorical Codes of Political Discourse: Realization of the Strategic Potential of Acrothesis). *LUNN Bulletin*, 2 (54), 77–88. (In Russian)].
- Сычев А. А., Жадунова Н. В., Коваль Е. А. Эйджизм как проявление риторики ненависти // Сахаровские чтения 2019 года: экологические проблемы XXI века. Материалы XIX Международной научной конференции. В трех частях. Ч. 1. / Под общ. ред. С. А. Маскевича, С. С. Позняка. Минск: ИВЦ Минфина, 2019. С. 52–55. [Sychev, Andrey A., Zhadunova, Natalya V., & Koval', Ekaterina A. (2019) Ehidzhizm kak proyavlenie ritoriki nenavisti (Ageism as a Manifestation of Hate Rhetoric). In Maskevich, Sergey S., & Poznyak, Sergey S. (eds.) *Sakharovskie chteniya 2019 goda: ekologicheskie problemy XXI veka. Materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. V trekh chastyakh. Chast' 1.* (2019 Sakharov Readings: Ecological Issues of XXI Century. Proceedings of the XIX International Scientific Conference. In three parts. Part 1). Minsk: IBC Minfina, 52–55. (In Russian)].

- Сяо Д., Юань Л. Лингвистические маркеры дихотомии «молодость vs. старость» в новостном дискурсе // *Litera*. 2022. № 2. С. 62–70. [Xiao, Dongxia, & Yuan, Lin. (2022) Lingvisticheskie markery dikhotomii «molodost' vs. starost'» v novostnom diskurse (Linguistic Markers of the Dichotomy “youth vs. old age” in the News Discourse). *Litera*, 2, 62–70. (In Russian)].
- Толстая Н.Н., Толстая Т.Н. Двое: Разное. М.: Подкова, 2006. [Tolstaya, Natalya N., & Tolstaya, Tatyana N. (2006) *Dvoe: Raznoe* (Two: Others). Moscow: Podkova. (In Russian)].
- Фуфаева И. В. История появления в русском языке дружеских обращений «старина» и «старик» // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11. № 4. С. 108–117. [Fufaeva, Irina V. (2020) Istoriya poavleniya v russkom yazyke druzheskikh obrashchenii “starina” i “starik” (History of the Words *Starina* and *Starik* as Terms of Friendship in Russian). *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, 4, 108–117. (In Russian)].
- Шляхтина Е. В. Языковой аспект политкорректности в английской и русской языковых культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009. [Shlyakhtina, Elena V. (2009) *Yazykovoï aspekt politkorrektnosti v angliiskoi i russkoi yazykovykh kul'turakh* (A Linguistic Aspect of Political Correctness in English and Russian Linguocultures). Extended Abstract of PhD Thesis in Philology. Yaroslavl. (In Russian)].
- Butler, Robert N. (1969) Age-Ism: Another Form of Bigotry. *Gerontologist*, 9, 243–246.
- Doron, Israel. (2018) Ageism and Anti-Ageism in the Legal System: A Review of Key Themes / Ann, Numhauser-Henning, Benny, Spanier, Nena, Georgantzi, & Eugenio Mantovani. In Ayalon Liat, & Tesch-Römer, Clemens. (Eds.) *Contemporary Perspectives on Ageism. International Perspectives on Aging*, vol. 19. Cham: Springer, 303–319.
- Nelson, Todd D. (2011) Ageism: The Strange Case of Prejudice Against the Older You. In Wiener, Richard L., & Will-born, Steven L. (eds.) *Disability and Aging Discrimination*. New York: Springer-Verlag, 37–47.

Источники языкового материала / Language material resources

- Веллер М. Похоже, Запад нас переживет // *Собеседник*. 2023. № 4. С. 13. [Veller, Mikhail. (2023) Pokhozhe, Zapad nas perezhivet (It Looks Like the West Will Outlive Us). *Sobesednik*, 2023, 4, 13. (In Russian)].
- Вечер с Владимиром Соловьевым // Телеканал «Россия», 21 июня 2023 г. [Vecher s Vladimirom Solov'evym (2023) (An Evening with Vladimir Solovyov). *Telekanal “Rossiya”*, June 21. (In Russian)].
- Зайцев К. Гараж-гейт // *Завтра*. 2023. № 2. С. 2. [Zaitsev, Kirill. (2023) Garazh-geit (Garage-gate). *Zavtra*, 2, 2. (In Russian)].
- Латов А. Манилу поманили // *Завтра*. 2023. № 23. С. 2. [Latov, Arseny. (2023) Manilu pomanili (Manila Beckoned). *Zavtra*, 23, 2. (In Russian)].
- Титов И. Китай подкрался незаметно // *Завтра*. 2023 № 8. С. 2. [Titov, Ilya. (2023) Kitai podkral-sya nezametno (China Has Crept up Unnoticed). *Zavtra*, 8, 2. (In Russian)].
- Титов И. Афромайдан // *Завтра*. 2023. № 16. С. 2. [Titov, Ilya. (2023) Afromaidan (Afromaidan). *Zavtra*, 16, 2. (In Russian)].
- Титов И. Супер-стар // *Завтра*. 2023. № 18. С. 2. [Titov, Ilya. (2023) Super-star (Super-old). *Zavtra*, 18, 2. (In Russian)].
- Титов И. Драма Трампа // *Завтра*. 2023. № 23. С. 2. [Titov, Ilya. (2023) Drama Trampa (Trump's Drama). *Zavtra*, 23, 2. (In Russian)].
- Шановалов О. Трудности перевода // *Собеседник*. 2023. № 5. С. 3. [Shapovalov, Oleg. (2023) Trudnosti perevoda (Difficulties in Translation). *Sobesednik*, 5, 3. (In Russian)].

УДК 81'42

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-93-104

РЕКЛАМНЫЙ РОЛИК К ФИЛЬМУ КАК КОМПОНЕНТ КИНОДИСКУРСА

О. Д. Прасолова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье рассматриваются особенности рекламного ролика к кинофильму (трейлера) как компонента кинодискурса. Целью исследования является описание жанрообразующих параметров трейлера и определение его места в структуре кинодискурса. В основу описания свойств трейлера положена модель речевого жанра. При анализе материала используется описательный метод, а также методы лингвопрагматического анализа и мультимодального дискурс-анализа. Теоретический вклад работы в область изучения кинодискурса заключается в многосторонней характеристике жанровой специфики трейлера с точки зрения его композиционной структуры, прагматических свойств и особенностей его лингвистической составляющей, рассматриваемой во взаимодействии с невербальными компонентами семиотически неоднородного текста. Трейлер характеризуется как компонент, занимающий периферийное положение в структуре кинодискурса и представляющий собой сложноорганизованный семиотически неоднородный текст. Жанровыми характеристиками трейлера являются его коммуникативная цель, состоящая в побуждении реципиента к просмотру рекламируемого кинофильма, обезличенность образа автора и реципиента, а также особенности языкового выражения, характеризующегося низким уровнем формальной связанности текста и зависимостью вербальной составляющей от невербального контекста.

Ключевые слова: трейлер; кинодискурс; мультимодальность; мультимодальный дискурс-анализ; жанр.

Цитирование: Прасолова О. Д. Рекламный ролик к фильму как компонент кинодискурса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 3 (63). С. 93–104.

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-93-104.

Film Trailers as a Component of Film Discourse

Olga D. Prasolova

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article focuses on properties of film trailers seen as an important component of film discourse. The objective of the study is to describe the generic parameters of the film trailer, using the method of multimodal discourse analysis, and to define its place within the structure of film discourse, with the model of speech genre serving as the basis for such description. The author analyzes the genre-specific characteristics of the film trailer, including its compo-

sitional structure, pragmatic capabilities, and features of its linguistic expression as seen within the interplay of heterogeneous semiotic resources. The film trailer is characterized as a complex polysemiotic text. Its generic properties include the communicative goal (which is to advertise the film to the viewer) and the depersonalized images of the author and the receiver. The language expression of the trailer is characterized by its lack of formal cohesion and reliance on the non-verbal context.

Key words: film trailer; film discourse; multimodality; multimodal discourse analysis; genre.

Citation: Prasolova, Olga D. (2023) Film Trailers as a Component of Film Discourse. *LUNN Bulletin*, 3 (63), 93–104. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-93-104.

1. Введение

Кинематограф является неотъемлемой составляющей массовой культуры и частью повседневной жизни современного человека. В свете этого неудивительным является тот факт, что кинофильмы и другие аудиовизуальные тексты становятся объектами изучения различных дисциплин, включая лингвистику. Об активном научном интересе к данной проблематике свидетельствует обилие публикаций, посвященных аудиовизуальным текстам (Малёнова 2019, 2021; Зыкова 2020; Zago 2021; Прасолова, Павлина 2022 и др.). В настоящее время исследователи нередко обращаются к термину «кинодискурс». Это свидетельствует не только о возросшем внимании к кинофильму как объекту лингвистического изучения, но и о включении в сферу рассмотрения факторов, выходящих за пределы текста фильма. Одним из направлений развития данного подхода является изучение текстов, обычно рассматриваемых как вторичные по отношению к кинофильму: кинозаголовка, синопсиса, кинослогана, рекламного плаката и ролика, которые опосредуют знакомство зрителя с фильмом. Среди перечисленных текстов особый интерес представляет рекламный ролик, или трейлер, который, как и кинофильм, является поликодовым текстом, соединяющим в себе разнородные семиотические средства. Трейлер представляет собой важную часть рекламной кампании, сопровождающей премьеру фильма, и, следовательно, является одним из факторов его успешности в прокате. За последние два десятилетия трейлер к кинофильму неоднократно становился объектом исследований, однако большая их часть была сосредоточена преимущественно на рекламном характере трейлера (Jensen 2014: 105). В целом рекламный ролик к кинофильму является значительно менее изученным феноменом, чем сам кинофильм.

Целью настоящей статьи является определение жанровых свойств трейлера и его места в структуре кинодискурса. Актуальность исследования обусловлена значимостью рекламного ролика для продвижения кинофильмов, а также недостаточной изученностью данной темы.

Для раскрытия значения термина «кинодискурс» необходимо обратиться к понятию дискурса вообще. Данный термин начинает активно ис-

пользоваться в литературе со второй половины XX в. Это связано с общим изменением направления лингвистических исследований и формированием представления о невозможности полноценного изучения языка в отрыве от реальных ситуаций его использования. Несмотря на длительную историю изучения различных дискурсивных практик, до сих пор не существует общепринятого определения дискурса. В русскоязычной литературе получило распространение определение Н. Д. Арутюновой, в котором дискурс характеризуется как связный текст, взятый «в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», функционирующий как социальное действие, или как «речь, погруженная в жизнь» (Арутюнова 1990: 136–137). В. Е. Чернявская выделяет два определения дискурса: первое характеризует его как текст, рассматриваемый вместе с его «вокругтекстовым фоном» (*дискурс 1*), согласно второму, дискурс представляет собой совокупность текстов, объединенных тематически (*дискурс 2*) (Чернявская 2009: 143–144).

Существующие определения кинодискурса следуют описанным выше подходам: так, А. Н. Зарецкая предлагает понимать под кинодискурсом связный текст, который представляет собой вербальную составляющую кинофильма, рассматриваемый в совокупности с его аудиовизуальным сопровождением и прочими релевантными экстралингвистическими факторами, а также настаивает на необходимости учета вертикального контекста, включающего картины того же режиссера или жанра, различные версии сценария, рецензии критиков и т. д. (Зарецкая 2010: 7). Значимость экстралингвистических факторов подчеркивает М. А. Самкова, называя среди них использование невербальных средств общения, локально-темпоральную отнесенность кинофильма, фоновые знания адресата, а кроме того, факты широкого контекста, включающие особенности идеологической и культурной среды коммуникации; помимо этого, исследовательница включает в понятие кинодискурса смысл, который был заложен при создании фильма, и его интерпретацию получателем (Самкова 2011: 136–137). Согласно М. А. Самковой, кинодискурс может быть также рассмотрен как общность текстов, выделенная на основании какого-либо параметра (там же), что соответствует определению *дискурса 2* в терминологии В. Е. Чернявской. Отдельного внимания заслуживает концепция Т. В. Духовной, в которой кинодискурс рассматривается как иерархически организованная структура, в качестве центрального компонента включающая кинотекст, рассматриваемый как совокупность лингвистической системы фильма и экстралингвистических факторов (Духовная 2015: 66); вслед за А. Н. Зарецкой автор признает значимость вертикального контекста кинодискурса, образуемого прецедентными текстами (там же: 64).

Соотношение рекламного ролика и других рекламных текстов с кинодискурсом и его структурными элементами, в особенности кинотекстом, нуждается в уточнении. В работе, посвященной функциональной роли и особенностям кинозаголовка, синопсиса и кинослогана, В. Е. Анисимов относит их к «малым формам кинотекста» (Анисимов 2020). Однако, придерживаясь определения кинотекста Г. Г. Слышкина и М. А. Ефремовой, согласно которому тот представляет собой «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и / или индексальных) знаков <...>», мы не можем включить данные текстовые образования в структуру кинотекста, так как в противном случае был бы нарушен критерий целостности, состоящий в наличии у текста четко обозначенных пространственных и временных рамок (Слышкин, Ефремова 2004: 36–37). Так как кинозаголовок, кинослоган, синопсис, рекламный ролик и кинопостер тематически связаны с содержанием кинофильма и являются средствами его репрезентации в информационном пространстве, представляется обоснованным их включение в структуру расширенной модели кинодискурса в качестве периферийных по отношению к кинотексту элементов (см. Рис. 1).

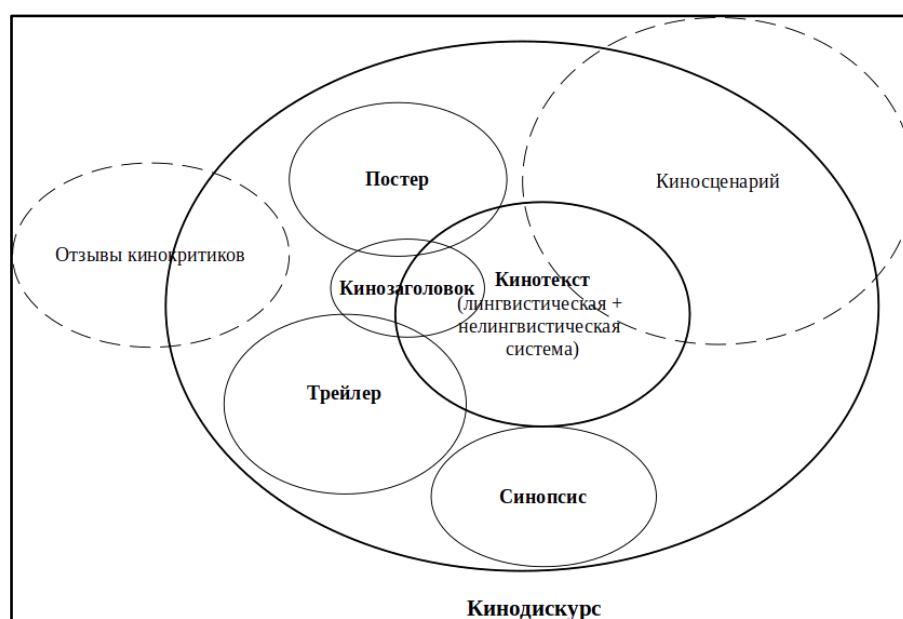

Рис. 1. Структурные составляющие кинодискурса

Как правило, трейлер рассматривается как отдельный дискурсивный жанр, обладающий собственной спецификой. Он представляет собой линейный, мультимодальный текст, в создании которого задействованы семиотически неоднородные средства, включающие устную и письменную речь, визуальные образы, звуки и музыку (Wildfeuer, Pollaroli 2017: 191).

Это сближает рекламный ролик с кинотекстом, определение которого было приведено выше. Характерными чертами трейлера являются ограниченная временная продолжительность, составляющая в среднем не более двух минут, и персуазивная направленность, что делает его похожим на жанр телевизионного рекламного объявления (Jensen 2014: 113–114). Для трейлера характерны высокая семантическая плотность, быстрый монтаж, резкая смена локаций, времени повествования и персонажей (Wildfeuer, Pollaroli 2017: 191). Информация, представленная в трейлере, может существовать диегетически и недиегетически. К диегетическому контексту относятся образы, события фильма и звуки, принадлежащие миру киноповествования; недиегетический контекст включает информацию о фильме, в том числе о его создателях, кинокомпании, актерском составе и т. д. — иными словами, все, что не является частью происходящего на экране (Maier 2009: 161). Таким образом, в рекламном ролике содержатся сведения как о киноповествовании, так и о фильме как продукте, потребителем которого является зритель.

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве материала исследования послужил трейлер к современному российскому кинофильму «Левиафан» (2014 г., реж. А. Звягинцев). Фильм рассказывает историю противостояния автослесаря Николая, живущего с семьей в небольшом приморском городке, и коррумпированного мэра, желающего отобрать у главного героя земельный участок, на котором расположен дом Николая, чтобы использовать землю для строительства некоего объекта. Двухминутный ролик, в общих чертах передающий сюжетную канву фильма, представляет собой семиотически осложненный аудиовизуальный текст, содержащий вербальные и невербальные компоненты. Вербальная составляющая трейлера представлена диегетическими репликами героев и недиегетическим текстом титров, в то время как его невербальные компоненты включают в себя визуальные образы героев и окружающей их обстановки, фоновые шумы (диегетический контекст), графические изображения — эмблемы и логотипы компаний, демонстрируемые вместе с титрами, а также музыкальное сопровождение ролика (недиегетический контекст). На примере исследуемого текста были рассмотрены основные свойства трейлера как жанра кинодискурса. В ходе исследования использовался описательный метод, метод лингвопрагматического анализа, а также метод мультимодального дискурс-анализа. Аннотирование материала было произведено с помощью программы *ELAN* (версия 6.4), позволяющей описывать единицы каждого из семиотических кодов с привязкой ко времени.

В качестве модели описания рекламного ролика к кинофильму как жанра кинодискурса в данной статье используется модель Т. В. Шмелевой, которая предполагает описание жанра как схемы, существующей в языковом сознании и обладающей рядом признаков, включая коммуникативную цель, характеристики адресанта и адресата сообщения, образ прошлого и будущего, событийное содержание и особенности языкового воплощения (Шмелева 1997). Данная модель получила широкое распространение в исследованиях, посвященных проблемам жанроведения, а в последние годы область ее применения была распространена на семиотически неоднородные материалы, такие как вебинар (Крылова 2022) и виртуальная экскурсия (Щипицина 2022).

3. Результаты исследования и их обсуждение

С точки зрения композиции рекламный ролик фильма «Левиафан» можно разделить на три части. Первые 20 секунд трейлера содержат короткие, не связанные друг с другом фрагменты визуальной составляющей фильма (плачущая женщина, волны, бьющиеся о берег, и т. д.) и титры, содержащие информацию о кинокомпании, источниках финансирования, продюсерах и наградах. Используются такие монтажные переходы, как затемнение и склейка встык, причем каждая смена кадра сопровождается звуком ударных инструментов, призванным привлечь внимание зрителя. Большая часть трейлера состоит из сменяющих друг друга фрагментов кинофильма, содержащих визуальные образы и звучащую речь персонажей, и титров, в которых приводятся фрагменты рецензий из российских и зарубежных изданий. Тематически связанные кадры соединены методом склейки встык, в остальных случаях используется затемнение. Целью данной части трейлера является раскрытие основных конфликтов киноповествования и формирование представления о содержании и общем эмоциональном тоне ленты. Последние 20 секунд рекламного ролика представляют собой быстро сменяющиеся друг друга кадры, смонтированные методом склейки встык, за которыми следует достаточно длинный фрагмент одной из финальных сцен фильма. Трейлер заключается титром, информирующим зрителя о скорой премьере картины. Такая композиция способствует удержанию внимания зрителя на протяжении всего рекламного ролика и появлению у него эмоционального отклика.

Коммуникативная цель трейлера состоит в том, чтобы убедить потенциального зрителя посмотреть фильм, вышедший на экраны. Применяя методы аристотелевской риторики в качестве инструмента анализа данного вида текста, Л. Кернан приходит к выводу, что основными методами убеждения являются апелляция к жанру фильма, его сюжету и актерскому

составу, причем чаще всего в одном трейлере используется более одного из перечисленных аргументов (Kernan 2004: 41–42). Успешность используемых в трейлере стратегий убеждения во многом зависит от способности реципиента интерпретировать полученное сообщение. Прагматическая задача трейлера — вызвать у зрителя интерес к просмотру рекламируемого фильма — обычно не эксплицируется в его тексте (Wildfeuer, Pollaroli 2017: 159) и выводится получателем из суммы значений сообщения. Аргументация рекламного ролика опирается на фоновые знания и компетенции воспринимающего его зрителя, в связи с чем значительная часть аргументов в пользу просмотра фильма принимают форму силлогизма без второй посылки: так, упоминание имени известного актера в трейлере может служить сигналом, свидетельствующим о качестве фильма, при условии наличия у аудитории представления о высоком мастерстве актера (Wildfeuer, Pollaroli 2017: 193).

Несмотря на то что упоминание актерского состава рассматривается как одна из наиболее распространенных стратегий рекламной кампании фильма, этот прием практически не задействован в исследуемом трейлере. Хотя актеры предстают в используемых в ролике фрагментах кинофильма, их имена не появляются в титрах.

Апелляция к сюжету основана на сочетании узнаваемых повествовательных элементов и уникальных сюжетных особенностей, присущих только данному кинофильму; трейлер обещает зрителю возможность пережить опыт героев фильма, не покидая пространства кинотеатра (Kernan 2004: 43). Для привлечения аудитории трейлер должен сообщать информацию о фильме и одновременно удерживать ее (Jensen 2014: 106). Это противоречие разрешается путем отбора фрагментов и сюжетных линий фильма, которые соответствуют его доминирующему эмоциональному тону, связанному с жанром (*ibid.*: 122). Данные тезисы можно проиллюстрировать на примере изучаемого рекламного ролика. Идея о том, что сюжет рекламируемого кинофильма может представлять интерес для зрителей, не выражена в трейлере эксплицитно, однако в нем обозначены основные конфликты повествования, одним из которых является противостояние Николая и мэра городка. Это достигается благодаря взаимодействию различных семиотических кодов, главным образом сочетанию звучащей речи и специально отобранных фрагментов визуальной составляющей кинотекста. Сущность конфликта раскрывается репликой судьи (*Постановлением администрации <...> принято решение об изъятии у Сергеева Николая Николаевича земельного участка...*), звучащей в отрывке из сцены суда. Развитию темы способствует последовательность кадров, которые сопровождаются звучащей речью персонажей и демонстрируют перерастание

конфликта в прямое столкновение. Кадр с едущим по дороге автомобилем сменяется изображением мэра, сидящего в салоне, в то время как за кадром звучит реплика мэра, произнесенная им в другой сцене (*Власть надо знать в лицо!*). Следующий кадр демонстрирует Николая, выходящего из дома и произносящего ответную реплику (*Чего тебе надо, власть?*), после чего на экране снова появляется мэр, обводящий руками участок Николая со словами *Вот это всё*.

Показанное в трейлере противостояние персонажей развивает тему конфликта «простого человека» и власти, являясь, таким образом, конкретным воплощением универсальной ситуации, знакомой зрителям по другим произведениям культуры. Рекламный ролик не дает ответа на вопрос, удастся ли главному герою отстоять свое имущество, побуждая зрителя обратиться к тексту кинофильма в поисках ответа.

Как было отмечено выше, жанр кинофильма связан с преобладающим в нем эмоциональным тоном. В то время как эксплицитные апелляции к актерскому составу и сюжету фильма отсутствуют в трейлере, в нем присутствуют прямые указания на жанровую принадлежность кинопродукта. Они содержатся в тексте титров, где приводятся цитаты из отзывов критиков: «ЭТА ТРАГИКОМЕДИЯ ОЗАРИЛА КАННСКИЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ», «УДИВИТЕЛЬНО КРАСИВЫЙ, ДУШЕРАЗДИРАЮЩЕ ТРАГИЧНЫЙ ФИЛЬМ», «ИЗУМИТЕЛЬНО МНОГОСЛОЙНАЯ ТРАГЕДИЯ БИБЛЕЙСКОГО МАСШТАБА». Словосочетания *многослойная трагедия*, *душераздирающе трагичный* дают оценку как содержанию, так и эмоциональному тону фильма.

Общее настроение трейлера подчеркивается его музыкальным сопровождением. Начальные титры сопровождаются звуками ударных инструментов, после чего начинает звучать тревожная музыка, усиливающаяся по мере нарастания эмоционального напряжения. Она достигает наибольшей силы, когда демонстрируется последовательность быстро сменяющихся друг друга кадров, где каждому новому кадру снова соответствует звук ударных. Таким образом, музыка передает эмоционально напряженный, драматический настрой фильма.

Дополнительным аргументом, убеждающим зрителя посмотреть рекламируемый фильм, служит цитирование положительных отзывов, приведенных выше, а также упоминание приза, полученного на престижном кинофестивале, о чем сообщает начальный титр с текстом *ПРИЗ КАННСКОГО ФЕСТИВАЛЯ 2014 ЗА ЛУЧШИЙ СЦЕНАРИЙ* и изображением пальмовой ветви. В основе данного аргумента лежит не выраженное эксплицитно, но подразумеваемое предположение о том, что мнение кри-

тиков и экспертов жюри фестиваля является авторитетным для получателя рекламного текста.

Как и кинотекст, рекламный ролик к фильму имеет коллективного автора: над его созданием работает большое количество людей, выполняющих различные задачи, от отбора материала, который будет включен в трейлер, до монтажа. Как отмечает Л. Кернан, в случае трейлера и образ автора, и образ адресата в значительной степени являются искусственными конструктами: создатели рекламного ролика конструируют свои представления о целевой аудитории на основании данных маркетинговых исследований, в то время как образ коллективного автора в сознании зрителей является результатом их собственных представлений о работе индустрии кинематографа (Kernan 2004: 38). Таким образом, для жанра рекламного ролика к кинофильму характерна коллективность автора, его «невидимость», а также размытость образа адресата.

Под образом прошлого и образом будущего понимаются жанры, предшествующие и следующие за данным конкретным жанром в речевой цепи (Шмелева 1997). Такое определение подходит для описания жанров устной коммуникации; в качестве образа прошлого и образа будущего трейлера следует рассматривать события: в первом случае таким событием является создание фильма, отснятый материал которого используется в рекламном ролике, во втором — просмотр фильма зрителем. Диктумным содержанием, то есть событийным контекстом, к которому привязан текст рекламного ролика, является сам кинофильм как событие и его выход на большие экраны.

Говоря о языковом воплощении жанра, необходимо отметить, что трейлер характеризуется высокой степенью взаимозависимости семиотически разнородных составляющих, что делает невозможным полноценный анализ его языковых особенностей без учета невербального компонента текста. На сугубо лингвистическом уровне наиболее яркой чертой жанра трейлера является фрагментированность его речевой составляющей, что формально проявляется в сравнительно небольшом количестве когезивных связей. Согласно работе М. Халлидея и Р. Хасан, говорить о когезии можно тогда, когда интерпретация одного элемента текста зависит от значения другого элемента в этом же тексте (Halliday, Hasan 2014: 4). В 28 высказываниях, произнесенных персонажами фильма на протяжении ролика, было выявлено только 7 когезивных связей, представленных референцией (...*принято решение об изъятии у Сергеева Николая Николаевича земельного участка с расположенными на нем зданиями и постройками...*), лексическим повтором (— *Власть надо знать в лицо!* — *Чего тебе надо, власть?*) и эллипсисом (— *Я люблю тебя.* — *Я знаю*) (см. Рис. 2).

Рис. 2. Пример мультимодального дискурс-анализа отрывка рекламного ролика с использованием программы ELAN 6.4

Несмотря на формальную фрагментированность, рекламный ролик обладает внутренней связностью, что во многом достигается за счет невербальных компонентов и средств монтажа. Так, тема противостояния Николая и мэра находит продолжение в отрывке, где мэр произносит реплику *Когда это у нас с вами было такое? Вошь придавили — вони на всю округу!* Несмотря на отсутствие формальной связи с предыдущими фразами, значение высказывания проясняется, когда при словах *вошь придавили* на экране появляется лицо главного героя, и зрителю становится понятно, что говорящий имеет в виду персонажа фильма, с которым он находится в конфликте.

Трейлер также содержит ряд клишированных высказываний: так, в одном из начальных титров название кинокомпании и имена продюсеров сопровождаются титром *ПРЕДСТАВЛЯЮТ*, что является типичным способом ввода информации о создателях в текст трейлера. Текст титра *СКОРО В КИНО*, которым завершается рекламный ролик, также представляет собой клише, типичное для данного жанра.

4. Заключение

На основе проведенного анализа можно заключить, что рекламный ролик как часть кинодискурса занимает полупериферийное положение в его структуре, будучи тематически связанным с его центральным элементом — кинотекстом — и используя его материал в целях репрезентации фильма в информационном пространстве. Для трейлера характерно активное взаимодействие различных семиотических кодов. Он включает устную и письменную речь, подвижные и статические изображения, музыкальное сопровождение и другие звуки, существующие в диегетическом и недиегетическом контекстах. Коммуникативной целью трейлера как жанра кинодискурса является побуждение зрителей к просмотру кинофильма, что достигается рядом стратегий, таких как апелляция к жанровой принадлежности фильма, его сюжетным линиям и к мнению сторонних авторитетов — авторов отзывов и статей о фильме. Жанр трейлера также характеризуется

большой дистанцией между коллективным автором и адресантом, размытостью отправителя и получателя. Событийно трейлеру предшествует создание фильма, материалы которого в нем используются; в качестве образа будущего выступает просмотр фильма зрителем. Сам кинофильм и его выход в кинотеатрах является диктумным содержанием жанра. Языковая составляющая рекламного ролика к кинофильму характеризуется фрагментированностью, низким числом когезивных связей и высокой степенью зависимости от невербального контекста и кинематографических приемов, которые обеспечивают внутреннюю связность текста.

Список литературы / References

- Анисимов В. Е.* Кинозаголовок, синопсис и слоган кинофильма как функционально-прагматические единицы кинотекста (на материале современного французского кинодискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 240–245. [Anisimov, Vladislav E. (2020) Kinozagolovok, sinopsis i slogan kinofilma kak funktsionalno-pragmaticheskiye yedinitsy kinoteksta (na materiale sovremennogo frantsuzskogo kinodiskursa) (Film Title, Synopsis and Tagline as Functional-Pragmatic Units of Film Text in Modern French Film Discourse). *Philology. Theory & Practice*, Vol. 13, 1, 240–245. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Arutyunova, Nina D. (1990) Diskurs (Discourse). In *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* (A Linguistic Encyclopaedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)].
- Духовная Т. В.* Структурные составляющие кинодискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. Вып. 1 (43). С. 64–66. [Duhovnaya, Tatyana V. (2015) Strukturnyye sostavlyayushchiye kinodiskursa (Structural Components of Film Discourse). *Philology. Theory & Practice*, 1 (43), 64–66. (In Russian)].
- Зарецкая А. Н.* Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. [Zaretskaya, Anna N. (2010) *Osobennosti realizatsii podteksta v kinodiskurse* (Subtext in Film Discourse). Extended Abstract of PhD Thesis in Philology. Chelyabinsk. (In Russian)].
- Зыкова И. В.* Методологические векторы изучения лингвистической креативности в кинодискурсе // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. Вып. 2. С. 23–36. [Zykova, Irina V. (2020) Metodologicheskiye vektory izucheniya lingvisticheskoy kreativnosti v kinodiskurse (Methodological Approaches to the Study of Linguistic Creativity in Film Discourse). *Ural Journal of Philology*, 2, 23–36. (In Russian)].
- Крылова М. Н.* Базовая модель и вариативность речевого жанра вебинара образовательной направленности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. Вып. 3. С. 196–207. [Krylova, Maria. N. (2022) Bazovaya model i variativnost rechevogo zhanra vebinara obrazovatelnoy napravlennosti (The Basic Model and Variability of Educational Webinar as a Speech Genre). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 196–207. (In Russian)].
- Малёнова Е. Д.* К определению понятия «аудиовизуальный перевод» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добро-

- любова. 2019. Вып. 48. С. 64–74. [Malenova, Evgeniya D. (2019) K formirovaniyu poniatiya «audiovizualniy perevod» (Defining Audiovisual Translation). *LUNN Bulletin*, 48, 64–74. (In Russian)].
- Малёнова Е. Д. Аудиовизуальный перевод в СССР и России: краткая историческая ретроспектива // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 3 (55). С. 61–83. [Malenova, Evgeniya D. (2021) Audiovizual'niy perevod v SSSR i Rossii: kratkaya istoriceskaia retrospektiva (Audiovisual Translation in the USSR and Russia: A Brief Historical Retrospective). *LUNN Bulletin*, 3 (55), 61–83. (In Russian)].
- Прасолова О. Д., Павлина С. Ю. Социокультурный фон кинотекста в ракурсе перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 1 (57). С. 78–92. [Prasolova, Olga D., & Pavlina, Svetlana Yu. (2022) Sotsiokulturnyy fon kinoteksta v rakurse perevoda (Socio-Cultural Dimension of Filmic Texts Viewed through the Lens of Translation). *LUNN Bulletin*, 1 (57), 78–92. (In Russian)].
- Самкова М. А. Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. Вып. 1 (8). С. 135–137. [Samkova, Maria A. (2011) Kinotekst i kinodiskurs: k probleme razgranicheniya ponyatii (Film Text and Film Discourse: to the Problem of Notions Differentiation). *Philology. Theory & Practice*, 1 (8), 135–137. (In Russian)].
- Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. [Slyshkin, Gennadiy G., & Efremova, Marina A. (2004) *Kinotekst (opyt lingvokulturologicheskogo analiza)* (Cinematic Text: Linguacultural Analysis). Moscow: Vodoley Publishers. (In Russian)].
- Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. [Chernyavskaya, Valeriya E. (2004) *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstualnost', interdiskursivnost'* (Text Linguistics: Polycode, Intertextuality, Interdiscourse): a Coursebook. Moscow: LIBROKOM. (In Russian)].
- Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. Вып. 2. С. 88–98. [Shmeleva, Tatyana V. (1997) Model' rechevogo zhanra (Model of Speech Genre). *Zhanry rechi*, 2, 88–98. (In Russian)].
- Щипицина Л. Ю. Жанровая характеристика виртуальной экскурсии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. Вып. 3. С. 234–248. [Shchiptitsina, Larisa Yu. (2022) Zhanrovaya harakteristika virtualnoy ekskursii (Genre Characteristics of Virtual Guided Tours). *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2022, 3, 234–248. (In Russian)].
- Halliday, Michael A. K., & Hasan, Ruqaiya. (2014) *Cohesion in English*. London: Longman.
- Jensen, Charlotte S. (2014) Reduced Narration, Intensified Emotion: The Film Trailer. *Projections*, 8 (1), 105–125.
- Kernan, Lisa. (2004) *Coming Attractions: Reading American Movie Trailers*. Austin: University of Texas Press.
- Maier, Carmen D. (2009) Visual Evaluation in Film Trailers. *Visual Communication*, 8 (2), 159–180.
- Wildfeuer, Janina, & Pollaroli, Chiara. (2017) Seeing the Untold: Multimodal Argumentation in Movie Trailers. *Multimodal Argumentation and Rhetoric in Media Genres*, 189–215.
- Zago, Raffaele. (2021) Film Discourse. In Friginal, Eric, & Hardy, Jack A. (eds.) *The Routledge Handbook of Corpus Approaches to Discourse Analysis*. London / New York: Routledge, 168–182.

УДК 81'16

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-105-115

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *HAPPINESS* В ЛЕКСЕМЕ *FAMILY* КАК ПОКАЗАТЕЛЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ МУЛЬТФИЛЬМАХ

Р. Н. Сиразетдинова

Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологии,
Стерлитамак, Республика Башкортостан, Россия

В теоретической части исследования рассмотрены понятия «концепт», «языковая картина мира», даны лексикографические определения понятиям *family* и *family values*, а также приведены рабочие толкования вышеуказанных определений. В практической части статьи представлены результаты исследования вербализации концепта *happiness* в лексеме *family* в монологических и диалогических высказываниях героев современных американских мультипликационных фильмов для выявления семейных ценностей данного социума. В результате было выявлено, что в семейные ценности американского общества входят такие показатели, как ценность бытия, ценность собственности, ценность желаний и необходимости, ценность единого целого, ценность одобрения и принятия, ценность симпатии и привязанности, ценность важности, ценность дружбы, ценность времяпровождения. Таким образом, на основе исследования был приведен статистический анализ примеров, содержащих вербализацию концепта *happiness* в лексеме *family*, где наибольшее количество единиц пришлось на ценность семьи как явления бытия; на ступень ниже расположились ценности семьи как явления собственности; далее следовали ценности семьи как объекта желаний, потери, тоски и необходимости; на единицу меньше примеров пришлось на ценность семьи как единого целого; одинаковое количество примеров пришлось на ценность семьи как явления одобрения и принятия и чувства глубокой симпатии и привязанности; наименьшее количество примеров пришлось на ценность семьи как явления важности, явления дружбы и явления времяпровождения.

Ключевые слова: концепт; счастье; семья; ценности; вербализация; мультфильмы.

Цитирование: Сиразетдинова Р. Н. Вербализация концепта *happiness* в лексеме *family* как показателя семейных ценностей в современных американских мультфильмах // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 3 (63). С. 105–115. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-105-115.

Verbalization of the Concept of “Happiness” in the Lexeme “Family” as an Indicator of Family Values in Modern American Animated Films

Regina N. Sirazetdinova

Sterlitamak Branch of Ufa University of Science and Technology,
Sterlitamak, Republic of Bashkortostan, Russia

In the theoretical part of the study, the author discusses the notions of “a concept” and “the linguistic picture of the world,” gives lexicographic definitions of the concepts “family” and “family values,” and provides working interpretations of these definitions. The practical part of the research presents the results of a study of how the concept “happiness” is verbalized in the lexeme “family” in monological and dialogical statements of characters from modern American animated films, in order to identify family values of the American society. The study shows that American family values include the following indicators: the value of being, the value of property, the value of desire and necessity, the value of a single whole, the value of approval and acceptance, the value of sympathy and affection, the value of importance, the value of friendship, and the value of pastime. The article includes a statistical analysis of examples containing the verbalization of the concept of “happiness” in the lexeme “family,” where the largest number of units are related to the value of family as a phenomenon of being; one step lower are the values of family as a phenomenon of property; then follow the values of family as an object of desire, loss, longing and necessity; slightly fewer examples refer to the value of family as a whole while the same number of examples reflect the value of family as a phenomenon of approval and acceptance and feelings of deep sympathy and affection; the smallest number of examples refer to the value of family as a phenomenon of importance, the phenomenon of friendship, and the phenomenon of pastime.

Key words: concept; happiness; family; values; verbalization; animated films.

Citation: Sirazetdinova, Regina N. (2023) Verbalization of the Concept “Happiness” in the Lexeme “Family” as an Indicator of Family Values in Modern American Animated Films. *LUNN Bulletin*, 3 (63), 105–115. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-105-115.

1. Введение

Современный мир практически не знает гомогенных культур, и все сферы жизни современного человека охвачены процессами глобализации. Язык и культура не являются исключением. И все же едва ли можно быть согласным с мнением о том, что «современные культуры <...> теряют своеобразие», хотя совершенно справедливо, что «границы между ними все более стираются и исчезают» (Бадмаева 2008: 253). Распространение английского языка и расширение его функций способствует проникновению англоязычной культуры в различные этносистемы мира. Историческое прошлое носителей, их ментальность становятся в определенной мере достоянием всех контактирующих культур. В современных условиях межкультурного общения актуальными являются не только проблемы взаимопонимания, переводимости и эквивалентности культурно-языкового материала, но и проблемы этнической толерантности, лингвокультурной ком-

петенции, формированию которых способствует более глубокое проникновение в особенности ментальности носителей лингвокультуры (Козлова 2009: 181).

Слово *conceptus* является позднелатинским средневековым образованием и зафиксировано в значениях ‘водоем’, ‘зачатие’, ‘плод (зародыш)’. Вместе с производными оно вошло во все романские языки, в том числе и в английский. В русском языке оно было семантически калькировано и употреблялось в значении «понять» и «понятие» (Степанов 1997: 40).

Интерес лингвистов вызывает исследование концептов в диахроническом и синхроническом аспектах, способствующих изучению пространственной и темпоральной характеристик пространственного текстового дискурса. Несмотря на большое количество работ по изучению концептов и их различных аспектов, в лингвистике не существует единого определения понятия «концепт» (Апресян 2022: 10). Так, согласно трактовке Н. Д. Арутюновой, концепты — это «понятия жизненной философии», «обыденные аналоги мировоззренческих терминов», закрепленные в лексике естественных языков и обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса (Арутюнова 1994: 303).

Возникновение и широкое использование термина «концепт» как сложного когнитивного явления в парадигме лингвистического концептуализма и в лингвокультурологии связано с необходимостью заполнить существующую в науке лауну, которая кроме вербального выражения заключала в себе ассоциативные образы и эмоциональные оценки носителей тех или иных культур (Ежик 2021: 50–51).

Любой концепт — это элемент определенной концептуальной системы носителя сознания как информации о действительном или возможном положении вещей в мире и в качестве такового связан со всем множеством других, действительных или возможных, «систем мнений», отражающих взгляды на мир (Воркачев 2004: 17). Концепты не только мыслятся, но и переживаются, они входят в культуру языка. Лингвистический статус «культурных концептов» определяет возможность их описания в терминах «языковой картины мира» и в то же время неявно свидетельствует о непризнании какой-либо культурологической специфики за чисто научными мировоззренческими и этическими понятиями (Степанов 1997: 30).

Мораль и нравственность, являясь неотъемлемой частью этических понятий, входят в духовную сущность человека. Данная сущность включает также понятия счастья, блага, смысла жизни, желания, любви и составляет аксиологическую область личностного сознания.

Однако, акцентируя внимание на область исследования, мы остановимся именно на категории счастья, как многомерном интегративном мен-

тальном образовании, которое включает интеллектуальную общеаксиологическую и эмоциональную оценку. Интеллектуальная оценка концепта *happiness* включает логическую формулу, состоящую из субъекта и объекта, между которыми устанавливаются оценочные отношения (Воркачев 2004: 64–65).

Субъект-объектные отношения устанавливаются во многих сферах жизнедеятельности человека, в том числе и в семейной. Понятие *family* имеет следующее лексикографическое толкование: *a group of people who live together and are related to one another, usually consisting of parents and children; a group of people who are all related to one another; people who are related to you; children in a family* (Macmillan 2005: 501).

Сплоченность общими интересами опирается на семейные ценности — *family values*, которые приняты в определенной ячейке общества. Данное понятие имеет следующее толкование: *the principles on which the traditional family is believed to be based, especially the importance of marriage* (ibid.).

Опираясь на вышеприведенные толкования, дадим рабочее определение понятиям *family* и *family values*, обобщив их: *a group of people who live together and are related to one another, usually consisting of parents and children having the principles on which the traditional family is believed to be based, especially the importance of marriage*.

Целью исследования является выявление и описание средств вербализации концепта *happiness* в лексеме *family* как показателя семейных ценностей в анимационных фильмах американского производства начала XXI в.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- изучить теоретические основы понятий «концепт», «семья», «семейные ценности»;
- определить жанр анимационных фильмов, задействованных в исследовании;
- выявить и описать средства вербализации концепта *happiness* в лексеме *family*;
- определить семейные ценности американского общества начала XXI в. на основе исследованного материала.

В качестве рабочей гипотезы выдвигается положение о том, что вербализация концепта *happiness* в англоязычном мультипликационном дискурсе проявляется в лексеме *family*, употребляемой в монологической и диалогической речи персонажей анимационных фильмов американского производства начала XXI в.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проанализирована монологическая и диалогическая речь персонажей анимационных фильмов американского производства для выявления семейных ценностей данного сообщества.

2. Характеристика материала и методы исследования

Влияние телекоммуникационных технологий на современное общество приводит к расширению не только познавательного, но и эмоционального фона, что способствует изучению концепта с двух точек зрения: как ментальной единицы и как чувственного восприятия. Положительные эмоции играют огромную роль в жизни человека и способствуют его нравственному становлению, а фелицитарное состояние благополучно влияет на развитие всей личности в целом (Сиразетдинова 2020: 43–44). Яркое проявление понятия «счастье» как светлого эмоционального состояния человека наблюдается во многих мультипликационных фильмах. Современная анимация иллюстрирует огромное количество примеров счастьеобразующих факторов в разных аспектах жизни: в семье, в карьере, в осуществлении желаний, стремлении к приключениям, становлении личности (Буркова, Сиразетдинова 2017: 26).

Корпусом исследования послужили 22 американских мультипликационных фильма семейного и приключенческого жанра, вышедших на экраны с 2000 по 2018 г., общей продолжительностью 1980 минут, или 33 часа. В результате анализа было выявлено 39 примеров, содержащих вербализацию концепта *happiness* в лексеме *family* в монологической и диалогической речи героев мультфильмов.

В основу работы были положены общенаучные методы исследования: наблюдение, описание, анализ и обобщение. В качестве дополнительных применяются метод частичной выборки и статистический метод.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Практический этап исследования посвящен изучению способов вербализации концепта *happiness* в лексеме *family* в американских мультфильмах XXI в. В ходе анализа были выявлены следующие семейные ценности.

В первую категорию, ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ КАК ЯВЛЕНИЯ БЫТИЯ, вошло наибольшее количество примеров — 13, или 33,3 %. Критерием отбора послужило употребление глагола TO BE, который имеет значение ‘быть’, ‘находиться’, ‘быть частью чего-либо’:

(1) Darwin: *Speckles, if you keep doing this then you're no better than the humans who destroyed your home and your family.* / *Speckles: Well, that's kind*

*of the point here. I lost my family. / Darwin: No, you are wrong. **We're your family.** Me and Baster and Jaures and Ben and Marcie. Speckles, Ben took us when nobody else wanted us. And he made us a family (G-Force 2009);*

(2) Junior: **We are family!** (The Storks 2016);

(3) Flint: *The truth is I need each and every one of you guys. You're more than my friends. **You're my family.** / Barb: This is nice (Cloudy with a Chance of Meatballs 2 2013);*

(4) Orphan Tulip: *It's like **we're family.** / Junior: We are not like a family. We just a guy and a girl trying to put out baby to sleep (The Storks 2016);*

(5) Miguel: *I'm proud we're family! I'm proud **to be his family!** / Hector: I'm proud to be his family! (Coco 2017);*

(6) Dory: *Mom, Marlin and Nemo are more than good friends, **they are family** (Finding Dory 2016);*

(7) Tim: *You don't even know what it's like **to be part of a family.** / Boss-baby: And you don't know what it's like to have a job! (The Boss-Baby 2017);*

(8) Orphan Tulip: **They're your family.** *They're going to love you (The Storks 2016);*

(9) Sid: *Yeah, but we're a herd. **We're a family** (Ice Age: Dawn of the Dinosaurs 2009);*

(10) Peaches: *There is nothing bad about **being part of my family.** I like hanging by my tail (Ice Age: Continental Drift 2012);*

(11) Dad: *We are not cooks, but **we are family.** You tell us what to do and we'll get it done (Ratatouille 2006);*

(12) Stoic: *For you, my dear...anything. will you come home, Val? Will you be my wife once again? **We can be a family!** What do you say? / Valka: Yes (How to Train Your Dragon 2 2014);*

(13) McDodd: *This is awesome. Just look at the man and woman hanging in this walls. **You, my boy, are of the family legacy that spans centuries** (Horton Hears a Who 2008).*

Из вышеприведенных примеров можно сделать вывод, что в американском обществе самой важной ценностью являются обретение семьи, счастливые теплые взаимоотношения между друзьями и коллегами, гордость каждого члена семьи быть ее частью, а также воссоединение семьи после долгой разлуки.

Во вторую категорию, ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ КАК ЯВЛЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ, вошло 8 единиц, что составило 20,4 % от общего количества примеров. Критериями отбора послужили употребление глаголов TO HAVE (GOT), TO OWN, а также притяжательного местоимения OUR обозначающих 'обладание чем-либо', 'иметь что-либо в собственности':

(14) Ellie: *Oh, Manny...* / Manny: *I made it myself, **our family*** (Ice Age: Dawn of the Dinosaurs 2009);

(15) Tim: *You can't be fired from **you own family*** (The Boss-Baby 2017);

(16) Ernesto de La Cruz: *You and I, we are artists, Miguel. We cannot belong to one family. The world is **our family*** (Coco 2017);

(17) Dory: *I remember them! My Mom. My Dad. **I have a family*** (Finding Dory 2016);

(18) Jack Frost: *Did you see... did you see that? It was me! **I had a family!** I had a sister! I saved her!* (Rise of the Guardians 2012);

(19) Horton: *Is there someone else?* / McDodd: *Well, that's my wife and kids.* / Horton: ***You have a family?*** / McDodd: *I do, indeed. A beautiful wife, 96 daughters and one son.* / Horton: *Oh, busy guy* (Horton Hears a Who 2008);

(20) Sid: *Oh, look Manny! A mammoth. Hey, hey, this fat one. Looks just like you. Oh, **he's got a family**. Oh, he's happy. Look he is playing with his kid. See, Manny, that's your problem. That's what mammoths supposed to do. Find a she — mammoth, have the little baby mammoth...* (Ice Age 2002);

(21) Granny: *You know, Sidney. **You've got yourself a nice family here**. A real family.* / Sid: *Yeah, I'm pretty lucky* (Ice Age: Continental Drift 2012).

Таким образом, в речевых высказываниях протагонистов прослеживаются счастливые взаимоотношения между героями, отношение героев к семейному счастью и его ценность, иллюстрируются воспоминания персонажа о родителях, о счастливом и беззаботном детстве, о наличии семьи.

В третью категорию, ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ КАК ОБЪЕКТА ЖЕЛАНИЯ, ПОТЕРИ, ТОСКИ, НЕОБХОДИМОСТИ, вошло 5 примеров (или 12,8 %), свидетельствующих о желании персонажей обрести семью и ее необходимости, о гнетущем чувстве героев относительно ее утраты. Критерием отбора послужили глаголы TO WANT, TO FIND, TO MISS, TO NEED, выражающие вышеупомянутые значения:

(22) Sid: *Yes, well. He needed me and I only wish.* / Female sloth 1: *I have one of my own.* / Female Sloth 2: *Really? I find that attractive in a male.* / Sid: *Who wouldn't **want a family**, I always say* (Ice Age 2002);

(23) Hurley: *I sit here every day hoping to get adopted to **find family**. And now because of you, family has found me* (G-Force 2009);

(24) Arlo: ***I miss... I miss my family. Family*** (The Good Dinosaur 2015);

(25) Drack: ***Mavis needs me. She depends on me. I need to be home with my family*** (Hotel Transylvania 3: Summer Vacation 2018);

(26) Baby beaver: *Question. Why does the burro go home? Why doesn't he stay with the rabbit?* / Manny: *Because... because he **wanted to be with his family**.* / Baby beaver: *It's not a good ending.* / Manny: *They lived happily ever*

after. You can't get more satisfying than that? One big, happy family. That's the way it's supposed to be (Ice Age 2: The Meltdown 2006).

Проанализировав данные примеры, делаем вывод, что семейные ценности для персонажей современных американских мультфильмов — это желание каждой женщины создать семью, необходимость семейных взаимоотношений между родителями и детьми, обретение семьи, а также тоска персонажа по своей семье.

В четвертую категорию, ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ КАК ЕДИНОГО ЦЕЛОГО, вошло 4 единицы, что составило 10,3 % от общего количества примеров. Критериями отбора послужили лексемы WHOLE и TOGETHER, употребленные в данных примерах и означающие 'единство' и 'целостность':

(27) Syndrome: *It's a whole family of supers. Looks like I've hit the jackpot. Oh, this is just too good!* (The Incredibles 2004);

(28) Mike: *Hello? I know! I great? And the whole family see it? It's your mom. What can I say, the camera loves me?* (Monsters, Inc. 2001);

(29) Mavis: *We need a break. We need to all be together again like a family* (Hotel Transylvania 3 2018);

(30) Sid: *Uncle Fergus! Could that really be you? Sorry, sorry. Mom, Dad! Marshal!* / Granny: *Hey!* / Sid: *Granny?* / Granny: *This pumpkin's ripe for picking!* / Sid: *My whole family!* (Ice Age: Continental Drift 2012).

Исходя из высказываний персонажей, можно сделать вывод, что их фелицитарное состояние зависит от просмотра рекламного ролика, пребывания семьи на совместном отдыхе, долгожданной встречи с семьей, а также прослеживается амбивалентность чувств посредством заточения в плен семейства супергероев: для антагониста данное событие является счастьем.

Одинаковое количество примеров — по 3 единицы, или по 7,7 % — вошли в пятую и шестую категории: ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ КАК ЯВЛЕНИЯ ОДОБРЕНИЯ, ПРИНЯТИЯ и ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ КАК ЧУВСТВА ГЛУБОКОЙ СИМПАТИИ, ПРИВЯЗАННОСТИ. Критериями отбора в данных категориях послужили лексическая единица WELCOME, обозначающая приветствие, встречу, одобрение, принятие, приглашение, и глагол TO LOVE, который имеет несколько лексикографических значений. Однако, учитывая тематику нашего исследования, нами было выбрано следующее значение: *the feeling of liking and caring for someone such as a member of your family or a close friend* (Macmillan 2005: 708):

(31) Manny: *Bring it in, Bro-son, Julian. Welcome to the family* (Ice Age: Collision Course 2016);

(32) Hurley: *Welcome, my friend, to the family* (G-Force 2009);

(33) Verne: *Welcome to the family!* / Other animals: *Hey!* / Group hug! / RJ: *Ok, ok* (Over the Hedge 2006);

(34) Mama Imelda: *To never forget how much your family loves you* (Coco 2017);

(35) Aunt Cass: *My family! I love my family!* (Big Hero 6 2014);

(36) Dash: *That was the best vacation ever! I love our family* (The Incredibles 2004).

Таким образом, в речевых высказываниях персонажей анимационных фильмов прослеживается принятие в большую семью домашних питомцев, в семью лесных животных, одобрение родителями избранника дочери, а также иллюстрируется чувство глубокой привязанности каждого члена семьи друг к другу, их счастливое состояние от наличия базовой ячейки общества и совместное пребывание.

Наименьшее количество примеров, по 1 единице, или по 2,6 % пришлось на седьмую, восьмую и девятую категории: ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ КАК ЯВЛЕНИЯ ВАЖНОСТИ, ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ КАК ЯВЛЕНИЯ ДРУЖБЫ и ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ КАК ЯВЛЕНИЯ ВРЕМЯПРОВОЖДЕНИЯ. В данные категории вошли примеры, иллюстрирующие умозаключение протагониста Мигеля (*Miguel*) из эпизода анимационного фильма *Coco* («Тайна Коко»):

(37) *Miguel: Nothing's more important than family. Family comes first* (Coco 2017);

диалогическую речь персонажей из эпизода мультипликационного фильма *Hotel Transylvania* («Монстры на каникулах»):

(38) Wayne: *Drack! How are you?* / Drack: *Wayne, my old friend!* / Wayne: *Couldn't wait for this weekend. Always great to be out of the shadows for a couple days.* / Drack: *The family looks beautiful. Let me just clean up their filth. Housekeeping*» (Hotel Transylvania 2012);

и речевой акт протагониста Дракулы (*Drack*) из эпизода анимационного фильма *Hotel Transylvania 3* («Монстры на каникулах 3: море зовет»):

(39) Drack: *I'm just here to have fun with my family* (Hotel Transylvania 3: Summer Vacation 2018).

4. Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что вербализация концепта *happiness* в лексеме *family* в мультипликационных фильмах американского производства начала XXI в. проявляется в ценностях семьи как явления бытия, собственности, одобрения и принятия, важности, времяпровождения, дружбы; объекта желания, потери, тоски, необходимости; чувства глубокой симпатии и привязанности; единого целого. Следовательно, мы можем расширить наши определения *family* и *family values*, приведенные в

начале исследования: *a group of people who live together and are related to one another, usually consisting of parents and children having the principles on which the traditional family is believed to be based, especially the importance of marriage, being, ownership, approval and acceptance, importance, pastime, friendship, object of desire, loss, longing, necessity, feelings of deep sympathy and affection and a single whole.*

Список литературы / References

- Апресян К. Г. Ключевые концепты финансового дискурса *финансы (finance)* и *деньги (money)* в диахронии и синхронии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 1 (57). С. 9–27. [Apresyanyan, Karine G. (2022) Klyuchevyye koncepty finansovogo diskursa *finansy (finance)* i *den'gi (money)* v diahronii i sinhronii (Key Concepts of Financial Discourse *Finance (Finansy)* and *Money (Den'gi)* in Diachrony and Synchrony). *LUNN Bulletin*, 1 (57), 9–27. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 302–316. [Arutjunova, Nina D. (1994) Istina i sud'ba (Truth and Destiny). In *Ponjatie sud'by v kontekste raznyh kul'tur* (The Concept Destiny in the Context of Various Cultures). Moscow: Nauka, 302–316. (In Russian)].
- Бадмаева Н. Ц. Межкультурная коммуникация в процессе сравнительного изучения литературных произведений // Лингвистика. Герменевтика. Концептология. Кемерово: Кемеровский полиграфический комбинат, 2008. [Badmaeva, Natalia S. (2008) Mezhhkul'turnaya kommunikaciya v processe sravnitel'nogo izucheniya literaturnyh proizvedenij (Intercultural Communication in the Process of Comparative Study of Literary Works). In *Lingvistika. Germenevtika. Kontseptologiya* (Linguistics. Hermeneutics. Conceptology). Kemerovo: Kemerovskij poligraficheskij kombinat. (In Russian)].
- Буркова Т. А., Сиразетдинова Р. Н. Мультипликационный фильм «В поисках Немо» в контексте изучения фелицитарных явлений // Педагогический журнал Башкортостана. 2017. № 5 (72). С. 25–30. [Burkova, Tatyana A., & Sirazetdinova, Regina N. (2017) Multiplikacionnyy film «V poiskah Nemo» v kontekste izucheniya felicitarnyh yavlenij (Animated film “Finding Nemo” in the Context of the Study of Felicitous Phenomena). *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 5 (72), 25–30. (In Russian)].
- Воркачѳев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. [Vorkachjov, Sergej G. (2004) *Shchast'e kak lingvokul'turnyj concept* (Happiness as a Linguocultural Concept). Moscow: ITDGK «Gnozis». (In Russian)].
- Ежик Е. С. Концепт в аспекте эмотимологии: к постановке вопроса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 4 (56). С. 49–59. [Ezhik, Evgeniya S. (2021) Koncept v aspekte emotimologii: k postanovke voprosa (Concept in the Aspect of Emotimology: towards the Formulation of the Question). *LUNN Bulletin*, 4 (56), 49–59. (In Russian)].
- Козлова Т. О. Архаичная модель мира: аналогия в объективации концептов-антиномий // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2009. Вып. 4. С. 181–189. [Kozlova, Tatyana O. (2009) Arhaichnaya model' mira: analogiya v ob'ektivacii konceptov-antinomij (Ar-

chaic Model of the World: Analogy in Objectification of Antinomy Concepts). *LUNN Bulletin*, 4, 181–189. (In Russian)].

Сиразетдинова Р. Н. Лексико-семантическое поле концепта «счастье» в англоязычной анимации // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 1. С. 43–46. [Sirazetdinova, Regina N. (2020) Lexico-semantic field of the concept “schastie” v angloiazychnoi animacii (Lexico-semantic Field of the Concept of “Happiness” in English-language Animation). *PSU Bulletin*, 1, 43–47. (In Russian)].

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Stepanov, Yuri S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* (Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience). Moscow: Shkola “Yazyki russkoj kul'tury”. (In Russian)].

Словари / Dictionaries

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. (2005) London: Macmillan Publisher Limited.

Источники языкового материала / Language material resources

Big Hero 6. (2014, USA) / directed by Don Hall, Chris Williams.

Cloudy with a Chance of Meatballs 2 (2013, USA) / directed by Philip Anderson Lord, Christopher Robert Miller.

Coco. (2017, USA) / directed by Lee Edward Unkrich, Adrian Molina.

Finding Dory. (2016, USA) / directed by Andrew Stanton, Angus MacLane.

G-Force. (2009, USA) / directed by Hoyt Yeatman.

Horton Hears a Who. (2008, USA) / directed by Jimmy Hayward, Stephen Michael “Steve” Martino.

Hotel Transylvania. (2012, USA) / directed by Genndy Tartakovsky.

Hotel Transylvania 3: Summer Vacation. (2018, USA) / directed by Genndy Tartakovsky.

How to Train Your Dragon 2. (2014, USA) / directed by Dean DeBlois.

Ice Age. (2002, USA) / directed by John Christopher Wedge, Carlos Saldanha.

Ice Age: Continental Drift. (2012, USA) / directed by Stephen Michael “Steve” Martino, Michael Thurmeier.

Ice Age: Collision Course. (2016, USA) / directed by Michael Thurmeier, Galen T. Chu.

Ice Age: Dawn of the Dinosaurs. (2009, USA) / directed by Carlos Saldanha, Michael Thurmeier.

Ice Age 2: The Meltdown. (2006, USA) / directed by Carlos Saldanha.

Monsters, Inc. (2001, USA) / directed by Pete Docter, David Silverman, Lee Edward Unkrich.

Over the Hedge. (2006, USA) / directed by Tim Johnson, Karey Kirkpatrick.

Ratatouille. (2006, USA) / directed by Phillip Bradley Bird, Jan Jaroslav Pinkava.

Rise of the Guardians. (2012, USA) / directed by Peter Ramsey.

The Boss-Baby. (2017, USA) / directed by Thomas “Tom” McGrath.

The Good Dinosaur. (2015, USA) / directed by Peter Sohn.

The Incredibles. (2004, USA) / directed by Phillip Bradley Bird.

The Storks. (2016, USA) / directed by Nicholas Stoller, Doug Sweetland.

УДК 81.27

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-116-135

СТЕРЕОТИП КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРА (на материале НКРЯ)

М. Ю. Товкес

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия

В статье рассматривается стереотип как один из когнитивных механизмов базовой категоризации гендера, на уровне которой проявляются концептуальные трансформации. Стереотип выделяет наилучший пример внутри категории, соответствующий коллективным ожиданиям лингвокультурного сообщества; ограничивает членство и производит ранжирование элементов категории; соотносит индивидуально профилируемые и коллективно признанные смыслы; позволяет различать идеальную норму и отклонения от нее. Цель исследования — моделирование стереотипа как способа структурирования тематических групп в качестве областей определения смысловой, а значит, языковой актуализации наиболее репрезентативных признаков концептов МУЖЧИНА / ЖЕНЩИНА в различных дискурсивных практиках. Методология исследования включает в себя когнитивное моделирование, теорию языковой концептуализации и категоризации, социолингвистическую теорию гендера, теорию прототипов, теорию стереотипов. Методы исследования сочетают в себе фундаментальные (лексико-семантический, концептуально-дефиниционный, прототипический анализ) и методы корпусной лингвистики (анализ частотности, анализ конкордансов). Материалом исследования послужил корпус текстов, составленный по ключевым словам мужчин* / женщин*, мужск* / женск* и включающий в себя 4000 контекстов основного корпуса НКРЯ и газетного корпуса НКРЯ. В результате в качестве гендерной интерпретанты были выделены наиболее частотные области определения гендерных признаков мужчины и женщины — тематические блоки «Личностные характеристики» и «Профессиональные характеристики», при характеристике мужчин дополнительно была выделена группа «Девиантное поведение». Личностные характеристики подразделяются на качества характера, внешние качества, возраст и маркеры одежды. Тематические группы блока профессиональных характеристик соответствуют четырем основным сферам общественной жизни. Маркеры внешнего вида мужчин и женщин обсуждаются в равной степени с качествами характера и сохраняют визуальные гендерные различия. Профилируется значимость социальной (выполнение семейных ролей) и духовной (профессиональный спорт, наука, искусство и творчество) сфер деятельности для мужчин и женщин. Духовная сфера (личностная сфера реализации, увлечения, хобби) является самой частотной для мужчин и женщин (спорт, искусство и творчество, наука). При сравнении контекстов с гендерной парой мужчина — женщина обнаруживается незначительное количество контекстов с проявлением андроцентризма и новых гендерных идентичностей. Таким образом, современный механизм базовой гендерной

категоризации представляет собой сочетание традиционных фундаменталистских асимметрий и глобалистских тенденций гендерной нейтрализации. Концептуальные трансформации гендерных различий не затрагивают прототипическое ядро, а обнаруживают себя в расширении непрототипических компонентов, ранжировании их структуры и переосмыслении гендерной асимметрии.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; гендер; стереотип; тематический блок; НКРЯ.

Цитирование: Товкес М. Ю. Стереотип как когнитивный механизм концептуализации гендера (на материале НКРЯ) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 3 (63). С. 116–135.

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-116-135.

Stereotypes as a Cognitive Mechanism of Gender Conceptualization (based on the Russian National Corpus)

Maria Yu. Tovkes
HSE University, Nizhny Novgorod, Russia

The article analyses stereotypes as one of the cognitive mechanisms of gender categorization, since conceptual transformations manifest themselves primarily at the basic level of categorization. A stereotype identifies the best example within a category that corresponds to the collectively recognized expectations of the linguistic community; restricts membership and ranks various elements within this category; correlates individually profiled and collectively recognized meanings; and distinguishes between the ideal norm and its deviations. The purpose of the study is to present a model of a stereotype as a means of structuring thematic groups as areas of definition of semantic, and therefore linguistic, actualization of the most representative features of the MAN / WOMAN concepts in various discursive practices. The research methodology includes cognitive modeling, the theory of linguistic conceptualization and categorization, sociolinguistic theory of gender, prototype theory, and stereotype theory. The research methods combine fundamental (lexical-semantic, conceptual-definitional, prototypical analysis) and corpus linguistics methods (frequency analysis, concordance analysis). The material of the study is a corpus of texts compiled according to the keywords мужчин* / женщин*, мужск* / женск* and including 4,000 contexts of the main corpus of the RNC and the media corpus of the RNC. As a result, the most frequent areas of determining the gender characteristics as gender interpretants are identified, namely: the thematic blocks “Personal Characteristics” and “Professional Characteristics.” When characterizing men, the group “Deviant Behavior” is additionally highlighted. Personal characteristics are divided into character traits, appearance, age, and clothing markers. Thus, the thematic groups of the professional characteristics block correspond to four key spheres of social life; markers of men’s and women’s appearance are discussed equally with character traits and retain visual gender differences. The importance of social (family roles) and cultural (professional sports, science, art) spheres of activity for men and women is profiled. The cultural sphere (personal fulfillment sphere, hobbies) is the most frequent for men and women (sport, art, science). When comparing contexts with a male–female gender pair, an insignificant number of contexts with manifestations of androcentrism and new gender identities have been found. Thus, the modern mechanism of basic gender categorization is a combination of traditional fundamentalist asymmetries and globalist tendencies of gender neutralization. Conceptual transformations of

gender differences do not affect the prototypical core, but reveal themselves in the expansion of non-prototypical components, ranking their structure and rethinking gender asymmetry.

Key words: cognitive linguistics; gender; stereotype; thematic block; RNC.

Citation: Tovkes, Maria Yu. (2023) Stereotypes as a Cognitive Mechanism of Gender Conceptualization (based on the Russian National Corpus). *LUNN Bulletin*, 3 (63), 116–135. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-116-135.

1. Введение

На рубеже тысячелетий эксперты отмечают значительные трансформации моделей гендерной социализации, определяемые в научном дискурсе как «глобальный дрейф к постгендеризму» (Кирилина 2019: 14), который реализуется в «языковой политике дегендеризации» (Гриценко 2021: 66), свидетельствующей о переосмыслении концепта «гендер» в «ментальном лексиконе» различных культур (Наумова, Сухарева 2019; Потапова, Коломиец 2022).

Актуальность исследования обусловлена сосуществованием и столкновением в современном мире глобалистских и традиционалистских тенденций гендерной социализации, производящих взаимные изменения на базовом уровне гендерной категоризации как внутри одной лингвокультуры, так и между разными лингвосообществами. Методология когнитивной лингвистики позволяет реконструировать концептуальные трансформации, переформатирующие образно-символические структуры гендерно маркированного знания и мотивирующие перестройку языковых репрезентаций гендера. Анализ гендерных стереотипов как когнитивного механизма структурирования гендерно маркированных областей языкового знания на материале НКРЯ позволит выявить контекстуальную вариативность базовых гендерных концептов МУЖЧИНА / ЖЕНЩИНА.

Цель исследования — моделирование способов структурирования тематических групп как областей определения смысловой, а значит, языковой актуализации наиболее репрезентативных признаков концептов МУЖЧИНА / ЖЕНЩИНА в различных дискурсивных практиках (на материале текстового корпуса).

Новизна исследования заключается в следующем:

- рассмотрение социальных стереотипов в когнитивном аспекте, выявление механизмов вербализации стереотипного знания на актуальном языковом материале;
- анализ речевой вариативности типичных концептуальных признаков мужественности и женственности в различных дискурсивных практиках;
- выявление актуальных тенденций гендерной идентификации носителей русского языка;

- представление когнитивной модели гендерных стереотипов в языковой репрезентации в интерпретационном аспекте;
- применение комплексной методологии исследования — прототипическое моделирование, компаративный анализ, инструменты корпусной лингвистики и визуализации данных.

Когнитивная лингвистика в качестве доминанты языка выделяет семантические структуры как корреляцию с различными форматами знания. Также она ориентирована на холистический подход к языку, анализ сложной коммуникации как целенаправленного процесса выявления механизмов семантической трансформации. Когнитивный подход к языку рождается тогда, когда изучаемый феномен исследуется «по тем реальным связям и корреляциям, которые могут быть выявлены между структурами сознания или структурами знания и объективирующими их языковыми формами» (Кубрякова 2004: 59).

Механизмы семантической трансформации становятся значимым объектом исследования в классической американской когнитивной лингвистике, в которой разрабатываются когнитивные модели форматирования знания внутри концептуальной системы, репрезентированные в языке. В когнитивной грамматике Р. Лангакера фундаментальным механизмом языковой категоризации становится механизм когнитивной выделенности — профилирование, понимаемое как наложение профиля (семантически неопределенного фрагмента) на базу (когнитивную область или матрицу областей), взаимодействие которых, активированное словом, определяет его «семантическую конфигурацию» (значение). Профилирование получает конкретизацию в пространственно-образных схемах категоризации, которые производят структурирование ментального опыта человека на области определения языковой референции, преимущественно лексической (именных групп и реляционных выражений) (Langacker 1988).

В топологической грамматике Л. Талми производится систематизация инвентаря грамматически выраженных понятий, объединенных в схематические категории на основе принципов параллелизма пространства и времени, внутрикатегориальной конверсии, вложенности. Использование языка предполагает неосознанный выбор пространственных схем интерпретации, основанных на «сверхглубинной» корреляции грамматических структур языка с другими когнитивными системами. Универсальная функция всех когнитивных систем заключается в обеспечении концептуальной связности сцены, то есть ее содержательного наполнения (Talmy 1986, 1996).

В теории Фоконье — Тернера выделяются модели сложных концептуальных структур, коррелирующих со сложными языковыми выражениями на основе принципа концептуальной интеграции, заключающегося в отображе-

нии исходных ментальных пространств (*input*) на новое ментальное пространство (*blend*) со своим значением (Turner 1987; Lakoff, Turner 1989; Turner, Fauconnier 1995). Бленды сводят воедино концептуальные структуры, хранящиеся в памяти раздельно: выборочно отображают их (*composition*), обогащают их новыми знаниями, возникающими на этапе завершения (*competition*) или по ходу развития «логики бленда» (*elaboration*).

В теории Лакоффа — Джонсона механизмами категоризации являются идеализированные когнитивные модели (ИКМ). Их действие состоит в том, что слово активирует ИКМ как мотивированное когнитивное устройство для категоризации, создающее определенный контекст определения значения языковой категории. ИКМ структурирует категорию, выделяя наиболее репрезентативные элементы, маркирующие коллективные и личные ожидания, и ориентирована на то, чтобы успешно действовать в предложенных обстоятельствах и соотносить ожидания индивида с ожиданиями других людей (Лакофф, Джонсон 2017). Социальные стереотипы в интерпретации авторов встроены в метонимическую ИКМ: «Социальные стереотипы представляют собой случаи метонимии — когда подкатегория наделяется общественно признанным статусом представителя категории в целом, обычно в целях быстрого вынесения суждений о людях» (Лакофф 2011: 114). Несмотря на то что стереотип не имеет фиксированного набора концептуальных характеристик, он оказывается достаточным условием для определения членства и ранжирования элементов категории. Границы стереотипа определяются социальными ожиданиями, связанными с данной категорией и позволяющими различать норму и отклонение от нее.

Данное исследование опирается на понимание гендерного стереотипа как разновидности социального стереотипа. Стереотип — один из ключевых терминов когнитивных исследований языка, наиболее часто употребляемый в научном дискурсе как «шаблоны концептуализации», «формирующиеся в сознании модели», «образцы поведения и действий людей в обществе», «культурная норма» (Проектный словарь-справочник когнитивных терминов 2022: 176). Гендерный стереотип в качестве устойчивого, социально признанного и лексически выраженного сочетания наиболее репрезентативных характеристик мужественности и женственности функционирует в лингвокультуре как экономная, нормативно-оценочная схема осмысления и языковой интерпретации гендерной параметризации дискурса. Он является когнитивным регулятором отбора, интерпретации и оценки способов вербализации областей определения типичных признаков концептов МУЖЧИНА / ЖЕНЩИНА с помощью операций селекции, классификации, оценки.

В анализе гендерного стереотипа как механизма концептуализации мы опираемся на положение когнитивной теории языка Н. Н. Болдырева о различении статического и динамического аспектов концептуализации (Болдырев 2019: 61–68). В динамическом аспекте стереотип является одним из механизмов концептуализации, которые представляют собой «онтологически ориентированные, первичные единицы концептуальной системы, единицы обыденного сознания, которые всегда конкретны в своей референции, то есть контекстуально и ситуативно обусловлены, и в силу этого могут рассматриваться как отдельные смыслы» (Болдырев 2019: 67).

2. Характеристика материала и методов исследования

Методология исследования включает в себя когнитивное моделирование, теорию языковой концептуализации и категоризации, социолингвистическую теорию гендера, теорию прототипов, теорию стереотипов. Используемое программное обеспечение: *AntConc*.

Теоретическую базу исследования составили работы по когнитивному моделированию (Демьянков 1994; Кубрякова 2004; Романова 2014; Болдырев 2019), теории языковой концептуализации и категоризации (Карасик 2002; Леонтович 2013; Болдырев, Дубровская 2015; Радбиль 2018), теории гендерных стереотипов в лингвистическом (Lakoff 1975; Гаранович 2010; Кириллина 2019; Гриценко 2021) и социологическом (Айвазова 1998; Рябова 2001; Здравомыслова, Темкина 2002; Воронина 2004) аспектах, теории прототипов (Rosch 1975, 1978; Фрумкина 1992), теории стереотипов (Putnam 1975, 1981; Витгенштейн 2010; Лакофф 2011), корпусной лингвистике (Копотев 2014; Захаров, Богданова 2020; Шамова 2021).

Материал исследования. В рамках исследования был составлен корпус текстов по ключевым словам мужчин* / женщин*, мужск* / женск*, который сочетает в себе тексты различных жанров — основной корпус НКРЯ и газетный корпус НКРЯ (нелемматизированные тексты). Выборка включает в себя 4000 контекстов. Контексты основного корпуса НКРЯ относятся к публицистике, учебно-научным, рекламным, художественным текстам, текстам электронной коммуникации, характеризуются разнообразной тематикой (администрация и управление, армия и вооруженные конфликты, бизнес, здоровье и медицина, искусство и культура, наука и технологии, образование, право, экономика и др.). Дополнительные сведения о типе контекстов в газетном корпусе НКРЯ и их тематике отсутствуют.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В ходе исследования были выявлены области определения типичных признаков мужчин и женщин, на основе которых разрабатывался темати-

ческий классификатор контекстов (см. Табл. 1). В полученной выборке зафиксировано 1604 и 1952 релевантных контекста, в которых реализуются характеристики мужчин и женщин соответственно. Тематические группы распределились по двум крупным блокам — личностные и профессиональные характеристики, дополнительно удалось выделить группу «Девиантное поведение» при анализе контекстов о мужчинах. Профилирование определенных характеристик в контекстах зависит от дискурсивной практики: личностные характеристики (внешность, возраст, качества характера, одежда) встречаются преимущественно в основном корпусе НКРЯ, профессиональная реализация и девиантное поведение — в газетном корпусе НКРЯ.

Таблица 1. Концептуальные характеристики мужчин и женщин в корпусе текстов

	Тематическая группа	Мужчины	Женщины
Личностные характеристики	Внешность	222	209
	Возраст	116	167
	Одежда	157	120
	Характер	307	373
Профессиональные характеристики	Экономическая сфера	87	203
	Политико-правовая сфера	107	172
	Социальная сфера	139	324
	Духовная сфера	238	322
	Другое	41	56
Девиантное поведение		190	6

3.1. Личностные характеристики мужчин и женщин в корпусе текстов

В тематическом блоке «Личностные характеристики» доминантными признаками становятся **качества характера** в традиционной интерпретации (307 контекстов у мужчин / 373 контекста у женщин). При описании мужчины преимущественно используются маркеры силы — (1) *всегда сильный мужчина, только теперь это сила не столько brutальная, сколько изысканная**; *сильные / сильный / сила; сильный характер* и др.; подчеркиваются особый тип мышления (мужской ум, мужская хватка) — (2) *умные; умные и хитрые; мозг мужчины быстрее находит решение нестандартных задач; мужская ехидная смекалка; мужская хватка; мужской ум* и др.; высокие моральные качества (благородство, долг) — (3) *благородные / благородство; верный; выполнять*

*Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru). Сохранено написание источника.

свой долг; защитник женской чести и человеческого достоинства; порядочные и др.; активность, инициативность, деятельность, новаторство — (4) активные; деятельный; новаторство в любом деле — миссия мужского пола; мужской тип, когда нужно постоянно что-то преодолевать и совершать подвиги; мужчина в большей степени исследователь большого мира за пределами дома и др.; сдержанность в проявлении эмоций. Контексты профилируют бóльшую расположенность к вредным привычкам в сравнении с женщинами — (5) вклад алкоголя в мужскую смертность 75 %; затягивается сигаретой; Именно поэтому основная категория граждан, которые попадают в зависимость от игр — это мужчины; проявление агрессии, которое также связано с выделением отдельной тематической группы «Девиантное поведение» (190 контекстов у мужчин / 6 контекстов у женщин). Например, (6) Мужчины же совершили 81 процент всех аварий с погибшими и пострадавшими.

«Женский» характер также представлен традиционными маркерами: наблюдательность, внимание к деталям — (7) внимательны к мелочам; Мы недооцениваем мелочей, а женщины устроены по-другому; наблюдательные и др.; эмпатия, склонность к сопереживанию — (8) сердечная / сердечность / сердобольные; чуткая и др.; настроенность на сотрудничество — (9) слышать чужое мнение; женский подход к сотрудничеству; стремление к компромиссу; уметь работать в команде и др.; особый «женский» взгляд на решение проблем — (10) женский непредвзятый подход к проблеме; особенный, женский взгляд; у женщин в принципе неформальный подход к решению любого вопроса и др. Так называемые отрицательные женские качества составляют 13,4 % от численности группы «Качества характера»: (11) бестактность; вульгарная; глупая; завистливая; злая; лживая и др.

В группе «Качества характера» наблюдаются определенные изменения стандарта мужественности и женственности, сглаживающие традиционную асимметрию. В частности, признается право мужчин на выражение эмоций, проявление неагрессивной мужественности. Например, (12) Мужчины стали гораздо чаще обращаться за психологической помощью: из каждых пяти обращений сегодня минимум три от них; отказ мужчин от традиционного латиноамериканского «мачизма». Эмоциональность женщин как одно из типических качеств в корпусе текстов практически не эксплицируется — (13) переменчивая; взрывной характер, однако присутствует значительное количество контекстов о высоких интеллектуальных способностях женщин и хорошем жизненном опыте — (14) образованная; мудрая / мудрость / невероятная житейская мудрость; умная; с образованием; женские хитрости и др.

В корпусе текстов обсуждается описание **внешнего вида** мужчин и женщин (222 контекста у мужчин / 209 контекстов у женщин), **одежды** (157 контекстов у мужчин / 120 контекстов у женщин), а также **возраста**

(116 контекстов у мужчин / 167 контекстов у женщин) как косвенного маркера гендерной идентичности и социально-ролевого поведения. В равной степени у мужчин и женщин отмечается привлекательный внешний вид, ухоженность, стремление иметь хороший гардероб. Например, (15) *Женщине обидно прожить жизнь, одеваясь и обуваясь во что попадая, орошаясь сомнительными духами, натягивая на кисти дешевые перчатки, забрасывая на плечо сумки кустарного производства*. Описание внешних маркеров у мужчин представлено в большей степени, чем у женщин; их внешний вид идеализируется: подчеркивается высокий рост и стремление быть в хорошей физической форме. Например, (16) *высокий /высок /высокого роста; баскетбольных размеров; огромный рост; красивый / красивые / красота; симпатичный; красавец-мужчина; неотразимый; былинные плечи; крепко сколоченный; мощный спортивный торс; мускулистые; подтянутый; стахановская мускулатура* и др.

Описание внешности женщин также детализировано, в контекстах эксплицируется привлекательная внешность с помощью синонимичного ряда: (17) *красивая / красавица / красота / очень красивая; прекрасна / прекрасная / прекраснейшая; очень симпатичная; хорошенькая* и др. Однако маркеры описания фигуры неоднозначны: стройность не идеализируется, а наличие полноты, тучности констатируются как факт и не сопровождается негативной коннотацией. Например, (18) *стройная, тоненькая, худая / худенькая / худощавая* и др. / *полная, крупная, дородная, очень пухлая, тучная* и др.

При описании возраста мужчин и женщин значимые признаки маркированы с помощью антонимичной пары *молодой / пожилой*. Также в контекстах используются сложные прилагательные с количественной корневой морфемой; средства с семантикой приблизительного количества — нумеративные словосочетания с обратным порядком слов, предложно-падежные формы количественных числительных в родительном и дательном падежах (*к, около*): (19) *лет сорока; 23-летнего; 38-летнего; пятидесятилетний; к семидесяти* и др. при описании мужчин; (20) *26-летняя; двадцатилетняя; лет шестидесяти; семидесятипятилетняя; около восьмидесяти лет* и др. при описании женщин.

Таким образом, при описании личностных характеристик для мужчин значимыми маркерами являются внешняя привлекательность и хорошая физическая форма, для женщин — внешняя привлекательность и молодость. Среди новых тенденций можно отметить расширение тематической группы «Внешность» и «Одежда» при описании мужчин (стремление мужчины иметь хороший гардероб — (21) *в дорогом пальто; хорошо одетые* и др.; мужские аксессуары — (22) *мужские часы; стильный мужской парфюм Givenchy; мужской портфель* и др.; мужская мода в целом — (23) *мужская коллекция / показ мужской коллекции; неделя мужской моды* и др.).

3.2. Профессиональные характеристики мужчин и женщин в корпусе текстов

При анализе блока «Профессиональные характеристики» также можно выделить традиционные, патриархальные, и новые, эгалитарные, тенденции. Если мужские и женские личностные характеристики обсуждаются в сравнительно равной степени в корпусе текстов, то при обсуждении профессиональной реализации активно обсуждается занятость женщины в различных сферах общественной жизни (612 контекстов у мужчин / 1077 контекстов у женщин), что свидетельствует о расширении компонентов и повышении значимости сферы социально-профессиональной реализации в структуре концепта ЖЕНЩИНА. Обобщение контекстов позволило выделить четыре основных блока сфер деятельности, которые соответствуют основным сферам общественной жизни: экономическая, политико-правовая, социальная и духовная сферы деятельности (см. Табл. 2).

Таблица 2. Сферы реализации мужчин и женщин в корпусе текстов

Экономическая сфера			Политико-правовая сфера		
	М	Ж		М	Ж
архитектура и строительство	4	3	военное дело	60	28
бизнес	12	65	государственная служба	22	100
компьютерные технологии	2	8	политика	11	27
производство	26	37	правоохранительные органы	11	15
сфера услуг	4	20	юриспруденция	3	2
техника	4	9	итого	107	172
управление	31	51			
финансы	4	10			
итого	87	203			
Социальная сфера			Духовная сфера (личностная сфера реализации, увлечения, хобби)		
	М	Ж		М	Ж
медицина	12	34	искусство и творчество	53	69
образование и воспитание	15	38	кулинария	3	3
психология	1	3	мода	3	6
семья	87	219	наука	29	86
социальная защита	1	8	религия	14	22
транспорт	23	22	спорт	131	109
итого	139	324	сфера медиа	5	21
			хобби	0	6
			итого	238	322

В экономической сфере в большей степени представлены женщины (87 контекстов у мужчин / 203 контекста у женщин). Самыми значимыми сферами данного блока являются «Бизнес» (12 / 65), «Управление» (31 / 51) и «Производство» (26 / 37). Реализация женщины в сфере бизнеса возрастает, помимо традиционных видов (мелкий, средний бизнес) выделяется и крупный бизнес, социальное предпринимательство, стартапы: (24) *В крупном и среднем бизнесе женщин около 30 процентов.* Также можно отметить занятость женщины в сферах «Сфера услуг» (20), «Техника» (9) и «Финансы» (10). В сфере производства контексты профилируют традиционную занятость мужчины в тяжелой промышленности, деятельности с применением физического труда, женщины — в легкой промышленности и сельском хозяйстве: (25) *Мужчин чаще эксплуатируют в качестве дешевой рабочей силы, чем женщин, в основном в сельском хозяйстве, строительной отрасли, рыболовстве и гастрономическом бизнесе, считают авторы доклада.* Кроме того, подчеркивается традиционная лидирующая роль мужчины в экономике на должности начальника, директора, руководителя бизнеса. Вместе с тем акцентируется внимание на эффективности «женского» стиля управления в настоящее время: (26) *По ее словам, в нашей стране появляется все больше женщин-руководителей в самых разных сферах, и именно женский стиль управления становится все более востребованным в мире.*

В политико-правовой сфере также можно отметить бóльшую представленность женщин (107 контекстов у мужчин / 172 контекста у женщин). При описании мужчин в контекстах профилируется традиционная занятость в военном деле (60) и на государственной службе (22): (27) *Воюют у нас строго только мужчины.* Вместе с тем можно отметить пропаганду позитивного образа женщины во власти и на государственной службе за счет упоминаний женщин, занимающих высокие посты в администрации различных уровней (100). Несмотря на то, что подчеркивается «женская повестка» в политике (социальная политика, семья, условия труда), активно обсуждается вопрос равного присутствия женщин в органах власти и их занятость в армии (28), политике (27), правоохранительных органах (15): (28) *На заседании комитета вы предложили вернуться к идее квотирования женщин во власти, и все коллеги вас поддержали.*

Социальная сфера является второй по значимости при описании мужчин (139) и первой при описании женщин (324). В данном блоке активно обсуждается семейная сфера (87 / 219). При описании женщин акцентируется внимание на сохранении традиционно высокого статуса в семье; материнстве как предназначении женщины; выделяется тематическая группа контекстов о поддержке материнства и детства со стороны государ-

ства; часто обсуждается ее семейное положение (замужем, разведена, свободна и др.); быт и ведение домашнего хозяйства остается прерогативой женщины: (29) *Депутат добавила, что материнство — самая большая женская привилегия, поскольку связана с чужом рождением ребенка, его появления на свет, воспитания и открытия с ним красивого мира.* Вместе с тем тема семьи становится актуальной и при описании мужчин: акцентируется внимание не на ведении быта и домашнего хозяйства, а на повышении роли мужчины как главы семьи и как отца при воспитании детей, в том числе на законодательном (право получить государственную материальную поддержку) и институциональном (учреждение Совета отцов, Дня отца и др.) уровнях. Например, (30) *Необходимость повышения социальной роли отца, вовлечения мужчин в семейные дела и воспитание детей, совершенствования пропаганды ответственного отцовства подчеркивается в Концепции государственной семейной политики, напомнили ранее в Минтруде.* Также подчеркивается роль мужчины как учителя в образовательно-воспитательном процессе в первую очередь для мальчиков: (31) *Мальчикам без преподавателя-мужчины вообще нельзя воспитываться.*

Среди новых тенденций также можно отметить акцент на совмещении карьеры и семьи при описании женщин, низкое присутствие женщин в образовании и воспитании (38), медицине (34) и одновременное расширение присутствия в сфере транспорта (22): (32) *Женщины-таксисты, женщины-водители автобусов, просто женщины-водители, женщины-милиционеры — их становится все больше и больше.*

Духовная сфера (личностная сфера реализации, увлечения, хобби) становится наиболее значимой для мужчин и второй по значимости у женщин (238 контекстов у мужчин / 322 контекста у женщин) за счет активного освоения спорта как профессиональной деятельности (131 / 109): подчеркивается успешность в одиночных и командных видах спорта, разделение видов спорта на «мужские» и «женские» из-за специфики деятельности. Например, (33) *А еще мужской хоккей более жесткий. У мужчин выделяется реализация и в новых видах спорта (художественная гимнастика).* В сфере «Искусство и творчество» (53 / 69) у мужчин и женщин одинаково подчеркивается успешность в литературной деятельности, актерском мастерстве, творчестве: (34) *Не припомню современного российского писателя-мужчину, который бы писал исключительно для женщин.* Если при описании занятости мужчин в сфере науки (29) подчеркивается высокий научный статус, то при описании женщин (86) акцентируется внимание на освоении различных наук (гуманитарные, точные, естественные и др.), работе на высоких административных должностях в науке и привлечении женщин в данную сферу за счет государственной поддержки.

Например, (35) *«Мы идем не по пути квотирования мест в научных учреждениях, а по пути создания условий для работы женщин-ученых. Например, это доступность дошкольного образования, гибкий рабочий график, а также гранты для женщин-ученых»*, — пояснила сенатор.

3.3. Анализ контекстов с гендерной парой мужчина — женщина

В контекстах с гендерной парой мужчина — женщина происходит сравнение физиологических и личностных характеристик, частично выявляется гендерная асимметрия в профессиональной реализации; активно обсуждаются равные права для мужчин и женщин, в том числе в историческом аспекте, освоение женщинами новых сфер общественной жизни (см. Рис. 1).

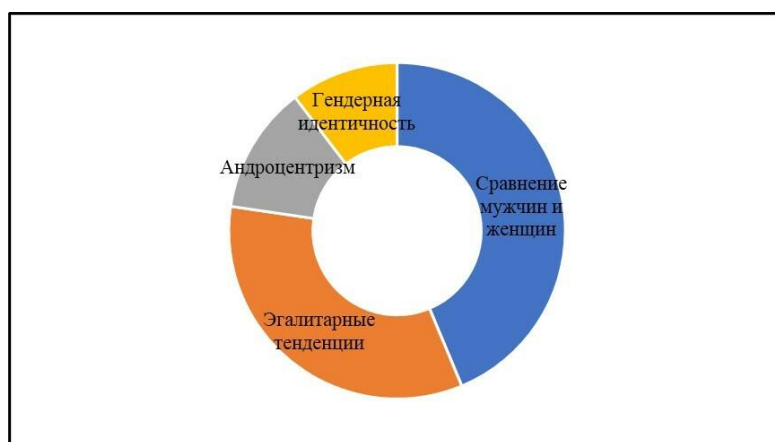

Рис. 1. Тематические группы контекстов с гендерной парой мужчина — женщина

Контексты, маркирующие проявления патриархальной гендерной асимметрии, андроцентризма, менее частотны (45 контекстов): (36) *Весь мир, в котором мы живем, описан в концепции, где человек по умолчанию — мужчина*. При обсуждении вопросов гендерной идентичности (38 контекстов) можно отметить «традиционное» понимание гендерных отношений как союз мужчины и женщины: (37) *Правительство Венгрии представило проект поправки к конституции, который призван закрепить мужской и женский пол как единственные варианты гендерной идентичности*. Вместе с тем в меньшей степени маркируются новые формы гендерной идентичности (лемма *трансгендер** употребляется в исследовательском корпусе 5 раз, *агендер** — 1 раз, *интерсекс** — 1 раз) и отмечается, что личностные характеристики не зависят от биологического пола.

4. Выводы

На основе построенных в ходе исследования функционально-дискурсивных моделей гендерных стереотипов можно сделать вывод, что

концептуальная трансформация гендера проецируется прежде всего на базовую категориальную структуру концептуально-тематической области гендерно маркированного знания, которая находится «на поверхности ментальных пространств», демонстрируя когнитивную выделенность прототипических элементов. Роль «проводника» к процессам базовой концептуализации и категоризации принадлежит языку, поскольку языковые категории включены в когнитивные процессы и репрезентируют корреляционную связь структуры языковой категории с когнитивной структурой концептуально-тематической области знания.

Функциональный аспект концептуализации гендера акцентирует внимание на способах оперирования гендерно маркированным знанием. Способом категоризации гендера является бинарная модель гендерных различий. Данная модель имеет нормативно-оценочный характер, т. к. представляет идеализированные образы мужчины и женщины, получившие коллективное одобрение. На базовом уровне категоризации гендерно маркированных областей знания непосредственно проявляются прототипические эффекты бинарной модели гендерной идентификации: центральными областями определения гендерных признаков при описании мужчин являются «Личностные характеристики» (802 контекста), при описании женщин — «Профессиональные характеристики» (1077 контекстов).

Группа «Девиантное поведение» в большей степени типична для мужчин (190 контекстов) и может косвенно ассоциироваться с агрессивностью. В контекстах, маркирующих противоправные действия с участием гендерной пары мужчина — женщина, подчеркивается ведущая роль мужчины как организатора преступления, женщины — как пособника, исполнителя. Приверженность вредным привычкам выше у мужчин.

Асимметричность бинарной модели гендера — источник динамики гендерных различий. Построение функционально-дискурсивных моделей позволило выявить актуальные тенденции, которые, с одной стороны, выражают приверженность фундаменталистским ценностным ориентирам русской лингвокультуры, а с другой стороны — адаптируются к вызовам глобализации:

– В корпусе текстов в качестве гендерной интерпретанты (доминирующие гендерно ориентированные области определения языковых значений) выступает тематический блок «Профессиональные характеристики» и группа «Качества характера», профилирующие сглаживание традиционной гендерной асимметрии в сферах реализации мужчин и женщин за счет расширения перечня «женских» профессий (бизнес, управление, государственная служба, служба в армии, спорт и др.) и маркирующие знание о

наиболее релевантных, «лучших образцах» мужских и женских черт характера в традиционной фундаменталистской интерпретации.

– В НКРЯ внешние качества и маркеры внешнего вида мужчин и женщин обсуждаются в той же степени, что и качества характера, и сохраняют визуальные гендерные различия. В корпусе текстов обсуждается равное право мужчины и женщины на проявление эмоций, что отчасти корректирует стандартное представление о мужественности и сглаживает традиционную гендерную асимметрию. Также нивелируется дискриминация женщины по интеллекту как общая тенденция.

– Профилируется значимость социальной (выполнение семейных ролей) и духовной (профессиональный спорт, наука, искусство и творчество) сфер деятельности для мужчин и женщин. В корпусе текстов значимость социальных ролей отца и матери повышается, профилируется повышение статуса мужчины в воспитании детей и главенствующее положение в семье (учреждение Совета отцов, Дня отца), хотя приоритет в получении государственной поддержки для воспитания детей по-прежнему остается за матерью.

– Духовная сфера (личностная сфера реализации, увлечения, хобби) является самой частотной для мужчин и второй по частотности для женщин (спорт, искусство и творчество, наука). При этом отмечается активное вовлечение женщин в научно-исследовательскую деятельность с помощью разнообразных мер поддержки (гранты, гибкий рабочий график, бытовые удобства и др.).

– При сравнении контекстов, в которых употребляется гендерная пара мужчина — женщина, обнаруживается незначительное количество контекстов с проявлением андроцентризма и новых гендерных идентичностей. В большинстве случаев мужчины и женщины сравниваются между собой как разные гендерные индивидуальности во взаимной корреляции с вариативностью диапазона асимметрии: репрезентируются физиологические различия, психологически мотивированная склонность к решению разного типа задач (мужчины — открытие новых задач, женщины — доработка старых задач до совершенства), асимметрия с доминированием мужчин (в трудовой сфере, противоправные действия) или женщин (женщины более открыты для обучения), сглаживание традиционной гендерной асимметрии за счет обсуждения равного доступа женщин и мужчин к правам и реализации в определенных профессиях. В большей степени данная тенденция характерна для содержательного наполнения концепта ЖЕНЩИНА, в то же время тематические контексты об угнетении мужчин и новых правах для мужчин употребляются в значительно меньшей степени.

– Стереотипные признаки мужчин и женщин объективируются следующими лингвистическими средствами: номинативные словосочетания, синонимия, антонимия, сложные прилагательные с количественной корневой морфемой, средства с семантикой приблизительного количества, описания на основе прототипа — (38) *все женщины похожи на Кармен — такие же красавицы в длинных платьях*, устойчивые выражения и высказывания — (39) *Мужчина голова, женщина шея; мужская логика / женская логика; мужской поступок; женская доля*, и др.

Таким образом, бинарная модель гендерной категоризации и репрезентации структурирует области определения социально значимых гендерных признаков, нормирующих коллективно одобряемые поведенческие реакции. Концептуальные трансформации гендерных различий не затрагивают прототипическое ядро, а обнаруживают себя в расширении непрототипических компонентов, ранжировании их структуры и переосмыслении гендерной асимметрии в постсоветском пространстве, понимаемом не как редуцирование гендера к маркеру сексуальности, унификация гендерных различий или уподобление мужской норме, а как увеличение разнообразия внутри и между гендерными индивидуальностями: сохранение традиционной патриархальной асимметрии, выравнивание гендерных различий, а также доминирование женщин в определенных социальных сферах и типах дискурса. В большей степени модернизация гендерной идентичности затрагивает содержательное наполнение концепта ЖЕНЩИНА.

В постсоветском пространстве иерархия компонентов базовых гендерных концептов сохраняет традиционные асимметрии и одновременно выражает определенные эгалитарные тенденции: преодоление дискурсивного нивелирования женщины, ее дискриминации по интеллектуальному признаку, расширение прав мужчины в семейной сфере, частичное преодоление агрессивной, «токсичной» маскулинности, расширение сфер профессиональной реализации мужчины и женщины, значимость личностной реализации для мужчины и женщины, успешный публичный имидж мужчины и женщины.

Таким образом, современное содержание и структура базовых гендерных концептов и механизмов базовой гендерной категоризации представляет собой сочетание традиционных фундаменталистских асимметрий и глобалистских тенденций гендерной нейтрализации.

Список литературы / References

- Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/win/books/rw/> (дата обращения: 15.05.2023). [Aivazova, Svetlana G. (2023, May 15) *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviya* (Russian

- Women in the Labyrinth of Equality). Retrieved from <http://www.owl.ru/win/books/rw/> (In Russian)].
- Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. [Boldyrev, Nikolai N. (2019) *Yazyk i sistema znanii. Kognitivnaya teoriya yazyka* (Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language). Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK. (In Russian)].
- Болдырев Н. Н., Дубровская О. Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 14–25. [Boldyrev, Nikolai N., & Dubrovskaya, Ol'ga G. (2015) O formirovanii sotsiokul'turnoi spetsifikoi diskursa (On the Problem of Sociocultural Discourse Specificity Construction). *Issues of Cognitive Linguistics*, 3 (44), 14–25. (In Russian)].
- Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2010. [Vitgenshtein, Lyudvig. (2010) *Filosofskie issledovaniya* (Philosophical Investigations). Moscow: AST: Astrel'. (In Russian)].
- Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Voronina, Ol'ga A. (2004) *Feminizm i gendernoe ravenstvo* (Feminism and Gender Equality). Moscow: Editorial URSS. (In Russian)].
- Гаранович М. В. О социолингвистическом подходе при изучении функционирования гендерных стереотипов в языковом сознании носителей языка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. № 3. Т. 1. С. 122–128. [Garanovich, Marina V. (2010) O sotsiolingvisticheskom podkhode pri izuchenii funktsionirovaniya gendernykh stereotipov v yazykovom soznanii nositelei yazyka (About Sociolinguistic Method to the Study of the Gender Stereotypes in Language Awareness of Native Speakers). *Pushkin Leningrad State University Journal*, 3, Vol. 1, 122–128. (In Russian)].
- Гриценко Е. С. О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 60–73. [Gritsenko, Elena S. (2021) O sovremennykh tendentsiyakh v lingvisticheskom izuchenii gendera, ego kontseptualizatsii i reprezentatsii (na materiale angliiskogo yazyka) (New Trends in the Linguistic Study of Gender, Its Conceptualization and Representation in Modern English). *Journal of Psycholinguistics*, 3 (49), 60–73. (In Russian)]. DOI 10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73.
- Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33. [Dem'yankov, Valerii Z. (1994) Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda (Cognitive Linguistics as a Kind of Interpretive Approach). *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 17–33. (In Russian)].
- Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика: учебник. 3-е изд., перераб. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. [Zakharov, Viktor P., & Bogdanova, Svetlana Yu. (2020) *Korpusnaya lingvistika: uchebnik* (Corpus Linguistics: a Textbook). Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. (In Russian)].
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования [Электронный ресурс]. URL: http://www.owl.ru/win/books/articles/tz_gender.htm (дата обращения: 15.05.2023). [Zdravomyslova, Elena A., & Temkina, Anna A. (2023, May 15) *Sotsial'noe konstruirovaniye gendera kak metodologiya feministского issledovaniya* (Social Construc-

- tion of Gender as a Methodology of Feminist Research). Retrieved from http://www.owl.ru/win/books/articles/tz_gender.htm (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, Vladimir I. (2002) *Yazykovoï krug: lichnost', kontsept, diskurs* (Language Circle: Personality, Concept, Discourse). Volgograd: Peremena. (In Russian)].
- Кирилина А. В. Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам Национального корпуса русского языка) // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 12–27. [Kirilina, Alla V. *Oboznacheniya genderno znachimoi leksiki v svete protivopostavleniya global'nogo i otechestvennogo* (po materialam Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) (The Designation of Gender-related Vocabulary in the Light of Opposition of Global and National (on the Materials of the Russian National Corpus)). *Journal of Psycholinguistics*, 2 (40), 12–27. (In Russian)]. DOI 10.30982/2077-5911-2019-40-2-12-29.
- Копотев М. В. Введение в корпусную лингвистику. Прага: Animedia Company, 2014. [Kopotev, Mikhail V. (2014) *Vvedenie v korpusnuyu lingvistiku* (Introduction to Corpus Linguistics). Prague: Animedia Company. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kubryakova, Elena S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanii o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* (Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)].
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины. М.: Гнозис, 2011. [Lakoff, George. (2011) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. Kniga 1: Razum vne mashiny* (Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Book 1: Mind Outside the Machine). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2017. [Lakoff, George, & Johnson, Mark. (2017) *Metafora, kotorymi my zhivem* (Metaphors We Live by). Moscow: Izdatel'stvo LKI. (In Russian)].
- Леонтович О. А. Концептуализация и категоризация мира средствами китайского языка // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2013. Вып. 24. С. 50–60. [Leontovich, Olga A. (2013) *Kontseptualizatsiya i kategorizatsiya mira sredstvami kitaiskogo yazyka* (Conceptualization and Categorization of the World in the Chinese Language). *LUNN Bulletin*, 24, 50–60. (In Russian)].
- Наумова Т. М., Сухарева Т. В. О специфике апеллятивов, обращенных к смешанным гендерным группам (на материале американского варианта английского языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 45. С. 48–56. [Naumova, Tatiana M., & Sukhareva, Tatiana V. (2019) *O spetsifike apellyativov, obrashchennykh k smeshannym gendernym gruppam* (na materiale amerikanskogo varianta angliiskogo yazyka) (Peculiarities of Terms of Address Referred to Mixed Gender Groups in American English). *LUNN Bulletin*, 45, 48–56. (In Russian)].

- Потапова Н. В., Коломиец С. В. Конструирование фемининной идентичности в социальных медиа (на материале англоязычного сайта Reddit) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 92–106. [Potarova, Natalya V., & Kolomiets, Svetlana V. (2022) Konstruirovaniye femininnoi identichnosti v sotsial'nykh media (na materiale angloyazychnogo saita Reddit) (Construction of Feminine Identity in Social Media (on the Material of the English-language Site Reddit)). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 92–106 (In Russian)]. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-92-106.
- Радбиль Т. Б. Когнитивистика: Учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. [Radbil', Timur B. (2018) *Kognitivistika: Uchebnoe posobie* (Cognitive Science: a Coursebook). Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskii gosuniversitet. (In Russian)].
- Романова Т. В. Моделирование как метод верификации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2014. № 16. С. 322–327. [Romanova, Tatiana V. (2014) Modelirovaniye kak metod verifikatsii v kognitivnoi lingvistike (Modeling as a Verification Method in Cognitive Linguistics). *Cognitive Studies of Language*, 16, 322–327. (In Russian)].
- Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3. С. 3–12. [Ryabova, Tat'yana B. (2001) Gendernyye stereotipy i gendernaya stereotipizatsiya: metodologicheskie podkhody (Gender Stereotypes and Gender Stereotyping: Methodological Approaches). *Woman in Russian Society*, 3, 3–12. (In Russian)].
- Фрумкина Р. М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. Сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 33–41. [Frumkina, Revekka M. (1992) Kontsept, kategoriya, prototip (Concept, Category, Prototype). In *Lingvisticheskaya i ekstralingvisticheskaya semantika. Sbornik obzorov* (Linguistic and Extralinguistic Semantics. Collection of Reviews). Moscow: INION RAN, 33–41. (In Russian)].
- Шамова Н. А. Сравнительно-сопоставительный анализ корпусных инструментов (на примере работы с корпусами кинодискурса) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 53. С. 82–95. [Shamova, Nadezhda A. (2021) Sravnitel'no-sopostavitel'nyi analiz korpusnykh instrumentov (na primere raboty s korpusami kinodiskursa) (A Comparative-Contrastive Analysis of Corpus Tools (Case Study: Working with Corpora of Cinematic Discourse)). *LUNN Bulletin*, 53, 82–95. (In Russian)]. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-82-95.
- Lakoff, George, & Turner, Mark. (1989) *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: Chicago University Press.
- Lakoff, Robin. (1975) *Language and Woman's Place*. New York a. o.: Harper and Row.
- Langacker, Ronald W. (1988) A View of Linguistic Semantics. In Rudzka-Ostyn, Brygida (ed.) *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 49–90.
- Putnam, Hilary. (1975) *Mind, Language, and Reality. Philosophical Papers*, vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press.
- Putnam, Hilary. (1981). *Reason, Truth, and History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rosch, Eleanor. (1975) Cognitive Reference Points. *Cognitive Psychology*, 7, 532–547.

- Rosch, Eleanor. (1978) Principles of Categorization. In Rosch, Eleanor, & Lloyd, Barbara B. (eds.) *Cognition and Categorization*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 27–48.
- Talmy, Leonard. (1986) Force Dynamics as a Generalization over “Causative”. In *Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics 1985*. Washington, DC: Georgetown University Press.
- Talmy, Leonard. (1996) The Windowing of Attention. In Shibatani, Masayoshi, & Thompson, Sandra A. (eds.) *Grammatical Constructions: Their Form and Function*. Oxford: Oxford University Press, 235–287.
- Turner, Mark. (1987) *Death in the Mother of Beauty: Mind, Metaphor, Criticism*. Chicago: University of Chicago Press.
- Turner, Mark, & Fauconnier, Gilles. (1995) Conceptual Integration and Formal Expression. *Journal of Metaphor and Symbolic Activity*, 10 (3), 183–203.

Источники языкового материала / Language material resources

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.06.2023). [Natsional’nyi korpus russkogo yazyka (Russian National Corpus) (2023, June 15). Retrieved from <https://ruscorpora.ru/> (In Russian)].

Словари / Dictionaries

Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: Учебное пособие / под общей редакцией Т. В. Романовой. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2022. [Romanova, Tat’yana V. (ed.) (2022) *Proektnyi slovar’-spravochnik kognitivnykh terminov: Uchebnoe posobie* (Project Dictionary-reference Book of Cognitive Terms: a Coursebook). Nizhny Novgorod: DEKOM. (In Russian)].

Иные источники / Other resources

AntConc [Электронный ресурс]. URL: <https://laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения: 30.06.2022). [AntConc. (2022, June 30) Retrieved from <https://laurenceanthony.net/software/antconc/>].

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.111

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-136-151

МЕССИАНСТВО «ПЕРСОНЫ» ЗИГГИ СТАРДАСТА Д. БОУИ В КОНТЕКСТЕ РОМАНА Р. ХАЙНЛАЙНА «ЧУЖАК В ЧУЖОЙ СТРАНЕ»

Д. А. Тюлин

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

В статье рассматриваются мессианские черты поэтической «персоны» британского поэта Д. Боуи — марсианского рокера Зигги Стардаста, главного героя альбомного цикла «Взлет и падение Зигги Стардаста и Пауков с Марса» (*The Rise and Fall of Ziggy Stardust and the Spiders from Mars*, 1972). «Персона» в творчестве Боуи представляет концептуальную художественную маску, расширяющую возможности реализации персонажа, альбомы же с «персонами» в центре могут рассматриваться как поэтические циклы. В статье доказывается влияние сюжета и образно-мотивной системы романа Р. Хайнлайна «Чужак в чужой стране» на характерные особенности данной «персоны». Главные герои обоих произведений — Зигги Стардаст и Валентайн Майкл Смит — обнаруживают черты мессианства как духовные лидеры, приносящие избавление от грядущей глобальной катастрофы. Учение любви, исповедуемое обоими героями, перекликается с христианской концепцией «агапе», в чем обнаруживаются противоречия с консервативным христианством 1960–1970-х гг. Важность романа Хайнлайна для культуры хиппи в 1960-х гг. трудно переоценить, и статья доказывает, что Боуи находился под влиянием прозы Хайнлайна, несмотря на то что редко одобрительно высказывался об авторе и его знаменитом романе. В статье намечаются переклички историй героев Хайнлайна и Боуи с сюжетом и мотивами Ветхого и Нового Завета. Образ мессии претерпевает трансформации в англоязычной контркультуре 1960–1970-х гг., отражение чего можно найти в героях Хайнлайна и Боуи.

Ключевые слова: рок-поэзия; поэтическая «персона»; Дэвид Боуи; Роберт Хайнлайн; мессианская фигура; научная фантастика.

Цитирование: Тюлин Д. А. Мессианство «персоны» Зигги Стардаста Д. Боуи в контексте романа «Чужак в чужой стране» Р. Хайнлайна // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. С. 136–151. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-136-151.

The Messianism of D. Bowie's "Persona" of Ziggy Stardust in the Context of the Novel "Stranger in a Strange Land" by R. Heinlein

Dmitry A. Tyulin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

The article discusses the Messianic features of the poetic "persona" of the British poet D. Bowie: the Martian rocker Ziggy Stardust who is the main character of the album cycle "The Rise and Fall of Ziggy Stardust and the Spiders from Mars" (1972). "Persona" in Bowie's work is a conceptual fictional mask that expands possibilities for the realization of the character, while albums with "personas" in their center may be seen as poetic cycles. The article proves the influence of the plot and the system of images and motifs of R. Heinlein's novel "Stranger in a Strange Land" on the characteristic features of this "persona." Bowie's and Heinlein's main characters, Ziggy Stardust and Valentine Michael Smith respectively, display signs of Messianism, positioning themselves as spiritual leaders who bring deliverance from the coming global catastrophe. The teaching of love, professed by both characters, echoes the Christian concept of "agape," which displays certain contradictions with conservative Christianity of the 1960s–1970s. The importance of Heinlein's novel to the hippie culture of the 1960s can hardly be overestimated, and the article proves that Bowie was influenced by Heinlein's prose, even though he rarely spoke favorably of the author and his famous novel. The article outlines parallels between the stories of Heinlein's and Bowie's characters with the story lines and motifs of the Old and the New Testament. The image of the Messiah underwent a number of transformations in the English counter-culture of the 1960s and 1970s, and it is reflected in of Heinlein and Bowie's protagonists.

Key words: rock poetry; poetic "persona"; David Bowie; Robert Heinlein; Messianic figure; science fiction.

Citation: Tyulin, Dmitry A. (2023). The Messianism of D. Bowie's "Persona" of Ziggy Stardust in the Context of the Novel "Stranger in a Strange Land" by R. Heinlein. *LUNN Bulletin*, 3 (63), 136–151. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-136-151.

1. Введение

Поэтическая «персона» в творчестве британского поэта и певца Дэвида Боуи (David Bowie, 1947–2016) является способом многомерной реализации литературного персонажа, комбинацией лирического голоса с сюжетами песен и концертными театральными практиками. Альбом Боуи «Взлет и падение Зигги Стардаста и Пауков с Марса» (*The Rise and Fall of Ziggy Stardust and the Spiders from Mars*, 1972) дает начало периоду использования поэтом «персон» в своем творчестве. Альбом обладает прослеживаемым сюжетом, образами и темами, что позволяет говорить о нем как о своего рода поэтическом цикле. Поэтическая «персона», находящаяся в центре данного альбома, — рокер-инопланетянин Зигги Стардаст. По сюжету альбомного цикла это пришелец, который должен предупредить человечество о близящемся апокалипсисе; он становится всеобщим идолом, и его убивают его собственные последователи. Статья ставит своей зада-

чей выявить литературные источники мессианских характеристик данной «персоны» и позволяет воспринимать альбомные циклы Боуи как явления, заслуживающие внимания в научной призме современного литературоведения. Внимание автора данной статьи сфокусировано на обнаружении связей между творчеством Боуи и литературным наследием знаменитого американского фантаста Роберта Хайнлайна, в частности его романом «Чужак в чужой стране» (*Stranger in a Strange Land*, 1960), оказавшим огромное влияние на англоязычную контркультуру 1960–1970-х гг.

Академических исследований, посвященных поэтическому творчеству Боуи, на русском языке пока не существует. Лишь в очень скромной степени зарубежными исследователями рассматривается литературная аллюзивность творчества Боуи, несмотря на наполненность его поэзии литературными и культурными отсылками — существует отдельная работа, посвященная списку любимых книг Боуи, опубликованному в 2013 г., как своеобразному ключу к интерпретации его собственных поэтических текстов. Дж. Хеллер включает творчество Боуи в контекст популярной научно-фантастической литературы, но в большей степени сосредоточен на самом феномене взаимодействия между рок-музыкой и научной фантастикой в 1970-е (Heller 2018).

Это обуславливает оригинальность данной статьи, цель которой — объяснить мессианскую природу «персоны» Зигги Стардаста, что определяет в качестве задачи исследования обнаружение конкретных параллелей между романом Р. Хайнлайна «Чужак в чужой стране» и альбомом «Взлет и падение Зигги Стардаста и Пауков с Марса». Роман Хайнлайна, оказавший колоссальное влияние на американскую контркультуру, предлагает оригинальную трактовку понятия «мессия», схожую с библейской традицией, но во многом от нее отходящую. Альбом Дэвида Боуи рассматривается по аналогии с поэтическим циклом, принципы функционирования которого дополнены также перформативной и музыкальной составляющей.

Интерес к поэтическому творчеству Боуи подчеркивается большим количеством академических трудов, посвященных многообразным аспектам его художественного наследия. В поэзии Боуи имеет место «неформальная логика взаимодействия с читателем» (Тюлин 2022: 114), и поэтическая «персона» является одним из инструментов этого взаимодействия. «Персона» (термин позаимствован из аналитической психологии К. Г. Юнга) — уникальный, разработанный Боуи поэтический конструкт, особая творческая маска на границе между лирическим голосом, литературным персонажем и непосредственно фигурой автора. «Персона» обладает чертами как персонажа, так и самого автора, поскольку автор перевоплощается в вымышленного героя, драматизируя взаимодействие между

авторской фигурой и отыгрываемой автором «персоной». Аналогичным созданию поэтической «персоны» жестом может являться литературная мистификация, создание автором собственного *alter ego*, от лица которого публикуются произведения. К примеру, П. Ю. Лясков рассматривает феномен публикации писателем А. Макиным произведений под именем Габриэль Осмонд, возможные причины появления этой литературной мистификации. Важно отметить, что рассмотрение истории литературной мистификации «до сих пор остается на периферии исследовательского интереса» (Лясков 2018: 122). В настоящем исследовании «персона» Зигги Стардаста рассматривается как вымышленная фигура, всегда находящаяся в непосредственном взаимодействии и слиянии с фигурой непосредственно автора, Дэвида Боуи.

Особенное внимание уделяется мессианским характеристикам главных героев произведений Боуи и Хайнлайна — Зигги Стардаста и Валентайна Майкла Смита соответственно. Библейские аллюзии являются, по замечанию А. Д. Бакиной, «неотъемлемой частью произведений различных видов классического и современного английского дискурса» (Бакина 2022: 78). Статья ставит одной из задач обнаружение схожего библейского символизма в романе Хайнлайна и альбомном цикле Боуи, а также доказывает, что библейские сюжеты и мотивы переосмыслились в контркультуре и рок-поэзии 1960–1970-х гг.

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве материала для исследования взяты альбомный цикл Д. Боуи «Взлет и падение Зигги Стардаста и Пауков с Марса», интервью Боуи 1970-х гг., записи его концертных выступлений в образе Зигги Стардаста. Материалы интерпретируются как составляющие массивный поэтический гипертекст, расширяющий границы поэтического высказывания. Альбом Боуи сопоставляется с романом Р. Хайнлайна «Чужак в чужой стране», ценным для рассмотрения в контексте хиппи-культуры, на которую оказал большое влияние и к которой в 1960-х гг. был причастен сам Боуи. Интервью, данное Боуи писателю У. С. Берроузу в 1974 г., проясняет некоторые связи между альбомом и романом. Затрагиваемые в статье исследования, посвященные хиппи-культуре и мессианскому символизму в рок-музыке, предоставляют исследуемым произведениям необходимый контекст и проясняют взаимоотношения между творчеством Боуи и Хайнлайна.

Методологическим условием данного исследования является понимание поэтического текста как незамкнутого и находящегося в интертекстуальных взаимодействиях с другими текстами. И. В. Сергодеев отмечает

незамкнутость как базовый системный признак поэтического текста. Поэзия Боуи рассматривается в исследовании как «самоорганизующаяся система» поэтического текста, за счет интертекстуальности способная «формировать свой смысл посредством ссылки на другие тексты, которые встречаются в творчестве того же автора, в смежном искусстве или предшествующей литературе» (Сергодеев 2019: 131). Наша статья доказывает, что альбомный цикл «Взлет и падение Зигги Стардаста и Пауков с Марса» находится в интертекстуальном взаимодействии с романом Р. Хайнлайна «Чужак в чужой стране».

3. Результаты исследования

Для того чтобы объяснить особенности мессианства Зигги Стардаста, нужно обратиться к песням, лирический голос которых закреплен за данным персонажем. «Любовь души» (*Soul Love*), вторая песня цикла, в контексте альбома должна восприниматься как песня от лица мессии, так как является контрапунктом к открывающей цикл песне «Пять лет» (*Five Years*), описывающей глобальный кризис и грядущий апокалипсис. «Любовь души» может восприниматься как аналогия христианских заповедей о любви, и, пытаясь объяснить, что такое любовь, Боуи использует метафору нереального — «никаких вдохновений [читай: идей] у меня нет, только коснуться пылающего голубя» (*inspirations have I non, just to touch the flaming dove*) (здесь и далее пер. мой. — Д. Т.), завершая припев строчками «всё, что у меня есть — моя любовь к любви, и любовь — не просто действие» (*all I have is my love of love, and love is not loving*) (Bowie 1972). Стихи воплощают идею любви как некоей высшей ценности, наподобие христианского понимания концепции агапе (*agape*), по словам С. Г. Поста «подчеркивающей любовь к ближнему как форму причастия» (Post 1990: 28). Боуи описывает любовь, причем физическую в том числе, как непорочную и сакральную — обращаясь к тексту «Дневного сна лунного тинейджера» (*Moonage Daydream*):

The church of man love

Is such a holy place to be (Bowie 1972).

В подстрочном переводе: «Церковь человеческой любви — это настолько священное место». В этом одно из ключевых расхождений проповеди Зигги со строгими католическими догмами, доминировавшими в общественном сознании послевоенного Запада. Сексуальность в консервативном изводе христианства ассоциируется с греховностью и прелюбодеянием. Следовательно, мессианство Зигги Стардаста расходится с католицизмом 1960–1970-х гг., представляя другой тип любви к ближнему. Мессианская задача Зигги Стардаста, как можно заключить из текстов «Любви

души» и «Дневного сна лунного тинейджера», выражается в освободительной концепции свободной любви. Как пишет Г. Э. Хэйл, «хиппи бунтовали не просто против образа жизни, но и религии Америки среднего класса и взятых ей консервативных норм христианства» (Hale 2014: 3).

Мессианство Зигги трансформирует идеи хиппи и заимствует их из того же источника, что и первые представители хиппи-культуры, — романа Роберта Хайнлайна «Чужак в чужой стране». Эта книга с большой вероятностью вдохновила «персону» Зигги до такой степени, что Боуи решил об этом умолчать. Научно-фантастический роман Хайнлайна имеет сюжет, аналогичный сюжету цикла Боуи. Герой романа Хайнлайна — человек по имени Валентайн Майкл Смит, который был рожден на марсианской космической станции, воспитан марсианами, но потом эвакуирован на Землю. На Земле он познает мир людей и мирскую любовь, затем создает свою религию, чтобы спасти планету от неизбежного, хоть и отдаленного разрушения марсианами, и в итоге погибает, растерзанный толпой.

Церковь, которую создает Майкл, приветствует свободные отношения, и помимо телекинетических способностей адепты, как пишет К. М. Кьюсак, «практикуются в наготы и свободной любви» (Cusack 2009: 72). По словам Кьюсак, хиппи «использовали роман в качестве жизненного руководства» (ibid.). Сам Боуи называл книгу Хайнлайна «уморительно, изумительно избитой» (Bowie 2016: 119), но концепция любви, которую исповедует Зигги, перекликается со смелыми идеями любовных отношений, изложенными в романе.

В церкви Майкла адепты учатся любви к ближнему. В частности, их любовь не моногамна, но при этом наполнена более глубокой симпатией, восприимчивостью — они учатся понимать слово *любовь* во всей полноте, что сближает их понимание любви с концепцией *agape*. В проявлениях своей сексуальности героини парадоксальным образом обретают невинность, поскольку исходят из чистых, идеализированных помыслов. В тексте «Любви души» Боуи воспроизводит эту концепцию свободной любви, превосходящей ограничительные термины и догмы и зависящей от нового уровня понимания слова *любовь*:

*New love, a boy and girl are talking
New words that only they can share in.*

<...>

*Love is careless in its choosing
Sweeping over cross and baby* (Bowie 1972).

В подстрочном переводе: «Новая любовь, парень и девушка производят новые слова, которыми только они могут делиться. <...> Любовь безразлична в том, кого выбирает, пролетая над крестом и младенцем».

Настоящая любовь, по мессианскому посланию Зигги Стардаста, оказывается выше религии и установленных ею принципов, в каком-то смысле и становясь религиозной истиной. Посыл Зигги о парадоксальной «беспечности любви» (*love is careless*) (Bowie 1972) воплощает концепцию, которая хоть и вписывается в позднехристианские рамки, но осуждается в консервативной христианской традиции, которую Зигги как мессия опровергает. Аналогичным пафосом обладают представления о любви героев Хайнлайна: *Если Бог ненавидит плоть, то зачем же он сотворил ее так много? Бог не слюнявый неженка! <...> Когда Бог повелел нам любить, он вовсе не собирался нас обжудить* (Хайнлайн 1999: 377–378).

Попробуем ответить на вопрос, почему книга, которую Боуи открыто критикует, настолько сюжетно и тематически схожа с альбомным циклом о Зигги Стардасте. Интервью, которое Берроуз берет у Дэвида Боуи в 1974 г. для журнала *Rolling Stone*, проливает свет на некоторые аспекты знакомства Боуи с романом Хайнлайна. Боуи утверждает, что прочел книгу лишь в 1973 г., когда ему предложили роль главного героя — марсианского мессии Валентайна Майкла Смита. По словам Боуи, он отказался участвовать в экранизации, потому что книга оказалась «ужасной, слишком цветочной» (*terrible, too flowery-powery*) (Corpetas 1974). Формулировка Боуи отсылает к движению хиппи, и понятно, что Боуи скептичен ко всему движению в целом, несмотря на то что идеи любви в текстах «Зигги Стардаста» совпадают с концепциями хиппи.

Однако в том же интервью Боуи называет себя «ужасным лжецом» и смешит Берроуза, утверждая, что «никогда не читал Элиота» (Corpetas 1974), несмотря на отмеченные Берроузом сильные сходства между их поэтическими методами. Это вызывает сомнения в правдивости некоторых высказываний Боуи в интервью и заставляет с настороженностью отнестись к возможности наличия прямых связей между текстами Хайнлайна и Боуи. Творчество Боуи в период 1968–1969 гг. было тесно связано с хиппи-культурой, что нашло отражение в раннем альбомном цикле «Космическая странность» (*Space Oddity*, 1969). Текстуально альбом «Космическая странность» во многом апеллирует к парадигме хиппи-культуры, но выражает разочарование в ее идеалах: *Планета Земля печальна, и я ничего не могу поделать / Planet Earth is blue and there's nothing I can do*, обращаясь к заглавной песне цикла (Bowie 1969). Как формулирует это Дж. Хир, Хайнлайн, крупнейший американский фантаст, был «освещающим путь маяком для хиппи» (Heer 2014). В 60-е роман «Чужак в чужой стране», вероятнее всего, попал в поле внимания Боуи, который не только был вовлечен в культуру хиппи, но и всегда был заядлым читателем научной фантастики. Можно допустить, что Боуи не читал книгу Хайнлайна, но точно

был осведомлен о ее существовании, содержании, темах, которые, как пишет Дж. Хеллер, «просочились в его работу» (Heller 2018: 71).

То, что Боуи был знаком с творчеством Хайнлайна, напрямую подтверждают сделанные поэтом ранее отсылки к его произведениям. После быстрого разочарования в идеях движения хиппи стихи Боуи выражали более нигилистическую философию в мрачном альбомном цикле «Человек, продавший мир» (*The Man Who Sold the World*, 1970). В этом названии цикла и заглавной песне прослеживается отсылка к Хайнлайну и его рассказу «Человек, продавший Луну» (*The Man Who Sold the Moon*, 1950). Отсылка сама по себе заключается только в сходстве заглавий, но доказывает, что Боуи вступает с Хайнлайном в интертекстуальное взаимодействие. Таким образом, очевидные переключки и фактическое сходство между сюжетом «Чужака в чужой стране» и сюжетом альбома «Взлет и падение Зигги Стардаста» неслучайны. Высокие идеалы Зигги, однако же, расходятся с мировоззрением «авторской фигуры», которую воплощает Боуи, давая интервью Берроузу. В интервью Боуи опровергает влияние романа Хайнлайна на свое творчество, ссылаясь на его низкие литературные качества и концепцию, близкую к идеологии хиппи. Но важно учитывать, что Боуи делает это перед своим контркультурным гуру, признаваться которому во влиянии этой книги, даже подспудном, молодому поэту было бы неловко.

Берроуз берет интервью у Боуи в тот период, когда артист готовит несколько проектов одновременно, один из которых — театральная постановка о Зигги Стардасте. Пересказывая сюжет предполагаемого мюзикла Берроузу, Боуи существенно усложняет историю Зигги, пытаясь обособить свой сюжет от творения Хайнлайна, однако сохраняются явные переключки. Зигги описывается Боуи как «пророк грядущего звездного человека» (Copetas 1974). По новому замыслу Боуи, «Зигги пишет песню “Звездный человек”, посвященную пришествию высших существ, звездных людей, также называемых “Бесконечные” (*The Infinites*)» (Copetas 1974). Аналогичным образом Майкл из романа Хайнлайна является промежуточным звеном между человеком и марсианами, предвещающим, что однажды марсиане разрушат Землю — Боуи не удается полностью дистанцироваться от текста «Чужака в чужой стране».

Также в интервью Берроузу Боуи описывает гибель Зигги отличным от текста песни «Зигги Стардаст» образом, изменяя сюжет всего альбомного цикла. По сюжету, который описывает Боуи в интервью, «Бесконечные» «рвут Зигги на куски прямо на сцене во время *Rock n' Roll Suicide*, забирают его частицы» (Copetas 1974). По сюжету же альбомного цикла Зигги убивают его собственные поклонники: *Когда детишки убили его, я должен был распухнуть гурну / When the kids have killed the man, I had to break up*

the band (Bowie 1972), — поет лирический голос от лица одного из участников рок-группы Зигги. Боуи намеренно усложняет и меняет концовку сюжета своего альбома, пытаясь отделить свое творение от романа Хайнлайна.

Следует оговорить, до какой степени близки оказываются главные герои обоих произведений: их объединяют инопланетные и мессианские характеристики, а также элемент «сверхчеловеческого», присущий их мышлению. В рамках альбомного цикла Боуи снабжает свою «персону» мессианскими и сверхчеловеческими свойствами, которые присущи также главному герою «Чужака в чужой стране». Подобно Зигги, внешне Валентайн Майкл Смит — человек, но при этом он является посланником из других миров. Майкл обладает сверхъестественными способностями, способен читать мысли, но главное — у него совершенно иная, марсианская система ценностей, не уместяющаяся в тривиальные человеческие представления. Одно из немногих слов на марсианском языке, используемых в романе, — *грокк* (*grok*), оно упоминается в романе 459 раз. *Грокк* означает понимание, но не в человеческом, а в инопланетном, сверхразумном смысле — понимание как полное осознание чего-то и включение этого в собственную систему ценностей (также указывается, что *грокк* переводится еще и как «пить»).

Так и для Зигги настоящее (сверхчеловеческое) понимание и эмпатия являются важной эмоциональной чертой, несмотря на инопланетное происхождение «персоны»: *Я пронёс свою ношу / Я помогу пережить боль* (*I've had my share / I'll help you with the pain*) (Bowie 1972). На протяжении романа Майкл стремится глубже понять людей и помочь человечеству, несмотря на базовые противоречия на уровне организации жизни, философии, религии, языка. Вопрос веры для него наиболее проблемный в человеческих реалиях — герой осознает божественность всего окружающего и выражает это в формулировке *Ты есть Бог* (Хайнлайн 1999: 393), подразумевая, что божественная природа неотделима от человека, что противоречит строгой интерпретации христианской или иудаистской религии, где человек неполноценен и грешен. Марсианский человек не понимает этого разделения, считая его корнем человеческих страданий, не понимает также и принципа веры и религии, осознавая божественность всего сущего как абсолютную истину, не комплекс представлений.

Майк, как его начинают звать в романе в процессе его становления человеком и понимания, как устроен мир людей, осознает ограниченность, односторонность человеческого сознания, но предпринимает попытку изменить те реалии, которые кажутся ему губительными для человеческого рода. В этом заключается мессианство Майка — он уводит избранных людей от

курса, взятого человечеством на самоуничтожение. Аналогична задача Зигги Стардаста — оповестить человечество о том, что оно «погибнет от истощения земных ресурсов» (Copetas 1974).

Майк, как и Зигги, выбирает в качестве инструмента для спасения человечества религию и организует собственную церковь со сложной многоуровневой системой инициации. Майку кажется, что, хотя в его проповедях нет человеческой «веры», религия является наиболее эффективным способом донести истину о божественности всех людей: *Нет нужды враждовать друг с другом, нет нужды страшиться чего-либо* (Хайнлайн 1999: 574).

С помощью своей церкви Майк надеется изменить курс истории человечества и спасти его от разрушения марсианами, которые, отметим, сделают это не немедленно, а через несколько тысяч лет, причем из марсианской жалости к бессмысленным страданиям. В своем сюжете Боуи отмечает крайнюю отдаленность этой перспективы — Зигги предрекает апокалипсис через пять лет: *Пять лет, всё, что нам осталось* (*Five years, / That's all we've got*) (Bowie 1972). Подстроив сюжетный элемент романа Хайнлайна под свои творческие нужды, Боуи ставит слушателя в ситуацию тревожной неизбежности, очевидно, для того, чтобы сделать появление своей «персоны» более желанным.

При этом мессия в лице Зигги вряд ли действительно способен спасти планету. Вероятнее всего, его — предупредить человечество о том, что, если оно продолжит жить, погрязнув в страданиях, оно обречено. «Пять лет» (*Five years*) — песня не о мрачном знамении извне, скорее из ее текста можно заключить, что человечество разрушает себя само. В этом также есть сходство с романом Хайнлайна: Майк говорит, что марсиане *могут пойти на наше уничтожение просто из чувства жалости* (Хайнлайн 1999: 565). Как можно заключить из сопоставления текстов Хайнлайна и Боуи, мессианские герои обоих авторов не способны остановить апокалипсис, но могут предложить людям философию любви, которая, будучи воспринятой, сможет отсрочить неизбежный апокалипсис, или хотя бы увести группу избранных в Землю обетованную.

Специфика «персоны» Зигги и Майка из романа Хайнлайна наследует мессианству из христианской и иудейской традиций, соединяя их сюжетные мотивы. Сам по себе мессианский мотив в религиозной культуре подразумевает в первую очередь спасение избранной группы людей. В иудаистском, ветхозаветном представлении о мессианстве спасение происходит перед надвигающимся апокалипсисом. В дохристианском апокалипсисе Ездры упоминается явление мессии, Сына Человеческого: «...тогда откроется Сын Мой, которого ты увидишь, как человека, восхо-

дящего» (Вох 1917: 104). В Новом Завете, составляющем современную христианскую доктрину, мессианских явлений происходит два. Одно явление Христа уже состоялось, другое произойдет именно в момент Страшного суда, или апокалипсиса, и будет означать воцарение Иисуса как короля иудеев.

И Хайнлайн, и Боуи берут мессианский мотив из Ветхого Завета, но делают своих героев подобными первой инкарнации Иисуса в Новом Завете, проповедниками новой истины, ведущими за собой избранных. Более того, Майк произносит фразу *Поглядите на меня. Я — Сын Человеческий* (Хайнлайн 1999: 573), прежде чем его линчует разъяренная толпа. У. Хорбери указывает, что в контексте Нового Завета именно «воскрешение делает Иисуса мессией» (Horbury 1998: 2), а также что именно Иисусу присуще «мученичество во имя других» (*ibid.*), что доказывает, что персонаж Зигги Стардаста, обращающийся к слушателю в песне «Рок-н-рольное самоубийство» (*Rock'n'Roll Suicide*), воскресающий после своего самопожертвования, является промежуточным звеном между ветхозаветным и христианским восприятием мессии.

Зигги Стардаста и Валентайна Майкла Смита объединяет трагичность судьбы, что свойственно героям, чье призвание слишком велико для того, чтобы быть полностью ясным для ограниченного человечества. Однако в отличие от Майка интеграция марсианского сознания с человеческим не вдохновляет, но поражает Зигги. Боуи был не удовлетворен историей восхождения Майка, которая казалась ему слишком идеализированной, что выражается в снижении образа Зигги, парадоксально совмещенном с его заявленным «восходом на духовные высоты» (Copetas 1974). Зигги Стардаст превращается из пророка-учителя в *прокаженного мессию, поглощенного собственным сознанием* (*Ziggy sucked up into his mind, Like a leper messiah*) (Bowie 1972), в отличие от Майка, который, по Хайнлайну, сохраняет священную безгрешность. Майк в конце романа оказывается настоящим святым, буквально архангелом Михаилом, в то время как Зигги *занимается любовью со своим эго* (*making love with his ego*) (Bowie 1972), бросает свою паству и погружается в нарциссическую любовь к себе. Но при этом саморазрушение, аутентичная черта рок-н-рольной культуры, и позволяет персонажу исполнить свое мессианское предназначение в последних песнях альбома, «Зигги Стардаст» и «Рок-н-рольное самоубийство».

В заглавной песне альбома Зигги растерзала толпа покинутых им поклонников. Майка убивает разгневанная толпа приверженцев других церквей, при этом он жертвует собой осознанно, продолжая проповедовать прямо перед тем, как его обливают бензином и поджигают: *Убивая меня,*

ты убиваешь себя... ибо ты есть Бог, и я есть Бог... много не дано... <...> Я предлагаю вам Воду Жизни... (Хайнлайн 1999: 574). Полноценная вера в божественность всего означает принятие полной ответственности за свою судьбу — то, чего обреченный, мнимо праведный мир не может сделать ни у Хайнлайна, ни у Боуи. Боуи цитирует в сюжете о Зигги развязку романа Хайнлайна, но делает ее пафос более противоречивым — с одной стороны, происходит «падение» его героя, с другой же, его мессианская роль утверждается заново со всей серьезностью в финальной песне «Рок-н-рольное самоубийство». Этот парадокс падения / восхождения подчеркивает мессианство Зигги Стардаста — умирая мучеником, он становится бессмертным.

Отдельной оговорки требует тема самоубийства в контексте мессианства анализируемых персонажей. Валентайн Майкл Смит, мессианский пришелец из «Чужака в чужой стране», воспринимает концепцию смерти за «брата по воде» буквально, смерть тела для него не является окончательной, и поэтому он фактически всегда готов умереть. Лирическое начало в последней песне «Рок-н-рольное самоубийство», если приписать ее слова «персоне» Зигги, жертвует собой во имя жизни обычных людей, что только усиливает мессианизм его фигуры. Песня ставится в конец альбома, когда трагическая гибель Зигги уже известна слушателю, что дает этому лирическому субъекту особую, эсхатологическую роль, так как Зигги и жертвует собой, и обретает бессмертие. Но песню можно воспринимать не только как повествование о самопожертвовании Зигги, но и как гимн, предназначенный спасти от смерти некоего адресата. Эта трактовка только усиливает мотивное сходство альбома с «Чужаком в чужой стране» — в конце романа призрак Майка отговаривает Джубала, одного из своих учеников, от совершения самоубийства.

Отметим и формат обращения к аудитории так, как если бы поэт находился на расстоянии вытянутой руки от слушателя. Рефрен *Дайте мне ваши руки (Gimme your hands)* (Bowie 1972) воспринимается как последний, предсмертный крик Зигги — следуя логике сюжета, именно в этот момент он отдает себя толпе без остатка. Момент слияния с толпой воплощает растворение идентичности Зигги в его слушателях и последователях, и особенно выразительно этот символический акт ощущался на концертах, поскольку поклонники Боуи действительно представляли особую субкультуру, стремящуюся внешне походить на своего «инопланетного» кумира. Акт такого интенсивного соприкосновения с культовым телом не является редкостью в рок-культуре того времени, над чем Боуи, вероятнее всего, иронизирует. Данный акт также имеет религиозно-мессианскую параллель с причастием и

поеданием божественного тела для соприкосновения с сакральным. Символически «скармливая» своего персонажа толпе, Боуи материализует мессианскую идею причастия, поскольку, соприкоснувшись с его плотью, поклонники становятся чуть более похожими на своего идола. Тем более уверенное сходство с причастием финалу истории о Зигги придает завершение «Чужака в чужой стране», которое может цитировать Боуи: в конце романа герои, самые приближенные ученики Майка, поедают его тело, чтобы сохранить с ним душевную связь, *грокк его во всей полноте* (Хайнлайн 1999: 581), в чем наблюдается аллюзия на причастие.

Намеренные переключки обоих произведений с легендой об Иисусе Христе намекают, что не спасение даже, а самопожертвование лежит в основе мессианского мифа в современной культуре. Предшествующая альбому о Зигги рок-опера «Иисус Христос — суперзвезда» (*Jesus Christ Superstar*, 1970) выражает обновившийся интерес к мессианизму в массовой культуре. Тим Райс и Эндрю Ллойд Уэббер, создатели оперы, помещают Иисуса Христа в современный культурный контекст, как пишет В. Сиропулос, «в современную медиавселенную, движимую истерией вокруг звезд» (Siropoulos 2010: 276). Иисус оказывается аналогом рок-звезды, при этом его образ существенно снижен по сравнению с библейскими текстами.

Исследование Сиропулоса ценно как объяснение культурного контекста 1960-х гг., породившего рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда» и «Взлет и падение Зигги Стардаста». Автор связывает рост интереса к христианству в контркультуре 1960-х с нарциссизмом контркультуры, практиками, связанными с «потерей индивидуальности через мистицизм, рок-н-рольные ритуалы», выражающие стремление «освободиться от материальных привязок и ограничений и объединиться с божественной внутренней самостью» (*ibid.*: 277). Это стремление к экстатической потере индивидуальности объединяет религиозные чувства представителей контркультуры 1960-х с восприятием рок-музыки и рок-культуры. Это выражается в идолизации рок-исполнителя и сакрализации рок-перформанса. Предвестником такого типа религиозного восприятия, выраженного многими рок-музыкантами пророческого типа, как раз был Р. Хайнлайн.

То, в каких категориях Сиропулос описывает рок-н-рольный ритуал, заметно переключается с описанием церковных ритуалов в романе Хайнлайна. Действие «Чужака в чужой стране» происходит после Третьей мировой войны. В этой футуристической вселенной нет одной доминирующей религии, а конфессии представлены различными религиозными фирмами и корпорациями, борющимися за влияние — они воплощают ложную веру, против которой выступает Майк. Одной из самых популяр-

ных церковей во вселенной романа является «Церковь Фостера» во главе с харизматичным лидером. Церковь приветствует всяческие формы удовольствия, настаивая на том, что Бог создал людей, чтобы те были счастливы. Их ритуальные церемония напоминают рок-концерты, доводящие прихожан до экстаза: *Змеиный танец втягивал в себя все большее число участников. Немногие оставшиеся сидеть аплодировали в такт и подпрыгивали на своих скамьях. Служители торопились, чтобы успеть поднять упавших, многие из которых — преимущественно женщины — корчились, изо рта у них шла пена* (Хайнлайн 1999: 334).

Хайнлайн предугадал истерию вокруг феномена рок-музыки и в некоторой мере повлиял на то, как контркультурная молодежь 1960-х воспринимала рок-концерты, перенося эмоцию религиозного экстаза на восприятие музыки. Создав собственную церковь, Майк перенимает эти катартические аспекты религиозной церемонии. Он становится мессией в футуристической, но все еще капиталистической реальности и поэтому использует аспекты «звездной» культуры для привлечения паствы. Используемые Майком стратегии перекликаются с тем, как действовал бы шоумен или рок-звезда. Как пишет Сиропулос, рок-звезды «наслаждались безумным поклонением, приведшим к почти буквальному обожествлению, которое повлияло на то, как рок-музыканты воспринимали себя», приводя в пример Джима Моррисона, превратившего концерты группы *The Doors* в «ритуалы очищения» (Siropoulos 2010: 276). Аудитория рок-концертов действительно наделяет происходящее на сцене сакральными характеристиками, и корни данного восприятия можно обнаружить в романе Хайнлайна, послужившем фундаментом для всей контркультуры 1960-х гг. Безусловно, это сопоставление развивается Боуи и манифестируется в «персоне» Зигги Стардаста, торжественно жертвующей собой в финале концертных выступлений.

4. Заключение

Доказано, что именно в фантастической прозе Р. Хайнлайна темы мессианства и популярной культуры впервые объединяются в той форме, которая служит основой для последующего мессианского нарратива в рок-поэзии. Дэвид Боуи, испытавший влияние культуры хиппи и крупного пласта научно-фантастической литературы, воплотил в своей поэтической «персоне» многие мессианские аспекты, присущие главному герою романа «Чужак в чужой стране». Боуи, снабдив «персону» инопланетного рокера Зигги Стардаста мессианским символизмом, обнажил свойственные своей эпохе переключки между рок-культурой и религиозностью.

Список источников / References

- Бакина А. Д. Библейские аллюзии через призму шекспировского наследия // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 77–88. [Bakina, Anna D. (2022) Biblejskie allyuzii cherez prizmu shekspirovskogo naslediya (Biblical Allusions and Their Functions in the Works of William Shakespeare). *LUNN Bulletin*, 3 (59), 77–88. (In Russian)].
- Лясков П. Ю. Литературная мистификация Андрея Макина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. Вып. 44. С. 122–130. [Lyaskov, Pavel Yu. (2018) Literaturnaya mistifikaciya Andrey a Makina (Literary Hoax by Andrey Makin). *LUNN Bulletin*, 44, 122–130. (In Russian)].
- Сергодеев И. В. Признак незамкнутости поэтического текста в интертекстуальном освещении (на примере стихотворения С. Плат *Pursuit*) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 46. С. 129–137. [Sergodeev, Ilya V. (2019) Priznak nezamknutosti poeticheskogo teksta v intertekstual'nom osveshchenii (na primere stihotvoreniya S. Plat *Pursuit*) (A Sign of Openness of the Poetic Text in Intertextual Illumination (On the Example of the Poem *Pursuit* by S. Plath)). *LUNN Bulletin*, 46, 129–137. (In Russian)].
- Тюлин Д. А. Британское поэтическое возрождение и поэзия Д. Боуи: точки соприкосновения // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 1 (57). С. 109–121. [Tyulin, Dmitry A. (2022) Britanskoe poeticheskoe vozrozhdenie i poeziya D. Boui: tochki soprikosnoveniya (British Poetry Revival and D. Bowie's Poetry: Points of Contact). *LUNN Bulletin*, 1 (57), 109–121. (In Russian)].
- Хайнлайн Р. Э. Чужак в чужой стране / пер. с англ. В. Ковалевского, Н. Штуцер. М.: Эксмо-Пресс, 1999. [Heinlein, Robert A. (1999) *Chuzhak v chuzhoy strane* (Stranger in a Strange Land). In Kovalevsky, Vladimir, & Shtutser, Nina. (trans.) Moscow: Eksmo-Press. (In Russian)].
- Bowie, David. (1969) *David Bowie [Space Oddity]*. Philips.
- Bowie, David. (1972) *The Rise and Fall of Ziggy Stardust & the Spiders from Mars*. RCA.
- Bowie, David. (2016) *David Bowie: The Last Interview*. Hoboken, New Jersey: Melville House.
- Box, George H. (1917) *The Interpretation of the Vision (XIII. 32.13). Apocalypse of Ezra (II Esdras III-XIV)*. London: Society for Promoting Christian Knowledge.
- Copetas, Craig. (1974) (2023, August 7) Beat Godfather Meets Glitter Mainman: William Burroughs Interviews David Bowie. *Rolling Stone*. Retrieved from: <https://www.rollingstone.com/feature/beat-godfather-meets-glitter-mainman-william-burroughs-interviews-david-bowie-92508/>.
- Cusack, Carole. (2009) Science Fiction as Scripture: Robert A. Heinlein's Stranger in a Strange Land and the Church of All Worlds. *Literature & Aesthetics*, Vol. 19, 2, 72-91.
- Hale, Grace Elizabeth. (2014) *A Nation of Outsiders: How the White Middle Class Fell in Love with Rebellion in Postwar America*. London: Oxford University Press.
- Heer, Jeet. (2014) (2023, August 7) A Famous Science Fiction Writer's Descent Into Libertarian Madness. *The New Republic*. Retrieved from: <https://newrepublic.com/article/118048/william-pattersons-robert-heinlein-biography-hagiography>.

- Heller, Jason. (2018) *Strange Stars: David Bowie, Pop Music, and the Decade Sci-fi Exploded*. Hoboken, New Jersey: Melville House.
- Horbury, William. (1998) *Jewish Messianism and the Cult of Christ*. London: SCM Press.
- Post, Stephen G. (1990) *A Theory of Agape: On the Meaning of Christian Love*. Lewisbourg, Pennsylvania: Bucknell University Press.
- Siropoulos, Vagelis. (2010) Andrew Lloyd Webber and the Culture of Narcissism. *Studies in Musical Theatre*, 4 (3), 273–291.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 372.881.111.22

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-152-172

РАЗВИТИЕ ГИБКИХ НАВЫКОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ С ПОМОЩЬЮ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ И ИХ ОЦЕНКА

Л. В. Гусева¹, М. В. Лебедева², А. Н. Садиева³

^{1, 3}Нижегородский государственный педагогический университет имени
Козьмы Минина, Нижний Новгород, Россия

²Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Гибкие навыки играют особую роль в деятельности современных преподавателей иностранных языков, и их совершенствованию могут способствовать не только традиционные ресурсы и возможности образования, но и электронные образовательные ресурсы, в частности лингвистические онлайн-платформы. В статье описываются ключевые мягкие навыки, овладение которыми необходимо для успешной профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка, а также проводится анализ российской лингвистической образовательной платформы ProgressMe, преимущества и функции которой могут помочь успешно развивать данные навыки. Эта платформа является примером эффективной и современной площадки для обучения иностранным языкам, которая способна значительно улучшить такие значимые для современного преподавателя soft skills, как коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект, навыки креативности и критического мышления, ориентированного на решение задач, навыки планирования, адаптивности и самоорганизации. Результаты обобщения представленных возможностей данного образовательного интернет-ресурса представлены в виде таблицы. Одними из эффективных инструментов для изучения динамики улучшения владения определенными гибкими навыками являются ситуационные тесты и анкетирование. Проанализировав возможные ситуации, которые могут способствовать развитию того или иного гибкого навыка, мы представили в статье варианты учебных ситуаций для преподавателей, ответы на которые помогут оценить уровень развития определенного навыка в зависимости от того, какие компетенции в них демонстрируются и оцениваются. Другим способом определения уровня развития мягких навыков у преподавателей иностранных языков может служить опросник, состоящий из вопросов, связанных с определенными группами ключевых гибких навыков, которые педагоги ино-

иностранных языков могут развить, используя платформу ProgressMe. Данная анкета была составлена на основе теста самооценки ключевых компетенций проекта «Лаборатория компетенций Soft Skills». Варианты вопросов в ситуационном тесте и анкете, а также критерии измерения группы мягких навыков представлены в виде таблиц и будут использованы в следующем этапе нашего исследования — апробации данных диагностических инструментов для изучения динамики улучшения владения определенными гибкими навыками у преподавателей иностранных языков в процессе использования лингвистической образовательной платформы ProgressMe.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам; гибкие навыки; информационно-коммуникационные технологии; онлайн-платформа; ситуационные тесты; лингвистическая образовательная платформа.

Цитирование: Гусева Л. В., Лебедева М. В., Садиева А. Н. Развитие гибких навыков преподавателей иностранных языков с помощью отечественных лингвистических онлайн-платформ и их оценка // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 3 (63). С. 152–172.

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-152-172.

Developing Flexible Skills of Foreign Language Teachers with the Help of Russian Online Linguistic Platforms, and Assessment of These Platforms

Lyudmila V. Guseva¹, Marina V. Lebedeva², Anna N. Sadieva³

^{1,3}Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia

²N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Soft skills play a special role in the activities of modern teachers of foreign languages, and their improvement can be facilitated not only by traditional resources and educational opportunities, but also by electronic educational resources, in particular, online language learning platforms. This article describes the key soft skills, the mastery of which is necessary for the successful professional activity of a teacher of a foreign language, and also analyzes the Russian linguistic educational platform ProgressMe, the advantages and functions of which can help to successfully develop these skills. This platform is an example of an effective and modern platform for teaching foreign languages, which can significantly improve such important soft skills for a modern teacher as communication skills, emotional intelligence, creativity and critical thinking skills focused on problem solving, planning skills, adaptability, and self-organization. The results of summarizing the presented possibilities of this educational Internet resource are presented in the form of a table. One effective tool for studying the dynamics of improving the possession of certain soft skills are situational tests and questionnaires. After analyzing the possible situations that may contribute to the development of a particular flexible skill, in the article we present options for training situations for teachers, the answers to which will help assess the level of development of a particular skill, depending on what competencies are demonstrated and evaluated. Another way to determine the level of development of soft skills in teachers of foreign languages can be a questionnaire consisting of questions related to certain groups of key soft skills that foreign language teachers can develop using the ProgressMe platform. This survey was compiled on the basis of the self-assessment test of key competencies of the SOFT SKILLS Laboratory. Question options in the situational test and questionnaire, as well as the criteria for measuring the “soft skills”

group, are presented in relevant tables and will be used in the next stage of our study — using these diagnostic tools to study the dynamics of improving the knowledge of certain soft skills among teachers of foreign languages while using the linguistic educational platform ProgressMe.

Key words: teaching foreign languages; soft skills; information and communication technologies; online platform; situational tests; linguistic educational platform.

Citation: Guseva, Lyudmila V., Lebedeva, Marina V., Sadiyeva, Anna N. (2023) Developing Flexible Skills of Foreign Language Teachers with the Help of Russian Online Linguistic Platforms, and Assessment of These Platforms. *LUNN Bulletin*, 3 (63), 152–172.

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-152-172.

1. Введение

В 2022/23 учебном году в силу вступили новые ФГОС III поколения, в которых присутствуют навыки, относимые к гибким навыкам. Данное изменение продиктовано тем, что в современных условиях актуальность и значимость мягких / гибких навыков (*soft skills*) в деятельности педагога повышается с каждым днем. Концепция *soft skills* активно разрабатывается в педагогической науке с начала 2000-х гг., в последние десятилетия принимаются различные государственные программы, направленные на внедрение *soft skills* в образовательные стандарты, учебные планы образовательных организаций различного уровня (Казанцева 2021).

Это доказывает, что эффективность современного человека в профессиональной деятельности зависит не только от уровня знаний и базовых профессиональных навыков, но и от других ключевых умений личности XXI века, к которым Т. Я. Яркова и И. И. Черкасова относят «критичный характер мышления и активность; открытость всему новому и умение в нем ориентироваться; коммуникативные навыки; умение находить и обрабатывать информацию; желание и стремление постоянно самосовершенствоваться и др.» (Яркова, Черкасова 2016: 223).

Эффективная реализация собственных компетенций для достижения результата становится особенно актуальной для современных преподавателей иностранных языков. Определенные личные качества, непрофессиональные и приобретенные навыки — все это является составляющими большой группы мягких навыков, которые влияют на эффективность деятельности педагога. Преподавателю иностранного языка сегодня недостаточно иметь компетенции, которые напрямую связаны только со знанием преподаваемого языка в условиях модернизации современного образования, а значит, изменения подходов к образованию в целом (Sorokovykh, Staritsyna, Abdulmyanova 2022).

Пандемия *COVID-19* и внедрение информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс через дистан-

ционное обучение иностранным языкам привели к тому, что электронные образовательные ресурсы стали одним из ключевых элементов современного образования (Чичерина, Чичерина 2021). В настоящее время «цифровые средства дают возможность индивидуализировать учебный процесс, стимулировать обучающихся к самостоятельному изучению иностранного языка, предлагают широкий спектр дифференцированных вариантов цифровых продуктов, а также дают возможность апробировать новые формы совместной работы внутри и за пределами аудитории» (Гусева, Плисов 2020: 63). Более того, мы считаем, что технические возможности таких интернет-ресурсов и платформ могут позволить преподавателям иностранных языков успешно совершенствовать мягкие навыки и подстраивать их под изменяющие условия с применением технологий (Лукманова, Валяева 2022). В данной статье описан опыт использования одного из таких ресурсов — российской лингвистической образовательной платформы *ProgressMe* (Лингвистическая платформа нового поколения ProgressMe, 05.03.2023).

Единого подхода к классификации *soft skills* не существует, а их совершенствование — важная задача, выполнению которой могут способствовать не только традиционные ресурсы и возможности образования, но и инструменты электронного (дистанционного) обучения, использование которых становится все более актуальным и востребованным. Ввиду данных обстоятельств возникает вопрос об определении ключевых гибких навыков для успешного профессионального развития преподавателей иностранных языков и возможности измерения уровня владения мягкими навыками. Цель нашего исследования — определить, каким образом возможно измерить уровень владения преподавателей иностранных языков *soft skills* в процессе использования российской лингвистической образовательной платформы *ProgressMe*. Цель определила основные задачи исследования: изучить опыт отечественных и зарубежных авторов и подходы к пониманию концепции *soft skills*; выделить ключевые гибкие навыки, овладение которыми необходимо для успешной профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка; рассмотреть возможности лингвистической образовательной платформы *ProgressMe* для развития гибких навыков у преподавателей иностранных языков; изучить ситуационные тесты и анкетирование как инструменты определения уровня развития гибких навыков у преподавателей иностранных языков; определить критерии развития мягких навыков у преподавателей иностранных языков в процессе оценки использования ситуационных тестов и анкетирования.

2. Характеристика материалов и методов исследования

Несмотря на популярность термина *soft skills*, единого подхода к пониманию данной концепции в отечественной и зарубежной науке не существует. Среди исследований по данной тематике мы выделяем и соглашаемся с точкой зрения Л. К. Раицкой и Е. В. Тихоновой, которые определяют *soft skills* как «совокупность непрофессиональных навыков, качеств и атрибутов личности, востребованных на рынке труда для эффективной реализации профессиональных компетенций» (Раицкая, Тихонова 2018: 359).

Мы рассмотрели подходы других авторов к пониманию *soft skills*. Так, Л. К. Сальная при определении понятия *soft skills* говорит о сочетании «эмоционального интеллекта, коммуникативной компетенции, позволяющих специалисту добиться профессионального успеха» (Сальная 2016: 334). Также она делает акцент на том, что *soft skills* помогают человеку эффективно справляться с возникающими на рабочем месте ситуациями, а также расширяют область его трудоустройства.

С. Н. Бацунов исследует *soft skills* в плоскости системы психолого-педагогических оценок личности в процессе интеграции с системой «клиповых возможностей» и подразделяет мягкие навыки на 4 группы: базовые коммуникативные навыки, или коммуникативная грамотность, навыки *self*-менеджмента, навыки эффективного мышления и управления, которые развивают личностный коммуникативный потенциал в процессе взаимодействия со-знания, со-переживания и со-творчества (Бацунов, Дереча, Кунгурова, Слизкова 2018).

Для некоторых авторов, например О. Сосницкой, *soft skills* — это не качества и навыки, присущие определенным профессиям, а таланты, которые можно определить как общечеловеческие. По мнению автора, такие коммуникативные и управленческие таланты включают «умение убеждать, лидировать, управлять, делать презентации, находить нужный подход к людям, способность разрешать конфликтные ситуации, ораторское искусство» (Сосницкая 2012).

Что касается зарубежных авторов, Л. Н. Lippman, R. Ryberg, R. Carney, A. Kristin исследуют *soft skills* через более обширную совокупность компонентов личности. К таким компонентам они относят широкий набор навыков, компетенций, форм поведения, установок, личных качеств, которые позволяют людям эффективно ориентироваться в их среде, в работе с другими, эффективно выполнять свою работу, а также достигать своих целей. Отмечается также тот факт, что мягкие навыки дополняют другие навыки (технические, академические и карьерные), поэтому широко применяются в профессиональной среде (Lippman, Ryberg, Carney, Kristin 2015).

К. N. Tang, Н. Н. Nor и М. Y. Hashimah полагают, что овладение *soft skills* является залогом высокой производительности труда, в особенности для педагогов, так как помогает им сохранять внутреннее равновесие. По мнению авторов, сложный характер содержания мягких навыков, в которые входят такие неакадемические навыки, как критическое мышление, работа в команде, непрерывное обучение и самообучение, этические и профессиональные моральные навыки, а также лидерские качества, определяет необходимость овладения ими. Большая ответственность при этом лежит на педагогах, которые должны способствовать формированию и реализации данных компетенций не только у обучающихся, но и в процессе собственной профессиональной деятельности (Tang, Nor, Hashimah 2015).

Таким образом, несмотря на отсутствие единого подхода к пониманию данной концепции в отечественной и зарубежной науке, гибкие навыки играют особую роль в профессиональной деятельности, так как помогают не только педагогам, но и представителям других профессий находить эффективные решения в рабочих ситуациях, тем самым повышая производительность труда.

3. Методологическая база исследования

Итак, проанализировав исследования таких зарубежных и отечественных методистов, как L. N. Lippman, К. N. Tang, Н. Н. Nor, Л. К. Сальная, С. Н. Бацунов, Л. К. Раицкая, мы пришли к выводу, что можно выделить несколько ключевых навыков группы *soft skills*, овладение которыми необходимо для успешной профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка (Tang, Nor, Hashimah 2015; Lippman, Ryberg, Carney, Kristin 2015; Сальная 2016; Бацунов, Дереча, Кунгурова, Слизкова 2018; Раицкая, Тихонова 2018):

1) учебная мотивация — умение создать благоприятную образовательную среду, включающую актуальный и интересный языковой и речевой материал, эффективные интерактивные формы отработки этого материала и средства мотивации учеников для достижения целей;

2) креативность (*creativity*) — способность генерировать новые нестандартные идеи, а также находить альтернативные решения в различных учебных ситуациях;

3) критическое мышление, ориентированное на решение задач (*critical thinking + problem solving*) — умение рассмотреть проблемную учебную ситуацию с разных сторон и самостоятельно найти наиболее эффективные пути решения с помощью доступных инструментов;

4) кооперативность, способность к сотрудничеству (*cooperation / collaboration*) — способность вести совместную работу с уче-

никами и другими преподавателями, в том числе в роли лидера и в роли участника, а также умение принимать ответственность или делегировать ее;

5) самоорганизация (*self-management*) — способность преподавателя грамотно распределять свое рабочее время и рефлексивно относиться к своей деятельности, мобилизовать себя на выполнение задач, когда это необходимо;

6) планирование / тайм-менеджмент (*planning / time management skills*) — умение преподавателя планировать не только собственное время, но и время урока, логично организовать этапы урока;

7) коммуникация (*effective communication*) — навык, связанный с умением находить подход к коллегам и ученикам, решать конфликтные ситуации;

8) гибкость / адаптивность (*adaptability*) — способность управлять ситуацией, в том числе в экстремальных, быстро меняющихся условиях в рамках урока и системы образования в целом;

9) умение эффективно давать и принимать обратную связь (*giving and receiving constructive feedback*) — четкая и целенаправленная обратная связь от преподавателя влияет на прогресс ученика, так как позволяет понять, задействовать или разработать эффективные стратегии обработки информации в изучении иностранного языка;

10) культурная грамотность (*cultural awareness*) — осведомленность о культурных различиях страны изучаемого языка и умение передать эти знания ученикам;

11) эмоциональный интеллект (*emotional intelligence, EQ*) — способность преподавателя распознавать свои и чужие эмоции, намерения, а также умение управлять своими эмоциями для решения конкретных задач;

12) навык (само-) презентации (*presentation skills*) — навык удержания и управления вниманием с целью представить необходимую информацию на уроках, убедить или донести личностные смыслы.

Указанные выше неакадемические навыки, среди которых «...знание и оперирование культурными фактами народов, говорящих на данном языке, культурно-историческими ценностями того или иного народа, умение преподавать языки в разных образовательных средах, составляют для личности преподавателя серьезную научную основу его педагогической, методической и социально-общественной деятельности» (Шамов, Ким 2020).

Мы считаем, что данные гибкие навыки, которые играют особую роль в деятельности современных преподавателей иностранных языков, можно развить в процессе использования одной из лингвистических образовательных платформ — *ProgressMe*.

ProgressMe — российская лингвистическая образовательная платформа, которая позволяет частным преподавателям, языковым школам и авторам онлайн-курсов создавать учебно-методические материалы онлайн для обучения иностранным языкам и организовывать интерактивное обучение. Далее мы рассмотрим преимущества и функции данной платформы, которые могут помочь современным педагогам успешно развивать ключевые *soft skills*, необходимые для решения общих профессиональных и метапрофессиональных задач в современных условиях образования и обучения.

Прежде всего, хорошо продуманный и стильный интерфейс, технические возможности данной платформы, включая наличие более 30 вариантов упражнений, позволяют создавать интерактивные задания и дополнять их авторским дизайном, что значительно повышает не только учебную мотивацию обучающихся, но и один из современных *soft skills* преподавателя, связанный с мотивацией учеников. Кроме того, возможность преподавателя создать авторский курс с уникальным наполнением в соответствии с нуждами и запросами обучающихся и наличие виртуальной доски развивают креативность преподавателя, который может таким образом воплотить свои идеи и внедрить их в уроки.

Конструктор заданий достаточно прост в использовании и не отнимает много времени на разработку упражнений, что позволяет преподавателю продумывать этапы урока и делать необходимые заметки в процессе занятия. В личном кабинете присутствует функция расписания, где можно фиксировать проведенные или отмененные занятия, а также курсы и мероприятия, в которых преподаватель принимает участие в роли ученика. Использование данных элементов может способствовать развитию навыков самоорганизации и тайм-менеджмента. Более того, в конструктор заданий встроена функция легкого и быстрого внедрения в урок необходимого материала, созданного преподавателем самостоятельно или взятого с других ресурсов, если появилась такая необходимость. Данная функция напрямую связана с развитием навыка адаптивности к изменяющимся условиям. Гибкость преподавателя проявляется также через использование другого преимущества *ProgressMe*: с платформой возможно работать с разных устройств (персональные компьютеры, телефоны, планшеты) и обеспечить доступ к занятиям из любой точки мира.

Важно отметить, что наличие вспомогательных инструментов, которые являются необходимыми компонентами урока иностранного языка (онлайн-переводчик, личный онлайн-словарь для записи новых слов), помогает самостоятельно найти наиболее эффективные пути решения той или иной учебной задачи (навык критического мышления, ориентированного на решение задач). Данный навык преподаватель значительно улуч-

шает, отбирая необходимые для проведения занятий аутентичные и разработанные другими российскими коллегами и носителями языка материалы в общем банке уроков.

Разработчики данной лингвистической платформы перевели в интерактивный формат учебники по школьной программе, материалы для подготовки к экзаменам, по общему английскому и грамматике. Большой выбор готовых материалов для обучения, возможность делиться собственными разработками, а также возможность посещать вебинары других преподавателей позволяет обмениваться опытом и знаниями, а значит, улучшать навыки кооперативности и эффективной коммуникации (встроенная видеосвязь и чат платформы также способствуют развитию данного умения). Если вебинары и курсы напрямую связаны с культурой изучаемого языка, процесс повышения культурной грамотности становится более комфортным и эффективным. Создание собственного онлайн-курса, в котором преподаватель может разместить видео, записанные им для объяснения материала, способствует совершенствованию навыков презентации и самопрезентации.

Отдельно стоит отметить инструменты, позволяющие давать эффективную обратную связь. Кроме встроенной видеосвязи платформа предполагает синхронное обучение, которое создает ощущение пребывания в традиционном классе, и автоматическую проверку заданий. Инструмент исправления преподавателем сообщений в чате от обучающихся и возможность смотреть истории ответов учеников позволяют давать четкую и целенаправленную обратную связь, которая влияет на прогресс ученика.

Все вышеперечисленные достоинства и преимущества лингвистической платформы *ProgressMe* положительно влияют на способность преподавателя распознавать эмоции, намерения и мотивацию обучающихся, а также управлять собственными эмоциями для решения учебных задач. Данные способности входят в понятие «эмоциональный интеллект», который является ключевым навыком современного педагога для эффективно-го взаимодействия с участниками образовательного процесса.

Проанализировав элементы лингвистической образовательной платформы *ProgressMe* для удобного и эффективного проведения онлайн-обучения, а также развития гибких навыков у современных преподавателей иностранных языков, мы составили таблицу в качестве инструмента обобщения вышеперечисленных возможностей данного образовательного интернет-ресурса (см. Табл. 1).

Таблица 1. Элементы лингвистической образовательной платформы *ProgressMe*, способствующие развитию *soft skills* у современных преподавателей иностранных языков

Элементы платформы	<i>Soft skills</i> , которые можно развить, используя данный элемент
продуманный и стильный интерфейс, интерактивные материалы на платформе с авторским дизайном	Учебная мотивация (<i>student motivation</i>)
– наличие вспомогательных инструментов, которые являются необходимыми компонентами урока иностранного языка (онлайн-переводчик, личный онлайн-словарь для записи новых слов); – наличие общего банка материалов, где преподаватель может отобрать нужные разработки для занятия	Критическое мышление, ориентированное на решение задач (<i>critical thinking + problem solving</i>)
– технические возможности конструктора заданий для разработки отдельных этапов урока; – функция расписания в личном кабинете; – возможность делать необходимые заметки в процессе занятия	Самоорганизация и планирование (<i>self-management + time management</i>)
– возможности конструктора заданий легко и быстро внедрять нужный материал в том числе со сторонних ресурсов; – возможность работать на платформе с различных устройств	Гибкость / адаптивность (<i>adaptability</i>)
возможность делиться собственными разработками и посещать вебинары других преподавателей с целью обмена опытом	Способность к сотрудничеству (<i>collaboration / cooperation</i>)
– возможность создания собственных авторских материалов, в том числе авторского курса с уникальным наполнением; – наличие виртуальной доски	Креативность (<i>creativity</i>)
– встроенная видеосвязь и чат; – возможность обратной связи с другими преподавателями в процессе участия в вебинарах и курсах	Эффективная коммуникация (<i>effective communication</i>)
– синхронное обучение; – возможность конструировать, отправлять для выполнения и автоматически проверять домашние задания; – инструмент исправления написанных	Умение давать и принимать обратную связь (<i>giving and receiving constructive feedback</i>)

Элементы платформы	<i>Soft skills</i> , которые можно развить, используя данный элемент
учениками слов / предложений в чате; – возможность просмотреть истории ответов ученика	
наличие вебинаров про культуру изучаемого языка в общем банке материалов платформы	Культурная грамотность (<i>cultural awareness</i>)
возможность создания авторского курса с размещением видео	Навыки (само-) презентации (<i>presentation skills</i>)
все вышеперечисленные элементы лингвистической образовательной платформы	Эмоциональный интеллект (<i>emotional intelligence</i>)

Таким образом, лингвистическая образовательная платформа *ProgressMe* является примером эффективной и современной площадки для обучения иностранным языкам, которая способна значительно улучшить такие значимые для современного преподавателя иностранных языков *soft skills*, как коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект, навыки креативности и критического мышления, ориентированного на решение задач, навыки планирования, адаптивности и самоорганизации. Эффективность использования данных возможностей платформы для развития *soft skills* может быть измерена с помощью ситуационных тестов и анкетирования для группы преподавателей до и после использования платформы.

4. Результаты исследования и их обсуждение

Рассматривая процесс развития и оценивания уровня гибких навыков у группы преподавателей иностранных языков, мы пришли к выводу, что одними из эффективных инструментов для изучения динамики улучшения владения определенными гибкими навыками являются ситуационные тесты и анкетирование. Несмотря на то, что оба варианта оценивания достаточно субъективны, они могут помочь оценить уровень владения гибкими навыками с двух сторон: самостоятельно и с учетом применения навыков в разных ситуациях с участием других людей.

Проанализировав возможные ситуации, которые могут способствовать развитию того или иного гибкого навыка, в ситуационном тесте мы предлагаем следующие варианты кейсов для преподавателей, ответы на которые помогут оценить уровень развития определенного навыка в зависимости от того, какие компетенции в них демонстрируются и оцениваются. Для решения ситуации нужно будет задействовать несколько навыков. В зависимости от того, сколько навыков будет включено в предложенное преподавателем решение, будет происходить расчет баллов (за каждый ис-

пользуемый навык — 1 балл), которые затем могут использоваться для определения критериев и уровня развития мягких навыков (высокий, выше среднего, средний, ниже среднего, низкий). Ситуации и возможные решения ситуаций с использованием навыков представлены в Табл. 2. Акцент делается на способности преподавателя правильно оценивать ситуацию и решать ее, а также методах, которые будут использованы, поэтому единственного правильного варианта ответа нет.

Таблица 2. Вопросы-кейсы для ситуационного теста с целью оценки уровня развития *soft skills* у преподавателя иностранных языков

Ситуация	Гибкие навыки, которые можно использовать для решения данной ситуации, и возможные примеры решения
<p>1. Учащийся имеет очень хорошую память и может легко запоминать любые тексты, песни, информацию. Во время проведения праздников он не только выполняет отведенную ему роль, но и суфлирует роли остальных детей. Поэтому мешает остальным проявить себя. Как можно решить данную проблему?</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Эффективная коммуникация — учащемуся предлагается «официальная» роль суфлера. Если кто-то не помнит свою речь, то необходимо помочь ему подсказкой. – Эмоциональный интеллект и умение давать эффективную обратную связь — до мероприятия можно провести беседу на тему «Как должен вести себя настоящий артист». – Учебная мотивация — заинтересованность учащегося чем-то другим (кружковая работа). – Способность к сотрудничеству — провести работу с родителями. Узнать, каково их отношение к такому поведению их ребенка.
<p>2. Представьте, что перед началом занятия / во время занятия интерактивная доска перестает работать, а визуальные материалы для проведения урока у Вас в виде презентации, которую теперь показать проблематично. Как поступите в данной ситуации?</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Креативность — использовать обычную доску / свои собственные разработки для визуальной части занятия. – Гибкость / адаптивность — перестроиться и использовать другие материалы или устройства (телефоны учеников). – Критическое мышление, ориентированное на решение задач — использовать имеющиеся ресурсы (УМК, окружающее пространство) для наглядного объяснения. – Самоорганизация и планирование — заранее, до проведения занятия, разработать план Б на случай подобных ситуаций. – Навык самопрезентации — объяснить тему без использования дополнительного визуального материала.
<p>3. С первой минуты урока под-росток на Вашем занятии начи-</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Эффективная коммуникация и умение давать обратную связь — найти способ сделать замечание

Ситуация	Гибкие навыки, которые можно использовать для решения данной ситуации, и возможные примеры решения
<p>нает отбивать такт какой-то мелодии, мешая проводить занятие. Вы делаете замечание, но это не помогает. В классе начали смеяться. Урок может быть сорван. Ваши действия?</p>	<p>эффективно. – Навыки самопрезентации и культурная грамотность — продолжить вести свое занятие далее по плану, рассчитывая, что учащийся перестанет стучать по парте без реакции педагога, а остальные обучающиеся будут погружены в процессе изучения. – Способность к сотрудничеству — обратиться за помощью к коллегам.</p>
<p>4. На перемене двое учеников, мальчик и девочка, громко спорят. Подойдя к ним, Вы узнаете, что мальчик разбил новый плеер девочки, который она принесла в школу. Мальчик уверяет, что это вышло случайно. А девочка требует деньги за разбитую вещь или же новый плеер. Как Вы можете решить данную ситуацию?</p>	<p>– Способность к сотрудничеству — склонить учащихся к примирению без всяких условий и компенсаций. Но если такой вариант не устраивает родителей девочки, то следует поговорить с родителями обоих учеников. – Эффективная коммуникация — помочь найти решение проблемы, которое удовлетворяло бы их обоих. Например, постараться найти того, кто смог бы починить плеер. – Эмоциональный интеллект — доверительно поговорить с обоими учениками, убедить их в том, что лучше выяснять отношения спокойно, а не затевая спор.</p>
<p>5. У Вас есть несколько надвигающихся дедлайнов, как Вы (в большинстве случаев) расставите приоритеты в своей работе?</p>	<p>– Самоорганизация и планирование для правильного распределения времени на задачи. – Гибкость и адаптивность — умение подстроиться и расставить приоритеты в зависимости от задачи. – Способность к сотрудничеству — попросить помощи у коллег и делегировать задачи, если это возможно.</p>
<p>6. Учащийся разочарован своими учебными успехами, сомневается в своих способностях и в том, что ему когда-либо удастся как следует понять и усвоить материал, и говорит Вам: «Как Вы думаете, удастся ли мне когда-нибудь учиться на отлично и не отставать от остальных ребят в классе?» Как Вы поступите?</p>	<p>– Учебная мотивация — поощрить учащегося к разным формам обучения, которые могут быть эффективны. – Самоорганизация и планирование — дать советы по грамотному планированию времени и распределению нагрузки. – Эффективная коммуникация и эмоциональный интеллект. – Умение давать эффективную обратную связь — указать учащемуся на слабые места, над которыми ему стоит поработать, и предложить варианты решения проблемы.</p>
<p>7. Вы неоднократно исправляете у обучающихся ошибку, свя-</p>	<p>– Культурная грамотность — найти еще больше фактов, связанных с данной темой, для предотвра-</p>

Ситуация	Гибкие навыки, которые можно использовать для решения данной ситуации, и возможные примеры решения
<p>занную с культурой изучаемого языка, но через несколько занятий выясняется, что Вы думали ошибочно. Что Вы сделаете, если: а) учащиеся заметили это и поняли, что Вы ошиблись; б) учащиеся не знают, что Вы исправляли их неправильно?</p>	<p>шения подобных ситуаций. – Умение принимать обратную связь — признать ошибку. – Креативность — найти способ креативно указать учащимся на правильный ответ.</p>
<p>8. Вы даете учащемуся задание, но он не хочет его выполнять, объясняя свое нежелание скучным форматом задания и отсутствием прогресса после занятий в принципе. Как Вы отреагируете?</p>	<p>– Учебная мотивация — предложить интерактивные варианты выполнения заданий. – Гибкость / адаптивность — определить актуальные потребности и цели в изучение для учащегося и подстроить формат / планы занятий. – Умение получать обратную связь — признать факт возможного отсутствия прогресса и реакцию ученика. – Эффективная коммуникация — совместно обсудить возможные решения данной проблемы.</p>
<p>9. Вы проводите занятие в форме семинара. Учащиеся высказывают противоречащие друг другу мнения. В результате класс разбивается на две подгруппы, одна из которых отстаивает явно ошибочную точку зрения. Можно ли найти выход из данной ситуации? Если да, то какой?</p>	<p>– Критическое мышление, ориентированное на решение задач и креативность — использовав приведенные аргументы, подвести подгруппу к правильному ответу. – Эффективная коммуникация и умение давать обратную связь — совместно обсудить возможные ошибочные мнения. – Самоорганизация и планирование — заранее, на стадии планирования, подготовить план Б, включающий работу над подобными ситуациями.</p>
<p>10. В Вашем присутствии один из обучающихся дал негативную оценку деятельности Вашего коллеги и другого преподавателя. Ваши действия?</p>	<p>– Эффективная коммуникация и эмоциональный интеллект — дать эффективную обратную связь, не включающую в себя обсуждение и поддержание негативной оценки. – Готовность к сотрудничеству — обсудить с коллегами данный вопрос. – Учебная мотивация — помочь найти аргументы для положительной оценки преподавателя.</p>
<p>11. Вы ведете урок, группа вовлечена в работу. В середине урока один из учащихся неожиданно встал и вышел из класса, хлопнув дверью.</p>	<p>– Гибкость / адаптивность — уделить время и обучающимся в классе, и ученику, который вышел из класса. – Эффективная коммуникация, умение давать эффективную обратную связь и эмоциональный ин-</p>

Ситуация	Гибкие навыки, которые можно использовать для решения данной ситуации, и возможные примеры решения
Ваши действия?	теллект — поговорить с учеником и выяснить причину данного поведения.
12. Вы собираетесь на занятие в класс, где присутствуют учащиеся с разным уровнем готовности к освоению новой темы. Как Вы планируете готовиться?	Все перечисленные выше навыки могут быть отражены при решении данной задачи.

Результатом анализа приведенных ситуаций, по нашему мнению, может стать следующая оценка уровня развития ключевых гибких навыков, необходимых преподавателю иностранных языков. Критерием оценки может служить количество набранных баллов. В зависимости от этого можно выделить следующие уровни развития гибких навыков:

- a) >37 баллов — высокий уровень развития *soft skills*;
- b) 31–37 баллов — уровень развития *soft skills* выше среднего;
- c) 21–30 баллов — средний уровень развития *soft skills*;
- d) 13–20 — уровень развития *soft skills* ниже среднего;
- e) <12 баллов — низкий уровень развития *soft skills*.

Стоит отметить, что для получения максимально объективных результатов подобный ситуационный тест следует проводить до использования преподавателями лингвистической образовательной платформы *ProgressMe* и спустя 6–8 месяцев ее использования. По нашему мнению, использование данной платформы должно способствовать нахождению других эффективных вариантов решения ситуаций.

Другим способом определения уровня развития мягких навыков у преподавателей иностранных языков может служить опросник, состоящий из вопросов, связанных с определенными группами ключевых гибких навыков, которые педагоги могут развить, используя платформу *ProgressMe*. Анкета была составлена на основе теста самооценки Лаборатории компетенций *Soft Skills* (Лаборатория компетенций *Soft Skills*, 09.04.2023). Определенное количество вопросов относятся к одному из гибких навыков: критическое мышление, креативность, коммуникация и эмоциональный интеллект, самоорганизация и планирование. Пример такого опросника представлен в Табл. 3.

Таблица 3. Тест на самооценку развития ключевых *soft skills* преподавателя иностранных языков

№	Утверждения	Практически никогда	Редко	Иногда	Часто	Практически всегда
1	Мне достаточно небольшого количества информации, чтобы сделать выводы и решить задачу.					
2	Обычно я разрабатываю план действий, чтобы достигнуть своих целей с учетом времени и других необходимых мне ресурсов.					
3	Я проверяю действиями свои представления о мире, убеждения и идеи.					
4	Я неосознанно ограничиваю область поиска решений задач проверенными вариантами.					
5	Я стараюсь выполнять всю работу сам, не передавая задачи другим.					
6	Я регулярно (раз в год / полгода) ставлю реалистичные цели для себя и мониторию прогресс до тех пор, пока их не достигну.					
7	При общении с людьми я обращаю внимание не только на то, что они говорят, но и как ведут себя при этом.					
8	Я умею говорить «нет», когда на мое время хотят претендовать другие, а мне необходимо выполнить более важные дела.					
9	Мне трудно прогнозировать то, как окружающие отреагируют на мои слова или действия.					
10	Когда мне говорят, что что-то «невозможно», я начинаю искать способы преодолеть ограничения.					
11	Я придерживаюсь плана в <i>to-do</i> -листе (составленном письменно или мысленно) на день / неделю в соответствии с приоритетностью задач. *если вы не составляете такие листы ни в каком виде, пропустите этот вопрос.					
12	Понимание причин эмоций помогает мне конструктивно взаимодействовать с агрессивно настроенными людьми.					
13	Я обычно продумываю план занятия до его проведения, иногда также включая запасной план.					
14	Я предлагаю сразу несколько решений задачи.					
15	Окружающие обращаются ко мне за реальной помощью в различных жизненных ситуациях.					

№	Утверждения	Практически никогда	Редко	Иногда	Часто	Практически всегда
16	В моем плане времени есть «окна», которые позволяют реагировать на актуальные проблемы (непредвиденные беседы с коллегами, администрацией, родителями).					
17	Я обращаюсь за конкретной помощью к окружающим, если самостоятельно не могу решить задачу.					
18	Я меняю свои представления и убеждения при наличии достоверных оснований.					
19	Окружающие меня люди подтверждают, что я точно понимаю их эмоции и состояния.					
20	Мне легко сознательно переключаться с одной содержательной темы общения на другую.					
21	Я не сразу заново приступаю к решению задачи после неудачной попытки, мне требуется время, чтобы прийти в себя.					
22	Я собираю базу уникальных идей, прогнозов будущего и открытий из различных областей (например, образования / методики и т. д.).					
23	Я различными способами проверяю достоверность новой информации.					
24	Я открыто принимаю аргументированную картину мира окружающих, даже если она не согласуется с моей.					
25	Мои действия помогают окружающим лучше понять их интересы и потребности.					
26	Люди, с которыми я работаю, получают от меня своевременную поддержку по рабочим вопросам (при этом я не откладываю собственные приоритетные дела).					
27	Я практикую упражнения для развития творческого подхода в решении задач из различных областей.					
28	Окружающие подчеркивают мой творческий подход к решению задач.					
29	Я использую при анализе проблемы различные подходы, включая междисциплинарные.					
30	Я четко понимаю свою роль при командном решении задачи.					
31	В моем плане дня / недели есть время для регуляр-					

№	Утверждения	Практически никогда	Редко	Иногда	Часто	Практически всегда
	ных занятий спортом / активным видом деятельности.					
32	Я самостоятельно отслеживаю последствия своих действий и делаю выводы об их эффективности.					

В результате оценки результатов теста, алгоритм подсчета к которому представлен в Табл. 4, также можно определить примерный уровень развития каждого из гибких навыков в зависимости от набранных баллов. Данное анкетирование также стоит проводить до использования преподавателями лингвистической образовательной платформы *ProgressMe* и спустя 6–8 месяцев ее использования, чтобы получить максимально объективные результаты на основе сравнения полученных результатов.

Таблица 4. Алгоритм оценки результатов теста на самооценку развития ключевых *soft skills* преподавателя иностранных языков

Вопросы 4, 5, 9, 21 оцениваются в баллах по убыванию: 54321, остальные вопросы по возрастанию: 12345								
	Компетенции	Номера утверждений					Итог	Уровень развития
1	Критическое мышление	1	3	10	18	21		a) > 29 баллов — высокий уровень развития <i>soft skills</i> ;
		24	32					
2	Креативность	4	14	20	22	27		b) 23–28 баллов — уровень развития <i>soft skills</i> выше среднего;
		28	29					
3	Эффективная коммуникация и эмоциональный интеллект	7	9	12	15	17		c) 17–22 баллов — средний уровень развития <i>soft skills</i> ;
		19	25					
4	Организация и планирование	2	5	6	8	11*		d) 12–25 баллов — уровень развития <i>soft skills</i> ниже среднего;
		16	26	31				
								e) <11 баллов — низкий уровень развития <i>soft skills</i> .

Следующим этапом в нашем исследовании является апробация данных диагностических инструментов для изучения динамики улучшения владения определенными гибкими навыками у преподавателей иностранных языков в процессе использования лингвистической образовательной платформы *ProgressMe*.

5. Заключение

Несмотря на то, что единого подхода к определению группы навыков *soft skills* в отечественной и зарубежной науке не существует, развитие определенных нами ключевых гибких навыков — важная задача для преподавателей иностранных языков, особенно в изменяющихся условиях современного образования. Данные навыки позволяют преподавателям эффективно выстраивать педагогический процесс и успешно находить решения различных ситуаций в профессиональной деятельности и за ее пределами.

Лингвистическая образовательная платформа *ProgressMe* является примером эффективной и современной площадки для обучения иностранным языкам, которая способна значительно улучшить такие значимые для современного преподавателя *soft skills*, как коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект, навыки креативности и критического мышления, ориентированного на решение задач, навыки планирования, адаптивности и самоорганизации.

Динамику развития и улучшения данных гибких навыков после использования платформы можно измерить такими инструментами, как ситуационные тесты и анкетирование. Представленные в статье варианты вопросов и критериев измерения группы мягких навыков будут использованы в следующем этапе нашего исследования — апробации данных диагностических инструментов для изучения динамики улучшения владения определенными гибкими навыками у преподавателей иностранных языков в процессе использования лингвистической образовательной платформы *ProgressMe*.

Список литературы / References

- Бацунов С. Н., Дереча И. И., Кунгурова И. М., Слизкова Е. В. Современные детерминанты развития *soft skills* // Концепт. 2018. № 4. С. 198–206. [Bacunov, Sergey N., Derecha, Irina I., Kungurova, Irina M., & Slizkova, Elena V. (2018) *Sovremennyye determinanty razvitiya soft skills* (Modern Determinants of Soft Skills Development). *Koncept*, 4, 198–206. (In Russian)].
- Гусева Л. В., Плисов Е. В. Вынужденная дигитализация языкового образования: проблемы освоения иностранного языка в электронной среде // Вестник Московско-

- го университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2020. № 4. С. 61–70. [Guseva, Lyudmila V., & Plisov, Evgeny V. (2020) Vynuzhdenaya digitalizaciya yazykovogo obrazovaniya: problemy osvoeniya inostrannogo yazyka v elektronnoj srede (Forced Digitalization of Language Education: Problems of Mastering a Foreign Language in an Electronic Environment). *MSU Vestnik. Series 20. Education*, 4, 61–70. (In Russian)].
- Казанцева А. Н. Возможности использования лингвистической образовательной платформы Progress.me для обучения добровольцев иностранному языку // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2021. №17. С. 30–36. [Kazanceva, Angelina N. (2021) Vozmozhnosti ispol'zovaniya lingvisticheskoy obrazovatel'noj platformy Progress.me dlya obucheniya dobrovol'cev inostrannomu yazyku (Opportunities to use the Linguistic Educational Platform Progress.me to Teach Volunteers a Foreign Language). *Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* (Issues of Romance and Germanic Philology, Pedagogy, and Methods of Teaching Foreign Languages), 17, 30–36. (In Russian)].
- Лаборатория компетенций Soft Skills: официальный сайт — Ростов-на-Дону, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://softskills.sfedu.ru/> (дата обращения: 09.04.2023) [Laboratoriya kompetencij Soft Skills (Soft Skills Competence Lab: official website) (2023, April 09). Retrieved from <http://softskills.sfedu.ru/>. (In Russian)].
- Лингвистическая платформа нового поколения ProgressMe [Электронный ресурс]. URL: <https://progressme.ru/> (дата обращения: 05.03.2023) [Lingvisticheskaya platforma novogo pokoleniya ProgressMe (New Generation Language Platform ProgressMe: official website) (2023, March 05). Retrieved from <https://progressme.ru/>. (In Russian)].
- Лукманова О. Б., Валяева Н. Ю. Потенциал использования платформы Flipgrid для формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов бакалавриата (из опыта работы кафедры английского языка и профессиональной коммуникации НГЛУ им. Н. А. Добролюбова) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 141–157. [Lukmanova Olga B., & Valyaeva, Nadezhda Yu. (2022) Potencial ispol'zovaniya platformy Flipgrid dlya formirovaniya inoyazychnoj kommunikativnoj kompetencii studentov bakalavriata (iz opyta raboty kafedry anglijskogo yazyka i professional'noj kommunikacii NGLU im. N. A. Dobrolyubova) (The Potential of Using the Flipgrid Platform for the Formation of Foreign Language Communicative Competence of Undergraduate Students). *LUNN Bulletin*, 2 (58), 141–157. (In Russian)]. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-141-157.
- Раицкая Л. К., Тихонова Е. В. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 350–363. [Raickaya Liliya K., & Tihonova, Elena V. (2018) Soft skills v predstavlenii prepodavatelej i studentov rossijskih universitetov v kontekste mirovogo opyta (Soft Skills in the Representation of Teachers and Students of Russian Universities in the Context of World Experience). *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, Vol. 15, 3, 350–363. (In Russian)].
- Сальная Л. К. Soft skills в компетентностной модели выпускника вуза // Наука. Образование. Культура. Вклад молодых исследователей: Сборник статей по материалам

- III Международной научной конференции преподавателей, молодых ученых, аспирантов и студентов вузов. Новочеркасск: НПИ имени М. И. Платова, 2016. С. 331–334. [Sal'naya, Leyla K. (2016) Soft skills v kompetentnostnoj modeli vypusknika vuza (Soft Skills in the Competence Model of a University Graduate). In *Nauka. Obrazovaniye. Kul'tura. Vklad molodykh issledovateley: Sbornik statey po materialam III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii преподавателей, molodykh uchennykh, aspirantov i studentov vuza* (Science. Education. Culture. A Contribution of Young Scholars: Proceedings of the III International Scientific Conference of Teachers, Young Scholars, PhD Students and University Students). Novocherkassk: NPI named after M. I. Platov, 331–334. (In Russian)].
- Сосницкая О. SOFT SKILLS: мягкие навыки твердого характера [Электронный ресурс]. URL: <http://be-st.ru/ru/blog/13> (дата обращения: 07.04.2023). [Sosnickaya, Olga. (2023, April 07) SOFT SKILLS: myagkie navyki tverdogo haraktera (SOFT SKILLS: Soft Skills of a Hard Character). Retrieved from <http://be-st.ru/ru/blog/13>. (In Russian)].
- Чичерина М. М., Чичерина Ю. В. Современный цифровой учебник по иностранному языку: структура и содержание // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 4 (56). С. 131–142. [Chicherina, Milana M., & Chicherina, Yulia V. (2021) Sovremennyj cifrovoj uchebnik po inostrannomu yazyku: struktura i sodержanie (Modern Digital Textbook on a Foreign Language: Structure and Content). *LUNN Bulletin*, 4 (56), 131–142. (In Russian)]. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-56-4-131-142.
- Шамов А. Н., Ким О. М. Особенности профессиональной деятельности преподавателя иностранных языков в вузе // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. № 2. URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1086/779> (дата обращения: 12.03.2023) [Shamov, Aleksandr N., & Kim, Olga M. (2020) (2023, March 12) Osobennosti professional'noj deyatel'nosti prepodavatelya inostrannyh yazykov v vuze (The Features of the Professional Activity of a Foreign Language Teacher at a University). *Vestnik of Minin University*, Vol. 8, 2. Retrieved from <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/1086/779>. (In Russian)].
- Яркова Т. А., Черкасова И. И. Формирование гибких навыков у студентов в условиях реализации профессионального стандарта педагога // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2. № 4. С. 222–234. [Yarkova, Tatyana A., & Cherkasova, Irina I. (2016) Formirovanie gibkikh navykov u studentov v usloviyah realizacii professional'nogo standarta pedagoga (Formation of Flexible Skills among Students in the Context of the Implementation of the Teacher's Professional Standard). *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, Vol. 2, 4, 222–234. (In Russian)].
- Lippman Laura H., Ryberg, Renee, Carney, Rachel, & Kristin, Moore A. (2015) *Workforce Connections: Key "Soft Skills" that Foster Youth Workforce Success: toward a Consensus across Fields*. Rockville: Child Trends Publication.
- Sorokovyykh, Galina V., Staritsyna, Svetlana G., & Adbulmyanova, Indira R. (2022) Modeling the Environment for the Virtual Teacher — Student — Parent Interaction. *LUNN Bulletin*, 3 (59), 128–141. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-128-141.
- Tang, Keow N., Nor, Hashimah H., & Hashimah, Mohd Y. (2015) Novice Teacher Perceptions of the Soft Skills Needed in Today's Workplace. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 177, 284–288.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-173-178

ТРАКТОВКА ВАРИАТИВНОСТИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОГО СВОЙСТВА ЯЗЫКА

Т. А. Басова, Т. Н. Федуленкова

Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Рецензия на монографию: *Исакова Л. Д. Многообразие языков в их вариативности*. Москва: Проспект, 2022. 176 с.

Вариативность языка — особый объект внимания для лингвистов. Первой плодотворной попыткой упорядочить многоуровневое разнообразие языка оказалось введение трансформационного метода его исследования (Хомский 1962), который не перестает использоваться, и не только в генеративной лингвистике, дифференцируя синтаксические структуры языка на ядерные, глубинные и поверхностные. Именно этот метод инициировал выявление базовых конструкций и множество их воплощений в конкретной речевой деятельности по определенным языковым правилам и таким образом экспонировал соотношение данных структур, отражающих такой представительный вид вариативности, как грамматическая вариативность, затрагивающая разные аспекты языка.

Очевидно, что ядерные грамматические структуры могут быть выделены в каждом языке. Ориентируясь на динамический аспект языка — на порождение речи и ее соответствующее восприятие участниками коммуникации, — трансформационный метод показывает, что любые сложные структуры языка являются производными от ядерных структур, в соответствии с определенными правилами трансформации. Трансформационная грамматика эксплицирует тот важный факт, что ядро синтаксической системы составляет ядерная подсистема, объединяющая ограниченный набор ядерных предложений, остальные же синтаксические конструкции представляют собой их вариации (см. тж. [Аракин 2005: 146–212]).

Не обходит вниманием языковую вариативность и когнитивная лингвистика, с позиции которой язык есть главное устройство закрепления и хранения приобретенной информации. Категоризация и концептуализация в познании мира как отдельным индивидом, так и отдельным социу-

мом выявляет необычайную вариативность этих процессов. Так как языковое кодирование знаний о мире базируется на когнитивной основе, то вариативное разнообразие грамматических систем ограничивается определенными устойчивыми когнитивными структурами, свойственными человеческому мышлению (Кибрик 2003: 117–118), что позволяет выявлять инвариантные типы языкового варьирования.

Познание когнитивных оснований функционирования языка дает возможность объяснять устройство, инвариантность и вариативность языковых структур (Bakina 2022). Рассматриваемые в когнитивной лингвистике вопросы категоризации, концептуализации, построения языковой картины мира, соотносительности языковых и когнитивных структур объясняют многие проблемы инвариантности и вариативности языка.

Подчеркивая феномен вариативности как неотъемлемого признака существования как языка в целом во всех его аспектах, так и каждого отдельно взятого языка в совокупности всех используемых средств, Л. Д. Исакова обращает внимание читателя на тот любопытный факт, что конкретные характеристики отдельных языков отражают общую вариативность человеческого языка.

Проявление вариативности языка усматривается автором в следующих аспектах:

- в наличии множества языков,
- в их необычайном многообразии,
- в их распределении по отдельным языковым типам,
- в сочетании разнообразных языковых средств функционирования,
- в региональных разновидностях языков,
- в вариативности отдельных языковых единиц,
- в функционировании языка на разных языковых уровнях,
- в функционировании языка в разных ситуациях общения,
- в использовании языка разными индивидами.

Именно вариативность языка позволяет регулировать его употребление в достаточно точном соответствии с коммуникативными намерениями и с проявлениями индивидуальных особенностей коммуникантов. Возможности языка многообразны, но варьирование подчинено определенным законам, действующим в языке и направленным на обеспечение коммуникации. Несомненно, для определения закономерностей варьирования необходимо исследование отдельных видов вариативности, их свойств и характера взаимодействия (см. тж. [Fedulenkova 2019; Bakina 2021; Basova 2021]).

Возможность вариативности языка обеспечивается гибкостью его системы, отсутствием в нем жестких правил и разграничительных линий.

Несмотря на обилие и разнообразие вариативности, язык остается устойчивой системой. Дело в том, что стабильность языковой системы и ее вариативность заложены в одной и той же структуре и имплицируют друг друга (Якобсон 1985: 395).

Л. Д. Исакова привлекает внимание исследователя к феномену иерархичности структуры языковой вариативности. По мнению автора, с одной стороны, выявляются варианты функционирования языковых единиц или языковых подсистем для осуществления одной функции; с другой стороны, данные варианты в обобщенном, абстрактном виде представляются инвариантами, которые, в свою очередь, воплощаются в конкретных вариантах использования языковых единиц или языковых подсистем. Аргументируя свою точку зрения, автор видит «осуществленный вариант выбора языковых средств» непосредственно в языковом дискурсе.

Для исследования вариативности подчеркивается важность инварианта, позволяющего упорядочить явление вариативности, выявить ее объем и конфигурацию, осуществлять сопоставление ее проявлений в отдельно взятом языке и в разных языках.

Такая же структура вариативности характерна и для более крупных языковых феноменов. Автор представляет иерархию языковой вариативности на примере ступенчатой структуры функционально-стилистической вариативности. В каждом отдельном языке автором выделяются функционально-стилистические варианты, которые, в свою очередь, являются инвариантами для их воплощения в речи в качестве дискурсивных вариантов (Исакова 1999). Иерархия различных видов вариативности прослеживается автором далее на примере соотношения различных видов вариативности (например, типологической и функционально-стилистической). Представляя языковые типы в качестве вариантов структуры языка, Л. Д. Исакова обосновывает свою инновационную позицию в понимании инварианта и выдвигает следующие аргументы:

- набор языковых признаков, характеризующих определенный тип языка и описывающих его в обобщенном виде, может быть выделен как инвариант для вариантов конкретных языков, относящихся к данному языковому типу;

- при этом каждый язык функционирует в виде функционально-стилистических вариантов (см. тж. [Исакова 2001: 19]);

- данные варианты могут быть представлены как комплексные описания особенностей подсистемы языковых средств данного функционального стиля, являющиеся инвариантами для определенного текста (варианта) соответствующего функционального стиля;

– иерархия вариативности проявляется в соотношении вариантов и инвариантов, когда определенный выделенный вариант будет в обобщенном виде выступать как инвариант для последующего выделения вариантов.

Новаторский характер данной книги состоит и в том, что Л. Д. Исакова показывает функциональные роли вариативности как в синхронном плане, так и в диахронном. В плане синхронии вариативность обеспечивает оптимальный выбор языковых средств, которые не противостоят задачам и условиям коммуникации. Вариативность дает возможность выбора средств, в наибольшей мере соответствующих целям коммуникации, перехода от одного стилистического регистра к другому, от одной территориальной разновидности языка к другой. В плане диахронии вариативность обеспечивает историческое развитие языков, их изменчивость в исторической перспективе, динамику соотношения устоявшихся языковых явлений, явлений нарождающихся и исчезающих (см. тж. [Аракин 2005: 10–11]).

Именно благодаря вариативности, которая обеспечивает динамичность языковых процессов, язык находится в состоянии постоянного развития (Fedulenkova 2021). Усиление темпов изменчивости языка происходит в способствующей этому общественно-социальной обстановке. В качестве иллюстрации приводятся три вида отмеченных автором проявлений в лексико-фразеологических, семантических и других изменениях в русском языке Москвы в условиях глобализации и активного взаимодействия народов в конце XX и начале XXI в.

Интересна мысль автора о вариативности как о средстве связи синхронии и диахронии. Подчеркивая неразрывную каузальную связь динамичности языковых явлений с онтологией языка как развивающегося объекта, автор конкретизирует условия перехода синхронной вариативности в диахроническую: этот переход происходит, когда наблюдается смена типа языка, смена подсистем языка или его отдельных единиц.

Функциональная валидность вариативности и отдельных единиц языка, и его подсистем, и языка в целом, как показывает автор, состоит в следующем:

- вариативность языка создает условия для его развития и обновления;
- вариативность языка обеспечивает сосуществование нескольких вариантов;
- вариативность языка обеспечивает сдвиг в частотности вариантов и соответствующей их смене;

– вариативность языка позволяет выявить тенденции языкового развития и диахронические универсалии.

Инновационность работы Л. Д. Исаковой состоит и в том, что она рассматривает вопросы диалектической взаимосвязи вариантности и нормативности.

Нормирование употребления языка упорядочивает его вариативность. Норма — это определенное ограничение вариативности языка, упорядочивающее его употребление и действующее для всего социума, говорящего на данном языке. Однако и сама норма нередко предлагает возможные варианты употребления. Вариативность нормы, а также ее изменчивость неизбежны, так как она находится под влиянием узуса — речевой практики, реального использования языка, который пребывает в постоянном развитии.

Автор подчеркивает, что нормативность, целенаправленная (как в литературном языке) или стихийная (как в социальных и профессиональных жаргонах), необходима для функционирования языка. Она упорядочивает формы его употребления, его безграничную вариативность и тем самым создает условия для точного выражения коммуникативных намерений.

В отдельных языках наблюдаются закономерности, характерные для всех языков, но проявления данных законов различаются (Якубова 2009). Рассматривая вопросы межъязыковой вариативности, Л. Д. Исакова подчеркивает, что вариативность индивидуальных языковых проявлений отмечается в соответствии с универсально выявленными закономерностями, которые характеризуют принципиальное устройство многостороннего феномена языка.

Глубина мысли, широкий охват проблем, связанных с вариативностью, от филогенеза до онтогенеза, связь синхронии и диахронии в трактовке вариативности как неотъемлемого свойства языка и есть важнейшие характеристики монографии, задающие тон современным исследованиям в области общей лингвистики и лингвистической типологии.

Вне всякого сомнения, книга займет достойное место в ряду лингвистических штудий новейшего времени и послужит источником информации для раздумий и новых идей в области языковой типологии, стилистической дифференциации языков и когнитивной лингвистики.

Список литературы / References

- Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. [Arakin, Vladimir D. (2005) *Sravnitel'naya tipologiya an-*

- glijskogo i russkogo yazykov* (Comparative Typology of English and Russian). Moscow: FIZMATLIT. (In Russian)].
- Исакова Л. Д. Функциональный стиль в типологическом преломлении. М.: Московский лицей, 1999. [Isakova, Lidiya D. (1999) *Funkcional'nyj stil' v tipologicheskom prelomlenii* (Functional Style in Typological Refraction). Moscow: Moskovskij licej. (In Russian)].
- Исакова Л. Д. Соотношение типологических тенденций и особенностей проявления функционального стиля в современных германских языках: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. [Isakova, Lidiya D. (2001) *Sootnoshenie tipologicheskikh tendencij i osobennostej proyavleniya funkcional'nogo stilya v sovremennyh germanskih yazykah* (Correlation of Typological Tendencies and Features of Functional Style Manifestation in Modern Germanic Languages). PhD (Advanced) Thesis in Philology. Moscow. (In Russian)].
- Кибрик А. Е. Константы и переменные языка = Constants and variables of language. СПб: Алетея, 2003. [Kibrik, Aleksandr Ye. (2003) *Konstanty i peremennye yazyka* (Constants and variables of language). Saint-Petersburg: Aletejya. (In Russian)].
- Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. II. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. С. 412–527. [Homskij, Noam. (1962) *Sintaksicheskie struktury* (Syntactic Structures). In *Novoe v lingvistike* (The New in Linguistics). Iss. II. Moscow: Izd-vo inostr. lit-ry, 412–527. (In Russian)].
- Якобсон Р. О. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Избранные работы / под ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 369–420. [Jakobson, Roman O. (1985) *Lingvistika v ee otnoshenii k drugim naukam* (Linguistics in Its Relation to Other Sciences). In Zvegincev, Vladimir A. (ed.) *Izbrannye raboty* (Selected Works). Moscow: Progress, 369–420. (In Russian)].
- Якубова Н. А. Лингвистический анализ как аспект интерпретации художественного текста // Вестник МГЛУ. Серия: Педагогические науки. 2009. Вып. 574. С. 146–152. [Yakubova, Natalia A. (2009) *Lingvisticheskij analiz kak aspekt interpretacii hudozhestvennogo teksta* (Linguistic Analysis as an Aspect of Interpretation of a Literary Text). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Pedagogical Sciences*, 574, 146–152. (In Russian)].
- Bakina, Anna D. (2021) Variability in the English Phraseological Units of Biblical Origin. In Eveno, Jeanne et al. (eds.) *15th ESSE Conference Programme and Book of Abstracts, 30 August – 3 September 2021*. Lyon: Université de Lyon, 110.
- Bakina, Anna D. (2022) The Bible as a Precedent Text to Shakespeare's Plays. In *Book of Proceedings. Tenth International Conference on Language and Literary Studies "Language, Literature and Future"*. Belgrade: Alfa bk university. Faculty of foreign languages, 212–221.
- Basova, Tatyana A. (2021) Variation in Japanese and English Units with a Somatic Component. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, Vol. 17, 1 (51), 68–77.
- Fedulenkova, Tatyana. (2019) Isomorphism and Allomorphism of English, German and Swedish Phraseological Units Based on Metaphor. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, Vol. 15, 3 (45), 126–134.
- Fedulenkova, Tatyana. (2021) Teaching Types of Semantic Transference in Business English Terms. In Eveno, Jeanne et al. (eds.) *15th ESSE Conference Programme and Book of Abstracts, 30 August – 3 September 2021*. Lyon: Université de Lyon, 100–101.

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-179-186

**«СТИХИЯ ПЕНИЯ И МУЗЫКИ В ЯЗЫКЕ» АРТЕФАКТОВ
СЕРГЕЯ КОНДРАТЬЕВА**

А. Ю. Яковлева

Детская музыкальная школа № 7 имени А. С. Ключарёва,
Казань, Россия

Рецензия на книгу: *Кондратьев С. А. Музыка и Тишина... Стихи разных лет* / Ред. доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств России А. И. Демченко. Саратов: ООО «Амирит», 2022. 180 с.

Мир поразительно устроен: я словно *tête-à-tête* пообщалась с Сергеем Кондратьевым (литературный псевдоним Сергея Алексеевича Козлова), автором сборника «Музыка и Тишина... Стихи разных лет», хотя его никогда не видела. При чтении этих стихов отчетливо слышалась редчайшая музыка пиитических артефактов. Причем не характеризуемых концептуальностью замыслов А. Г. Шнитке, с его экспрессией, типичной сложно дифференцированной оркестровой и ансамблевой фактурой, полистилистикой и системой цитат (Шульгин 1993: 190; Ивашкин 1994: 46), или «Русского Шопена» — представителя символизма в музыке А. Н. Скрябина как провозвестника авангарда и родоначальника «светомузыки» (Попков 2022: 17), а одного из известнейших бесконечных мелодистов В. А. Моцарта, чьи музыкальные детища наполнены поэтичностью и тонким изяществом, большим драматическим пафосом и контрастными элементами.

Почему Моцарта? Ответу на этот вопрос словами известного швейцарского теолога, богослова и пастора Карла Барта: «*Не знаю, в самом ли деле ангелы в присутствии Бога играют Баха, но я уверен, что в своем домашнем кругу они играют Моцарта*» (Бальтазар 2006: 57). И в текстах С. Кондратьева, упакованных в неисчерпаемые по тематике артефакты сущностного ценностного творчества великих людей музыкального, исполнительского, живописного, литературного и хореографического искусства — «стихий пения и музыки в языке», выраженной в корреляции постижения глубинного исторического пути России и наиболее острых проблем современной эпохи, сосредоточена не только боль и драма контрастов многонационального государства, но и личный экзистенциальный опыт автора как православной личности, радеющей «счастьями-

несчастьями», «звон Смиренья, Огня и Борьбы» за наше Отечество как Александр Стройло (Кондратьев 2022: 46).

Заслуга С. Кондратьева состоит в том, что в плеяду ярких представителей мира музыки, которыми он восхищается и которым в своеобразной форме отдает дань глубокого уважения, Сергей Алексеевич вводит таких, как: В. Агапкин, Т. Альбиниони, В. Артемов, Э. Артемьев, Б. Барток, И. Бах, А. Безенсон, Л. Бетховен, Т. Бриттен, Н. Буланже, В. Бутусов, М. Вайнберг, В. Высоцкий, Д. Гаспарян, О. Гжейло, Ф. Гласс, М. Глинка, Х. Гуднадоттир, Л. Даллапиккола, К. Дебюсси, Э. Денисов, Е. Дога, Т. Дун, Ю. Дюфур, А. Изосимов, Г. Канчели, А. Кастальский, А. Корсаков, Дж. Ласт, В. Ли, П. Лукашевский, П. Мамонов, Н. Метнер, К. Молчанов, Э. Морриконе, В. Моцарт, Е. Мравинский, Н. Мясковский, С. Намин, А. Онеггер, А. Пахмутова, А. Петров, А. Пьяцолла, Н. Рота, Ш.-К. Сен-Санс, А. Скрябин, С. Слонимский, М. Таривердиев, Л. Термен, Б. Тищенко, А. Торвальдсдоттир, Б. Троицк, Ю. Холопов, Г. Форте, Х. Циммер, П. Чайковский, И. Шварц, К. Шимановский, Т. Шкербина, А. Шнитке, Ф. Шопен, Д. Шостакович, Ф. Шуберт и Р. Щедрин.

В список талантливых личностей исполнительского мастерства творец оправданно включает Д. Башкирова, М. Бернеса, Ю. Визбора, Ж. Греко, Л. Зыкину, Е. Камбурову, И. Козловского, Ф. Коллинза, С. Лейферкуса, Н. Луганского, М. Магомаева, Д. Маруани (Экама), Татьяну и Сергея Никитиных, Е. Образцову, П. Оливероса, Д. Паркинсона, Л. Рохаса, Р. Рымбаеву, Ф. Синатру, Стинга, А. Третьякова, Я. Тьерсена, *The Thrillseekers* (С. Хелстрип), У. Хьюстон, Р. Чарльза, С. Эвора и Л. Эйнауди. Здесь же — любимая пианистка самого И. В. Сталина М. Юдина; автор-исполнитель, первооткрывательница жанра «песни-притчи» С. Копылова; крупнейший мастер фортепианного искусства, один из самых оригинальных интерпретаторов современной музыки и классики П.-Л. Эмар; молодой российский пианист и композитор И. Бессонов, 16-летним юношей ставший в 2018 г. первым в истории конкурса российским лауреатом «классического» Евровидения — *Eurovision Young Musicians*.

В хит-парад мастеров живописи С. Кондратьев включает Леонардо да Винчи, который нашел «путь-лабиринт сквозь плен столетий, через все границы, ломая себялюбия инстинкт...» и подарил всем песню Влюбленного *Miovesi l'amante...* — «целебней чудных грез бельканто. Его посланье нам... Цветущий сад...» (с. 11–12). Микалоюса Чюрлёниса представил читателю в роли «Неразгаданного Чуда», путешествующего «по далеким горизонтам возвращенного в себе мира» (с. 26). Ритм стихотворных строк «Вздох Очищенья: Ольга Таланцева» посвящает молодой художнице из Марий Эл, что образует тонкую световоздушную материю пробужденья,

передает атмосферу, где царствуют «... Утренняя свежесть... Зов тропинки, убежавшей вдаль... Мир полей, дубрав...», и кажется, «вот-вот — аукнет Чудо, что тебя искало тыщу лет... Но в ответ — лишь мудрость Кисти: “Люди! Возвращайтесь в Отчий Дом, — Рассвет...”» (с. 157).

Автор заводит интригующий разговор с непонятым Осипом Мандельштамом, который полупшепчет о чем-то личном, настолько частном, что третьего звена в цепочке «поэт — поэт» не существует, а впоследствии интерпретацией его стихов и жизни парирует: «Но образы и ритмы Мандельштама, — чеканных слов серебряная гроздь, — ваш шанс прорваться в Вечный Мир Тосканы... А веку-душегубу — Карма-Злость...» (с. 37). От имени аварского создателя бессмертного гимна солдатам во всем мире Расула Гамзатова он шлет «Поклон от Матери-Земли: ведь в Вечность шлет она, не Боги...» за «Огонь родного очага — всего на свете нам дороже: в нем дышат Время и Судьба» (с. 53), прощается с великим бардом поколения шестидесятников Булатом Окуджавой, которому без эйфории «открыла уж двери свои голубая усталая фея...», цитируя при этом Д. Семёновского: «Мне кажется, что нет уничтоженья. Мы не исчезнем все, не умрем. Деревья, камни, звери и растенья — Мы все, мы все сольемся в Голубом» (с. 102). Если же «Молчит “онлайновый” простор...», то С. Кондратьев призывает петь под аккомпанемент гитары стихи искательницы «за видимостью души» Новеллы Матвеевой, считавшейся «свободнее самого короля», какие «рождались из мелодий, им было тесно в Мире Слов», «Когда на миг вы с нею вместе, — вновь слышен херувимов хор...» (с. 104). Он ломает вполне привычные стереотипы лиры «стоном» шумной автострады, на месте которой когда-то пробивался «в дремучем лесу чистый, звонкий, целебный родник!», феномена и инопланетянки сенсационной в позднем СССР Ники Турбиной с ее недетскими рифмами (с. 112). «Вопрос вопросов» становится для него «Как органично совместить Поэзию — и “прозу жизни”?!...» и для «слышавшего Камертон Любви» Бориса Чичибабина, который прошел «Путь беспечный, трагичный, яростный, живой», но воспел «Ее глаза [Любви] сквозь призму духа-пантеизма...» (с. 139).

Рупору Сергея Алексеевича придают особенную глубину и звучность соприсутствие разных стилей, воплощенный дух минувших эпох, отсветы великих творений из истории сотворения мира, читаемых и осозаемых им в универсальном контексте всеобщего бытия, духовной поддержки, красотах мироздания, неминуемых утрат, потерь, потрясений, любовных мук, терзаний, надежд и раздумий про «Первородность хаоса Вселенной — синкретизм Начала и Конца...» (с. 65) («Песня Места Силы», «Голос Гор», «Музыка Вечной Дороги», «Энергия Слова — наследие Звука»,

«Многоголосью Мира...», «Танец — бунт ритмических энергий...», «Музыка Любви...: Роберт Джеймс Уоллер», «Зов Эллады: Леон Стейнмец», «Зов Пророка: Азеддин Алайя», «Тишина горного озера» и др.). Данности создают впечатление мощнейшего напряжения мысли, отлитой в стройных марширующих по страницам рядах, где каждое слово, каждая строчка не принимает общие правила созвучий, а по-кондратьевски неистово сопротивляется, например, «впечатлению лихорадочного сверкания,... Этого внешнего вихря бессмысленных торопливостей, за гранью которых — пустота» (Александр Грин. «Серый автомобиль»), «тому пиру среди чумы — во дни Утрат и Смуты — “бомонда” поп-культуры, дутых “звезд”», что рикошетит его отзвуком «и грусти, и боли, и драмы» — драмы звенящей Пустоты (с. 89).

Проницательный летописец С. Кондратьев уверенно отвечает на этот вызов: «Будет все в порядке...», с островков нестяжания в дальнейшем начнется возрождение искусства («Зов Востока: Владимир Глухов...») (с. 149–150). Хотя его суждения не лишены морализирующего пафоса, они содержат в себе некую радость наблюдения как такового и прежде всего стремление приблизиться к постижению истины, какой бы она ни была. Поэтому остается лишь добавить, что критики, фарисеи и слепцы ее, которым имя легионы, — исчезают в неизвестности и суть моськи, лающие на слона искусства и вечности. Судить о них следует с «оглядкой» — по «чину», как выразился, используя полутона, один из самых популярных современных писателей России Захар Прилепин, имеющий сугубо личностный взгляд и выстраданное осмысление насущного вопроса «Есть ли у тебя равнозначные произведения в своей области?» (Прилепин 2020: 12).

Зашифрованным сюжетным нарративам у С. Кондратьева противостоят «Сопричастности-нити» Владимира Меньшова — мелодии «птенцов Надежды» и «великой и тоскующей Любви... Той, что всегда права, — при всех “режимах”», обладающие специфическим врачующим эффектом (с. 56), с которой, цитируя Роберта Рождественского, все начинается — «и озаренье, и работа, глаза цветов, глаза ребенка», а в фокусе гуманистического пафоса кондратьевской поэзии, реактуального в наши дни, заключается «Благодарная память — удержит те строки, не эпохи — Души сокровенные вздохи» (с. 105). Талантливого француза Мурада Мерзуки, тестирующего новые подходы к современному танцу, в том числе цифровые технологии, Сергей Алексеевич коммуницирует с «Негой Транса» и «Дервишом Магии» (с. 84), гения танца и балетного стиля Майю Плисецкую, яркую и плавную, стремительную и спокойную, классическую и современную, выразившую собственную миссию своим главным жизненным

кредо «Хочешь светить — гори», буквально рисующей танец, — с «Энергией Любви» (с. 64).

Позволяет по-иному увидеть подтекст, иносказание, двойной смысл, продолжить тезис, попробовать разгадать загадку употребляемых автором цифр и чисел, мастерски замаскированную им тайну рифмо-магии. Как, например, за мощными, убедительными мотивами патернализма «птенцов Ментальности, пронзившей будни-сны...», на мой взгляд, закодирована интеллигенция, которая отдает свою жизнь «за Царя, конечно, не за Волю, где своеволие, хаос, смерть царят... И не за эту шалую Свободу, что все устои рушит невпопад...»; мелодиями забытой старины Михаила Глинки рефлексировать о затяжной, серьезной, тяжелой и одновременно бесплодной, яростной борьбе за победу «раба в своей душе, что и к Восстанью рвется, — и к той хозяйской, царственной руке...» (с. 19).

В удивительном множестве «эманаций Божественных крыл» «на Земле этой брэнной» С. Кондратьев воспроизводит «таинственный клад Тишины», незримо соприкасающейся с «чудесным пиршеством Звука» (с. 10), преподносит юному звонкому веку «ажурный шелест строчек» Ирины Одоевцевой, что возвышает над окружающей обыденностью, отражаясь «через тернии имперских ветхих стен» «безмолвным соучастием» (с. 38). «Голосом ветра и птичьих стай» просит помилования у городов, самолетов и поездов за зовущую вперед чарующую красоту музыки «странствий» Майи Кристалинской (с. 117) и «Реки Времен» Томаса Вулфа (с. 138). Попытку развития мощной повествовательной линии в реальных исторических фактах одного из интерпретаторов «Велесовой книги» Владимира Кошелева автор связывает с языческими исканиями, Зовом Искушения и реверсом Магии, так как «Истину понять — сам человек не властен, а Полу-Правда — Грех (с. 137), знакомит с «маленькими слугами духовной радости» Оливье Мессиаана в религиозной экзальтации, культе Христа эстетики символизма, пронизанными и теолого-мистическими идеями, и оригинальными одами Вселенной, и гимнами природе «Сквозь “частное” и “малое” — к “Большому”... Через событийность — к тайнам Бытия...» (с. 158).

Триаду знаменитых мастеров музыкальной культуры — С. Рахманинов, Г. Свиридов и В. Гаврилин — поэт олицетворяет с троичностью мира (Рожденье — Жизнь-свеча — Уход), тремя символами России (Ржаное поле — Крест — Прощальный звон), тройным даром предков (Бог — Родина — Человек) и тремя камертонами, «что всегда готовы помочь нам среди превратностей Судьбы» (с. 43). Вопросы «Да и похожа ли на что-то музыка?», «Достойны ли люди музыки?» становятся для него главнейшими. Через «Анатомию музыки» Валерия Афанасьева, «космоло-

гию духа» Вячеслава Артёмова, «Божественную лиру» Марианны Озолина, а также Е. Эткинда, Р. Эмерсона и других гениальных представителей мира культуры и искусства, которую условно можно обозначить как ресубъективация, создатель стихов усиливает эмоциональные композиции общеуникальных мыслей, предложив читателю необычный конгломерат «архетипов личности зерно...» — непринужденного со-участия или сопереживания смыслового достояния автора «...в Дух спрессованной Вечности» («Шепот Вечности: Василий Нахимов», с. 173).

Дополнительным аргументом и веским намеком, маркирующим кондратьевский шифр, являются его абсолютные истины — эпифоры, которые не опровергает как нормативно-ценностные идеи никакой опыт. Они посвящены памяти таких талантливых людей, как: Константин Сараджев, армянский музыкант Русской Судьбы, дирижер, скрипач и сторонник новой русской музыки (с. 41); Борис Шергин, русский советский писатель, фольклорист, публицист и художник, известный историями из жизни поморов (с. 45); Арно Бабаджанян, армянский композитор, пианист, педагог, в чьих сочинениях причудливо и естественно переплелись национальные армянские мотивы, элементы русского фольклора и синкопы джаза (с. 54); Леонид Афанасьев, советский композитор, в арсенале которого песни к «сериалам», «телероманам» или фильмам-сагам (с. 58); Алемдар Караманов, основоположник музыкального направления «Религия в симфонизме» (с. 130); Юрий Буцко, композитор русской школы, писавший шедевры в жанрах симфонии, оратории, кантаты, камерные сочинения и киномузыку (с. 132); Роберт Рождественский, русский советско-российский поэт, продолжатель революционного стиля, чьи тексты песен — буря, потоп и зов, созвучные ликование (с. 105); Юлия Друнина, советская поэтесса, сквозь «ноты Разлома» показавшая войну глазами женщины, солдата с душой романтика (с. 111); Анастасия Цветаева, «гобой Серебряного Века» (с. 167).

Импульсивные новации автора не оставили без внимания «сады» Ярослава Ивашкевича, фигуры всемирного масштаба и подлинного титана польской литературы XX в., Кшиштофа Пендерецкого, последнего из могикан этого столетия и самого известного из современных польских композиторов, а также Магнуса Флорина, шведского писателя и театрального режиссера, чьи выразительные и экспансивные произведения в гиперболическом формате синтезируются со сплавом документальности и фантазии (с. 159). Наводит на мысль о том, что ко всему нужно подходить с разным пониманием смыслового значения, когда погружаешься в его посвящения «культовым фигурам» — о «воспевшем Север» финском композиторе Яне Сибелиусе, вдохновленном скандинавскими красотами и самобытным эпосом, чьи сочинения вобрали традиции западноевропейского романтизма, а

стилистика — веяния импрессионизма (с. 20); швейцарском «музыкальном Песталоцци», композиторе и педагоге Эмиле Жак-Далькрозе (с. 21); современных американских писателе-фантасте, «творце Певцов» Сэмюэле Р. Дилэни (с. 163) и мэтре жанра фантастики Рэе Брэдбери, воплотившем у себя «музыку» Будущего и «первозданность Пра-Творения в Божьей руке» (с. 175).

В силу своей чувствительности С. Кондратьев глубоко и отчаянно, как живой, интуитивно духовно-душевный человек, пишет также об отголосках войны, когда проводит параллели с тревожным холодком немецких «фаустников», впрямь неистребимым тевтонским духом подростков мальчишек — аномальном повторении круга времен, когда те «по зову Марса вечный бой опять с “врагом” начнут» (посвящается военному корреспонденту Василию Гроссману, с. 109–110), оставившей «боль потерь — неугасимейший след» (немецкому живописцу Герхарду Рихтеру, «Тишина Биркенау... Герхард Рихтер») (с. 168); «Песней Гнева» воспеваает героизм и подвиг советских воинов, «Прошедших пол-Европы и честь Отца-Востока ничем не запятнавших» (с. 107–108).

На первый взгляд предельно простая и естественная (при сравнительно малом количестве рифм в общем объеме стихотворения), но вместе с тем максимально точная в звуковом и в зрительном подобии казуально-философская «стихия пения и музыки в языке» С. Кондратьева, на мой взгляд, зачастую сочетает в себе парадоксальность и наследие, новаторский формат и «вечные» темы «поэзии нонсенса» американца Огдена Нэша, под обманчивым пристрастием к пародии и каламбуру которого, как считает И. Б. Комарова, явственно просматривается социальная критика и экспериментаторство в области формы (Нэш 1988: 3, 2018: 4). Оттого и взрывает или рушит наш наблюдательный современник орфографию и закрепившиеся схемы рифмования, переиначивает редакцию слов в угоду смыслу, обрушивая на публику, как и О. Нэш, каскад эпатажа (Нэш 1988: 6).

Резюмируя, отмечу, что гибридный язык артефактов в сборнике стихов анонсируют многочисленные выдержки из заслуживающих внимания высказываний известных деятелей мировой культуры, которые удивительным образом совпадают с важнейшими посылами автора. Такова определенность колоссального труда, который чувствуется в характере текстов, непонятных для невежд. Но музыка все равно звучит, ибо восхищение стоит рождающего ощущение магии незнания. В обобщенной форме это порождает массу оценок, чувств, ощущений, переживаний общеуникальных мыслей, сострадания и сорадования живописно-линейного стиля созданных портретов, абстрактных образов, прообразов вне отнесения к смыслу самих текстов.

Работа создает оригинальный синтетический жанр и уже поэтому составляет живой момент живого русского литературного процесса. Всеми средствами поэтической риторики С. Кондратьев призывает читателя разделить с ним наслаждение «Музыкой и Тишиной», особым, революционным, опытом привнесения в речь дополнительной меры (измерения) принципиально нового типа синтетического произведения указывает на его эстетический потенциал, не определенный потребностями обыденного языка и ритмизованного самопознания.

Список литературы / References

- Бальтазар Г. У. фон, Барт К., Кюнг Г.* «Богословие и музыка. Три речи о Моцарте»: три крупных богослова XX века — Бальтазар, Барт, Кюнг — о Моцарте. М.: Библейско-богословский ин-т св. ап. Андрея, 2006. [Balthazar, Hans U. von, Bart, Karl, & Kyung, Hans (2006) *“Bogoslovie i muzyka. Tri rechi o Motsarte”*: tri *krupnykh bogoslova XX veka — Bal’tazar, Bart, Kyung — o Motsarte* (“Theology and Music. Three Speeches about Mozart”: Three Major Theologians of the 20th Century — Balthazar, Barth, Küng — about Mozart). Moscow: Bibleysko-bogoslovsky in-t sv. ap. Andreya. (In Russian)].
- Ивашкин А. В.* Беседы с Альфредом Шнитке. М.: РИК «Культура», 1994. [Ivashkin, Alexander V. (1994) *Besedy s Al’fredom Shnitke* (Conversations with Alfred Schnittke). Moscow: RIK “Kultura”. (In Russian)].
- Кондратьев С.* Музыка и Тишина... Стихи разных лет. Саратов: ООО «Амирит», 2022. [Kondratiev, Sergey (2022) *Muzyka i Tishina... Stikhi raznykh let* (Music and Silence... Poems of Different Years). Saratov: ООО “Amirit”. (In Russian)].
- Нэш О. Ф.* Все, кроме нас с тобой: Сто избранных стихотворений. Ленинград: Лениздат, 1988. [Nash, Ogden F. (1988) *Vse, krome nas s toboy: Sto izbrannykh stikhotvoreniy* (Everyone But Thee and Me: One Hundred Selected Poems). Leningrad: Lenizdat. (In Russian)].
- Нэш О. Ф.* Туда отсюда не попасть: сто избранных стихотворений в переводах (с английского) Ирины Комаровой. СПб.: Пальмира, 2018. [Nash, Ogden F. (2018) *Tuda otsyuda ne popast’: sto izbrannykh stikhotvoreniy v perevodakh (s angliyskogo) Iriny Komarovoy* (You Can’t Get There from Here: One Hundred Selected Poems in Translations (from English) by Irina Komarova). Saint Petersburg: Palmyra. (In Russian)].
- Попков В. В., Скрябин А. С.* «Природу в звуки претворил...»: А. Н. Скрябин глазами современников. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. [Popkov, Vladimir V., & Skryabin, Alexander S. (2022) *«Prirodu v zvuki pretvoril...»: A. N. Skryabin glazami sovremennikov* (“He Turned Nature into Sounds...”: A. N. Scriabin through the Eyes of His Contemporaries). Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian)].
- Прилепин З. Н.* Имя рек. 40 причин поспорить о главном. М.: АСТ, 2020. [Prilepin, Zakhar N. (2020) *Imya rek. 40 prichin posporit’ o glavnom* (River Name. 40 Reasons to Argue about the Main Thing). Moscow: AST. (In Russian)].
- Шульгин Д. И.* Годы неизвестности Альфреда Шнитке: Беседы с композитором. М.: Деловая лига, 1993. [Shulgin, Dmitry I. (1993) *Gody neizvestnosti Al’freda Shnitke: Besedy s kompozitorom* (Years of Obscurity Alfred Schnittke: Conversations with the Composer). Moscow: Delovaya liga. (In Russian)].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: euandreeva@fa.ru

Басова Татьяна Александровна, аспирант кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

E-mail: tanyatako@gmail.com

Беляева Ирина Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и культуры речи Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

E-mail: irinabelyaeva23234@mail.ru

Беспалова Анастасия Олеговна, ассистент кафедры иностранных языков Института русского языка, специалист по учебно-методической работе Института русского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: aobespalova@lunn.ru

Брусенская Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Ростовского государственного экономического университета.

E-mail: brusenskaya_1@mail.ru

Голубева Кристина Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Института русского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: kggolubeva@lunn.ru

Гусева Людмила Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иноязычной профессиональной коммуникации Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина.

E-mail: ludmila_guseva@yahoo.com

Иванов Андрей Владимирович, доктор филологических наук, профессор, руководитель Международной научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные лингвистические исследования» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: holzmann2014@yandex.ru

Иванова Римма Анваровна, кандидат филологических наук, доцент, проректор по учебной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: rivanova@lunn.ru

Котаева Алена Рутеновна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тибилова.

E-mail: saleks1966@mail.ru

Куликова Элла Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

Кулумбегова Людмила Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тибилова.

E-mail: kulumbegLV@yandex.ru

Лебедева Марина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, декан Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: lebedeva@lunn.ru

Прасолова Ольга Дмитриевна, аспирант, ассистент кафедры теории и практики английского языка и перевода Высшей школы перевода, лаборант-исследователь Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: prasolovaolga2014@yandex.ru

Садиева Анна Назимовна, студентка Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина.

E-mail: annasn21@mail.ru

Сиразетдинова Регина Наильевна, старший преподаватель кафедры германских языков Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий.

E-mail: regina_ann@mail.ru

Тедеева Заира Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тибилова.

E-mail: tedeeva.zaira@mail.ru

Товкес Мария Юрьевна, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: tovkes.m@yandex.ru

Тюлин Дмитрий Александрович, аспирант Российского государственного гуманитарного университета.

E-mail: ringosartre@gmail.com

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, член Российского профессорского собрания (Свидетельство № 64), член-корреспондент РАН.

E-mail: fedulenkova@list.ru

Яковлева Анастасия Юрьевна, кандидат искусствоведения, преподаватель отдела струнно-щипковых инструментов МБУДО г. Казани «Детская музыкальная школа № 7 им. А. С. Ключарёва».

E-mail: 8nastyas@list.ru

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 3 (63)

Ответственный за выпуск:
Р. М. Шамилов

Редакторы:
Н. С. Чистякова
В. М. Цымбалова

Подписано в печать 30.09.2023. Формат 60×90 1/16.
Печ. л. 11,87. Тираж 500 экз.
Цена договорная. Заказ № 10764

Адрес редакции, издателя, типографии:
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а

Подписной индекс в электронном каталоге Почта России: ПН269